

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ ИМ. А. А. ПОТЕБНИ

На правах рукописи
УДК 811.161.1'37:82-1

БУРАГО ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА

КОНЦЕПТ «КИЕВ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ XIX–XXI В.В.

10.02.02 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Брицын Виктор Михайлович

Киев – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел I. Лингвоконцептологические основы изучения языка	10
1.1. Лингвоконцептология как междисциплинарная область научных знаний	10
1.2. Концепт как важнейшая структура представления знаний в языковом сознании	18
1.3. Структура концепта и методика его описания	25
1.4. «Киев» как лингвокультурный концепт	33
Выводы к первому разделу	39
Раздел II. Интегративный подход в исследовании концепта	41
2.1. Интегративность как основной путь в науке XXI века	41
2.2. Признак «город-столица» как базовая составляющая концепта «Киев»: лексикографический и семантический аспекты	46
2.3. Семиотика города-столицы: Киев как текст культуры	61
2.4. Киев как способ организации пространства	71
2.5. Реконструкция концепта «Киев» в ономастическом аспекте	78
Выводы ко второму разделу	86
Раздел III. Поэтический текст как дискурсивное поле для реконструкции концепта «Киев»	89
3.1. Поэтический текст и поэтический дискурс	89
3.2. Реконструкция концепта «Киев» в единстве когнитивного и лингвокультурологического подходов	98
3.2.1 Фактуальные признаки	99
3.2.2. Ассоциативное представление объекта	109
3.2.3. Образные признаки концепта «Киев»	113
3.2.4. Интерпретационная зона концепта «Киев»	121
3.2.5. Модель концепта «Киев»	141
3.3. Языковая репрезентация концепта «Киев»	146
3.3.1. Язык и его статус в поэтическом тексте	146

3.3.2. Языковые особенности ядра концепта «Киев»	157
Выводы к третьему разделу	159
Заключение	162
Список условных сокращений использованных словарей	170
Список использованной литературы	174
Список источников иллюстративного материала	197

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшее достижение современной лингвистики состоит в том, что язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой, антропоцентрической парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Начиная с 80-х годов прошлого столетия это направление приобретает все большую популярность и становится все более востребованным.

В связи с этим в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки о языке выделяется целый ряд перспективных направлений: когнитивная лингвистика (Г.И. Берестнев, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Л.П. Иванова, В.Л. Иващенко, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, З.Д. Попова, А.Н. Приходько, Е.В. Рахилина, Е.А. Селиванова, И.А. Стернин), психолингвистика (И. Горошко, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева), лингвокультурология (Е.Н. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, А.Т. Хроленко), этнолингвистика (А.С. Герд, В.В. Жайворонок, Н.И. Толстой), этногерменевтика (А.П. Мартынюк, Е.А. Пименов, М.В. Пименова).

Данная диссертационная работа посвящена разработке поэтического концепта «Киев» на основе дискурсивно-концептуальных исследований, которые в современной лингвистике занимают одно из центральных мест.

Обращение к дискурсу как материалу исследования (поэтический дискурс о Киеве) привели к формированию идеи концепта «Киев» как дискурсного феномена.

Актуальность исследования определяется комплексом факторов. Во-первых, в наступившем тысячелетии все науки движутся в направлении взаимной интеграции, лингвистика также стремится синтезировать в себе достижения из разных областей исследовательских знаний. Таким образом, актуальность исследования состоит в антропоцентрической ориентации работы, разрабатываемые в ней принципы анализа поэтического материала созвучны с актуальными направлениями современной когнитологии, что и

обуславливает возможность включения ее данных в широкий контекст когнитивных, лингвокультурологических, лингвоконцептологических, семиотических и других исследований.

Во-вторых, на сегодняшний день отсутствуют работы по реконструкции концепта «Киев», по исследованию «Киевского текста», хотя такие концепты реконструированы для таких городов, как Петербург, Москва, Рим, Венеция, а также для региональных городов России (Оренбург, Екатеринбург, Волгоград и др.). Между тем образ Киева занимает важное место в русской и украинской поэзии и культуре, его многоаспектное описание выступает органичным компонентом отечественной лингвистической этноконцептологии. Думается, что реконструкция «концепта Киев» внесет определенный вклад в процессы самоидентификации украинского народа, поможет найти истоки славянской души и может способствовать выработке позитивных моделей взаимодействия с другими странами.

В-третьих, актуальность работы определяется также материалом исследования, на основе которого реконструируется концепт – поэтический дискурс. Поэтический язык – это особый тип естественного языка, это «язык с установкой на творчество» (В.П. Григорьев). В нем элемент любого уровня стремится стать семантически мотивированным и может быть оценен с разных точек зрения, т.к. поэтический текст многолик: одним своим ликом он обращен к системе языковых средств, другим – к культуре, третьим – к коммуникации, важной частью которой является ситуация восприятия и понимания текста, которое может быть глубже и шире авторского понимания. Еще П.А. Флоренский писал, что сам автор не является «надежным» истолкователем своего произведения «и сказать, что именно написал он, нередко может с меньшей уверенностью», зачастую в его тексте лучше разберется «любой из внимательных его читателей» или же ученый-интерпретатор [191, с. 26].

В силу этого в поэтическом тексте эксплицитно (а чаще имплицитно) проявляются все виды человеческого знания, которые исследователь должен

увидеть и предложить читателю. Важно посмотреть, какие типы знания о Киеве зафиксированы в поэтических текстах.

Все сказанное обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Связь работы с крупными научными программами. Диссертация выполнена в рамках научной темы «Язык как фактор духовного развития общества», которая разрабатывалась в Институте языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины (№ государственной регистрации 0112u000754).

Объектом исследования является концепт «Киев» как фрагмент поэтической картины мира, как вербально зафиксированное представление о разных сферах города.

Предметом исследования выступает целостная реконструкция концепта в поэтических текстах, а также языковые средства и способы его реализации.

Цель диссертации – проанализировать один из важнейших концептов в культурной концептосфере – концепт «Киев».

Для достижения поставленной цели в исследовании решается ряд **задач**:

- 1) обосновать необходимость реконструкции концепта «Киев» с позиций лингвоконцептологии и лингвокультурологии;
- 2) доказать необходимость интегративного подхода к выделению и описанию концепта;
- 3) определить статус концепта «город-столица» в современной категоризации мира;
- 4) выявить особенности концепта «Киев» как ключевой единицы культуры и как текста культуры;
- 5) представить *Киев* с точки зрения семиотики;
- 6) рассмотреть поэтический текст как дискурсивное поле для реконструкции концепта «Киев»
- 7) описать структуру концепта «Киев» и создать его модель;

- 8) определить специфику образа поэтического концепта «Киев»;
- 9) выявить, с помощью каких языковых средств репрезентирован концепт в поэтическом дискурсе.

Теоретической базой исследования стали следующие современные идеи: 1) о концептуальной интеграции научных знаний, предполагающей интегративный подход к изучаемым явлениям; 2) о концепте, являющемся важнейшей структурой представления знаний в языке и языковом сознании; 3) о концепте города как весомой составляющей культуры; 4) о возможности использования для концептуальных исследований поэтического текста; 5) о полифоническом характере и многогранности поэзии и связанной с этим возможности разнообразной ее интерпретации. Данные идеи нашли отражение в работах по когнитивной лингвистике (А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.), в исследованиях концепта «город» (С.А. Аскольдов, Н.Н. Болдырев, Ю.С. Степанов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и др.), в трудах, посвященных описанию текста, в том числе и поэтического (М.М. Бахтин, Н.С. Болотнова, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Н.Е. Меднис, В.А. Маслова и др.).

В диссертации использовалась совокупность **методов и приемов**, ориентированных на реконструкцию концепта: метод концептуального моделирования, компонентный анализ для определения семантических компонентов значений лексем с опорой на словарные дефиниции, дискурсивный анализ для описания функционирования отдельных лексем в поэтических текстах, полевой метод при рассмотрении языковых единиц как иерархически организованного целого, элементы статистического анализа. В качестве базового был применен описательный метод.

Материалом исследования послужили поэтические тексты о Киеве русской и русскоязычной украинской литературы XIX–XXI в.в., в которых так или иначе отражен город Киев. Это тексты поэтов, собранные в антологиях: «Киев в русской поэзии» (сост. С. Пономарев) (1); «Сто русских поэтов о Киеве» (сост. Р. Заславский) (4); «Поэтический атлас Киева» (сост.

Ю. Ковальский, В. Каденко, П. Лаврова) (6); «Киев в русской поэзии» (сост. И. Булкина) (7); «Киев. Русская поэзия. XX век» (сост. Ю. Каплан) (5); «Дом с химерами» (сост. М. Муляр, Л. Финкельштейн) (3); «Антология современной русской поэзии Украины» (сост. М.Красиков) (2) и др.; а также в поэтических сборниках отдельных авторов.

В собранную нами картотеку вошли произведения поэтов, отобранные методом сплошной выборки. Было проанализировано около 1600 поэтических текстов, посвященных описанию города Киев, его памятников, улиц, площадей, храмов и т.д. Картотека исследования составляет около 2500 единиц.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале поэтических текстов реконструирован концепт «Киев», разработана и описана модель киевского текста как структуры ментального объекта; выделены признаки концепта; осуществлено комплексное описание языковой репрезентации концепта «Киев» по данным поэтических текстов; установлено ядро соответствующего концептуального поля и его периферия.

Теоретическая значимость исследования. Концепты «город», «столица» являются одними из наиболее значимых элементов культурной концептосферы любого народа, они приобретают особое значение в рамках современной парадигмы гуманитарного знания. Научная значимость определяется тем, что впервые проведено исследование по выявлению поэтического воплощения концепта «Киев»; проанализировано понятие «Киевский текст литературы и культуры», которое рассмотрено как интертекст и как сверхтекст. Теоретическая значимость заключается и в возможности использования методики анализа, а также полученных результатов для описания других лингвокультурных концептов, т. е. работа важна и для разработки методологии познания современной лингвокультуры.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его материалов, основных положений и выводов при чтении филологических дисциплин, в частности в курсах лекций и семинаров по

лингвоконцептологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, дискурс-анализу, лингвистическому краеведению. Результаты работы могут быть использованы в качестве материала на уроках русского языка как иностранного, уроках краеведения в школе.

Личный вклад соискателя. Полученные результаты исследования и разработанные в диссертации положения получены в ходе самостоятельной работы. Все результаты подготовлены к опубликованию индивидуально.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы на международных конференциях, а именно: на XXI, XXII, XXIII, XXV Международных научных конференциях «Мова і культура» им. проф. Сергея Бураго (Киев, 26 – 29 сентября 2012 г., 24 – 27 июня 2013 г., 23 – 25 июня 2014 г., 20 – 23 июня 2016 г.), на XVI Международной конференции по актуальным проблемам семантических исследований «Семантика мовних одиниць» (Харьков, 14 – 15 апреля 2016 г.), на Международной научной конференции «Славянская мифология и этнолингвистика» (Гомель, 2 – 3 декабря 2015 г.), на Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика И.К. Белодеда (Киев, 21 – 23 сентября 2016 г.).

Публикации. Проблематика, теоретические и практические результаты исследования отражены в 9 публикациях. Из них 5 статей напечатаны в специализированных научных изданиях, включенных в список ГАК Украины, 4 публикации – в зарубежных изданиях, 3 входят в список ВАК Белоруссии и 1 – в список ВАК России.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованной литературы (211 позиций), списка источников иллюстративного материала (188 позиций), списка сокращений использованных словарей (34 позиции). Полный объем диссертации 213 страниц, основного текста 169 страниц (в том числе 1 рисунок модели).

РАЗДЕЛ I

Лингвоконцептологические основы изучения языка

1.1. Лингвоконцептология как междисциплинарная область научных знаний

Цель данного раздела – показать место лингвоконцептологии среди современных научных дисциплин лингвистического цикла и рассмотреть возможности ее использования в процессе описания языка.

Как уже отмечалось отечественными лингвистами (А.П. Мартынюк [109]; О.Л. Бессонова [143]; О.П. Воробйова [44]; А.М. Приходько [141]; Н.И. Сукаленко [168]; Г.М. Яворская [206]), начиная со второй половины XX века, активно объединяются разные области научных знаний. В последние десятилетия в работах многих лингвистов наблюдается отказ от монодисциплинарности в гуманитарных науках, что обусловлено невозможностью получить новые знания в рамках конкретной науки, когда, как отмечает У. М. Бахтикиреева, «узконаправленные координаты одной отдельно взятой дисциплины не достаточны для продуцирования новых знаний и перестают вписываться в новую архитектуру мира, его субъекта и гносеологических оснований» [9, с. 11].

Некоторые ученые (К. Леви-Стросс и др.) видят будущее науки в объединении гуманитарного и естественнонаучного знания. Ю.С. Степанов, например, говорит о постепенном расширении предмета семиотики в сторону этики и обосновывает теорию «нового расширения» семиотики в виде создания единого информационного пространства [162, с. 39]. В некоторых его работах семиотика культуры понимается так широко, что практически отождествляется с наукой о человеке и даже с самой духовной жизнью [164, с. 4].

Нас интересует *лингвоконцептология*, которая начала развиваться лишь на рубеже XX и XXI веков. В ее основе лежат лингвокультурология и когнитивная лингвистика, а в отдельных ее ответвлениях использован и ряд других наук – лингвострановедение, социолингвистика, этнолингвистика,

энопсихолингвистика, межкультурная коммуникация и др. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В последнем десятилетии прошлого века в рамках лингвистики начала активно развиваться интегрированная наука – лингвокультурология (В.Н. Телия [175]; В.В. Воробьев [45]; В.А. Маслова [110]; В.М. Шаклеин [198, 199] и др.), которая, возникнув на стыке двух наук – лингвистики и культурологии, предложила новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. Сам термин *лингвокультурология* появился в 90-е гг. XX в. в русской лингвистике; он связан прежде всего с работами В.Н. Телия ([175, 176, 177]), которые не только показали тесную связь между языком и культурой, но и сформулировали фундаментальные постулаты данных феноменов.

Говоря об изучении языка с позиции культуры, лингвисты обычно имеют в виду анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной специфики. Это работы А. Вежбицкой [28, 29]; С.Г. Воркачёва [40; 41; 42] и др. Изучение этнокультурных особенностей, закреплённых в языке и проявляющихся в речи, ведётся в современной лингвистике в рамках лингвострановедения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [31, 32]), этнолингвистики (А.С. Герд [49]), этнопсихолингвистики (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина [157]), теории межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова [178]; О.А. Леонтович [95]).

В основе современной лингвокультурологии лежит идея, что язык отражает определенный, специфический для него способ концептуализации мира. Хотя сама идея стара и принадлежит В. Гумбольдту [57, 58] и А.А. Потебне [139], но только в современной лингвокультурологии она стала доминантной. Реконструкция целостной картины мира по данным языка становится сверхзадачей лингвистики.

Лингвокультурология – это не просто установление национально-культурной специфики языковых единиц и текстов, а выявление механизмов

внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения оттуда носителем языка с учетом языкового сознания.

Теоретические основы лингвокультурологии закладывались в науке на стыке философии, логики и языкознания (С.А. Аскольдов, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов), теории словесности и лингвистики (Д.С. Лихачев, В.П. Нерознак), лингвострановедения и лингводидактики (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.С. Бурвикова, Ю.Е. Прохоров), культурологии и лингвистики (В.В. Воробьев, В.А. Маслова, В.М. Шаклеин).

Лингвокультурология быстро и активно развивается. Если в работе В.А. Масловой «Лингвокультурология» [111] было указано, что сложились и функционируют четыре лингвокультурологические школы, то почти за два десятилетия их появилось много: не только в Москве, России, но и в Украине, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане и др., а также в Европе: в Словакии (Эва Коларова), Польше (И. Коженевска), Сербии (К. Кончаревич) и других странах.

В настоящее время в лингвокультурологии сложилось несколько научных направлений, в которых связь языка с национальной культурой описывается разными исследователями по-разному. Можно говорить о появлении новых направлений в лингвокультурологии. Широко и активно развивается 1) прикладная лингвокультурология, в составе которой, в свою очередь, можно выделить: а) лексикографическое направление (Ю.С. Степанов, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.В. Николаенко и др.), б) прикладное использование полученных в науке данных, прежде всего о практической реализации лингвокультурологической теории, в методике преподавания языков (см., например, работы В.П. Синячкина);

2) региональная лингвокультурология (активно развивается в Украине – работы Т. Бердий [13]; В.И. Теркулова [179]; Е.А. Селиванова [150] и др.; в Белоруссии – работы В.А. Масловой, А.А. Лавицкого, С.В. Николаенко; работы Н.В. Бубновой по региону Смоленска, Л.К. Байрамовой по региону Татарстана и др.);

3) сопоставительная лингвокультурология (быстро и активно развивается в Украине – работы О.Л. Бессоновой, И.А. Голубовской, У.А. Карпенко и др., в Казахстане – работы Э.Д. Сулейменовой, З.К. Темиргазиной, Г.Н. Кенжебалиной, Ж.Ж. Капеновой, Н.Ж. Шаймерденовой и др.);

4) лингвокультурология поликультурного пространства (работы Г.Ю. Богданович и др.);

5) экспериментальная лингвокультурология. Возникновение последней обусловлено тем, что процессы, которые происходят в сознании человека, не поддаются непосредственному наблюдению, а значит, ментальные операции со смыслом не могут быть полностью эксплицированы. Еще Л.В. Щерба писал, что «в возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество с теоретической точки зрения [201, с. 159]. Проблемы экспериментальной методологии получили разработку в работе К.Я. Сигал и Н.М. Юрьевой [153];

6) синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение языка и культуры. Е.А. Ничипорович считает: «Если лингвокультурологи хотят отвечать на «вызовы времени», они должны интересоваться не только «руслами» – проявлениями *репродуктивной* функции культуры в языке (заданной естественной ориентацией коллективного сознания на опыт прошлого), но и «джокерами» – проявлениями ее *креативной* функции в будущих состояниях системы» [129, с. 194]. И действительно, лингвистика и ее объект – язык – не только описывают готовый мир, но и по-своему творят его.

В рамках сформировавшегося нового направления лингвокультурологии структурируются как особые разветвления *логоэпистемология* (В.Г. Костомаров, Н.С. Бурвикова) и *лингвистический / филологический концептуализм* (В.П. Нерознак) и др. Нас интересует *лингвоконцептологическое направление*, которое тоже получило свое начало в лингвокультурологии.

Таким образом, лингвокультурология сегодня – это целый ряд довольно разрозненных исследований. Тем не менее, можно выделить центральную проблему – проблему межкультурных несовпадений.

Наибольший интерес для лингвокультурологии представляют следующие языковые сущности: 1) фразеологический фонд языка; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) речевое поведение; 6) область речевого этикета; 7) коды культуры; 8) концепты культуры; 9) ценности культуры. Это наиболее «культуроносные» сущности. Однако обозначенный список объектов исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, здесь указаны лишь важнейшие объекты.

Все это изучается в связи с историей и культурой народа, что помогает объяснить природу культуры, взаимосвязь духовности и поведения народа, проследить систему представлений о мире, понятий, жизненных установок, правил, законов, по которым живет народ.

В Европе и Америке лингвокультурология имеет другое название – это *культурная антропология*. К этой области относятся работы Э. Тайлор, Б. Малиновского, Д. Мид, Х–Г. Гадамера, Э. Фромма и др.

Еще одной лингвистической дисциплиной, давшей толчок развитию лингвоконцептологии, стала когнитивная лингвистика (И.О. Голубовська [50]; А.М. Приходько [141]; В.А. Маслова [113] и др.). Процессы, связанные со знанием и информацией, называются когнитивными, или когнициями. Их синонимами также являются слова *интеллектуальный, ментальный, рассудочный*.

Возникновение когнитивной лингвистики, ставшей в XXI веке одним из самых модных и востребованных направлений в мировой лингвистике, обыкновенно связывают с симпозиумом по теории информации, проходивший в Массачусетском институте в 1956 г. Американский профессор Дж. Бруннер

впервые начинает читать лекции о природе когнитивных процессов. В 1960 г. в Гарвардском университете вместе с Дж. Миллером они организуют первый центр когнитивных исследований. Термин *когнитивная наука*, или *когнитивизм (cognitive science)* был введен еще раньше.

Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей. В конце XX века заговорили о когнитивной революции.

Но и до когнитивистов ученые стремились открыть общие логические законы, которые «работали» бы во всех областях науки и практики. То есть у когнитивизма огромная традиция, начало которой – в античности. Человеческим интеллектом, закономерностями мышления издавна занимались логика, философия, физиология, психология. Так, в философии существует целый раздел – гносеология, занимающаяся теорией познания. Но в рамках когнитивистики старые вопросы звучали по-новому. Например, оказалось, что разная природа реалий (вещей, явлений, событий) обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов, другие – в виде наивных понятий, третьи – в виде символов.

Возникает вопрос: «Что нового принес когнитивизм?». «Когнитивизм делает заявку на метод серийного, если угодно, «промышленного» решения задач о человеческой мысли» [66, с. 392].

Когнитивистика включает в себя определенный круг научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Когнитивная наука связана с математикой, логикой, философией, антропологией и лингвистикой. Каждая составляющая занимает в когнитивной науке свою собственную позицию, имеет особый удельный вес.

В результате когнитивной деятельности создается система смыслов, относящихся к тому, что индивид знает, думает о мире. Когнитивная лингвистика широко представлена в Украине. Это прежде всего работы А.Э. Левицкого, Л.П. Ивановой, С.А. Швачко, А.Н. Приходько, Ю.В. Святюк, И.Ю. Онищук, Г.С. Яроцкой и др. Их исследования посвящены тому, как человек оперирует знаками и символами, осмысляя и мир, и себя в мире. Именно такой подход позволил объединить лингвистику с другими дисциплинами, изучающими человека и общество, что, в конечном счете, и создало когнитивную лингвистику.

Как мы уже указывали, на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики возникла лингвоконцептология, которая сейчас активно развивается. На сегодняшний день можно говорить об относительной сформированности нескольких направлений – теоретическая лингвоконцептология (М.В. Пименова, В.И. Карасик и др.), сравнительно-сопоставительная лингвоконцептология (А.Н. Приходько, О.А. Крюкова, Е.Е. Стефанский и др.), философская лингвоконцептология (А.В. Кравченко, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин), науковедческая концептология (В.К. Щербин) и др. Под редакцией М.В. Пименовой вышел целый ряд сборников «Концептуальные исследования», появились и другие работы.

Считаем важным отметить связь лингвоконцептологии с другими науками. Важное место тут может быть отведено лингвострановедению, которое изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это безэквивалентные языковые единицы (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову) – обозначения специфических для данной культуры явлений (*гармошка, бить челом, щи* и другие), которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний.

Значительное влияние на формирование лингвоконцептологии оказала этнолингвистика. Говоря об этнолингвистическом направлении, следует помнить, что корни его в Европе идут от В. Фон Гумбольдта, в Америке – от

Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа; в Украине и России огромное значение имели работы А.А. Потебни, Е.Ф. Карского, Д.К. Зеленина, А.А. Шахматова, А.Н. Афанасьева, А.И. Соболевского и других.

Важным исследованием в развитии украинской этнокультуры считаем словарь-справочник В.В. Жайворонка «Знаки української етнокультури» [69].

Именно этнолингвистику В.А. Звегинцев охарактеризовал как направление, сосредотачивающее свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. В рамках этнолингвистики можно выделить две самостоятельные ветви, которые обозначились вокруг двух важнейших проблем: 1) реконструкция этнической территории по языку; прежде всего это работы Р.А. Агеевой, С.Б. Бернштейна, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелидзе и других; 2) реконструкция материальной и духовной культуры этноса по данным языка – работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, Т.М. Судника, Н.И. Толстого и его школы.

Цель этнолингвистики – историческая ретроспектива, т.е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира народа.

Социolingвистика лишь одним из своих аспектов имеет исследование взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь и т. д.), в основном же социolingвистика занимается изучением особенностей языка разных социальных и возрастных групп [119].

Если этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а социolingвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвоконцептология исследует и исторические и современные языковые факты сквозь призму концептов.

Теснейшим образом с лингвоконцептологией связана этнопсихolingвистика [157]; [203] [204] и др.), которая устанавливает, как в

речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент, лингвоконцептология же пользуется различными лингвистическими методами, не пренебрегая отдельными психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие.

Можно говорить о связи лингвоконцептологии с теорией межкультурной коммуникации, психолингвистикой, синергетикой и др. науками, спектр данных связей все время расширяется, все более объединяются разные области научных знаний [98].

Таким образом, лингвоконцептология – интегративная область научных знаний, возникшая на стыках разных наук – прежде всего лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, а также лингвострановедения, социолингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики, межкультурной коммуникации, психолингвистики, лингвосинергетики и др.

Важнейшим понятием лингвоконцептологии является концепт. Термин *концепт*, подобно термину *дискурс*, стал одним из самых неоднозначно понимаемых терминов. Следующий подраздел посвящен анализу данной сущности.

1.2. Концепт как важнейшая структура представления знаний в языковом сознании

Если традиционная лингвистика рассматривает слово, словосочетание, предложение как важнейшие единицы для анализа, то лингвоконцептология такой единицей считает концепт как явление ментального мира, он может быть репрезентирован и словом, и словосочетанием, и предложением, и даже

целым текстом. Попытаемся обосновать необходимость его введения в научный обиход.

Поскольку мир состоит из бесчисленного множества уникальных в своем роде фактов событий, человеку свойственно их упрощать и классифицировать посредством образов-концептов [87; 90 и др.]. Способность к образованию концептов является врожденной, а частью этой способности является знание правил образования концептуальных структур, развитие которых зависит от человеческого опыта [91]. Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений под одну рубрику, объединяют их в классы, а потому они оказываются строительными элементами концептуальной системы, следовательно, концепты – ментальные сущности. В когнитивной лингвистике концепт считается комплексной мыслительной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует различные свои стороны, разные признаки и слои.

В.З. Демьянков напоминает: «в латыни форма *conceptus* – пассивное причастие и интерпретируется как ‘зачатый’ <...>. Суффиксальное производное *conceptaculum* имело значение “вместилище, хранилище” и отражало семантику глагола *conscipio* “собирать, содержать”. Итак, сема “зародыш” исходно заложена в самом латинском термине *концепт*, а сема “резервуар, хранилище” – в этимоне термина *концепция*, из которого выводимы и другие (переносные) значения, такие как “соединение, сумма, совокупность, система”, “резервуар, хранилище”, “зачатие, принятие семени”» [65, с. 35].

Возникновение категории концепта исторически восходит к Пьеру Абеляру (1079–1142), который рассматривал концепт как форму «схватывания» смысла; как «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речь душе» [Цит. по: 126, с.141]. Основным признаком концепта является его конституированность индивидуальным сознанием, поэтому концепт можно рассматривать как предельно субъективную форму выявления смысла. Сходную точку зрения высказывает и А.П. Бабушкин [8].

На сегодняшний день в лингвистике сосуществует ряд терминов: *концепт, культурный концепт, лингвокультурный концепт, национально-культурный концепт, базовый концепт, фундаментальный концепт, национально маркированный концепт* и т.д.

Согласно концепции В.В. Колесова, культурные концепты представляются в виде содержательных структур национальной речи и мысли, имеющих отношение к концептуальному полю национального сознания [82].

Под национальным концептом В.В. Красных понимается «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [89, с. 268].

В современном языкознании до сих пор не только нет единой дефиниции термина *концепт*, но и содержательное наполнение концепта не является четко определенным. Так, концепт рассматривается как «лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл» (В.А. Маслова), «ячейка культуры», «сгусток культуры» (Ю.В. Степанов), «стереотип» языкового и более широкого культурного сознания, функционирующий в естественном языке (Ю.Д. Апресян), «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры» (Р.М. Фрумкина), «то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии» (В.Н. Телия). Концепт выступает как «константа культуры» (Ю.С. Степанов), возникающая в сознании человека в ходе творческого осмысления бытия на основе опытного соприкосновения с реальностью.

Мы принимаем термин «лингвокультурный концепт», понимая под ним культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в тексте целым рядом своих языковых реализаций; это единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Можно говорить о том, что в настоящее время выделилось четыре основных подхода к изучению концептов – *лингвокогнитивный*

(Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.), *лингвокультурологический* (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красовский, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, Е. Стефанский и др.), *психолингвистический* (А.А. Залевская, И.Л. Медведева и др.) и *религиозный* (В.И. Постовалова, А.А. Бувич и др.).

Данные подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. При психолингвистическом подходе разграничивают концепт «как достижение индивида» и как «инвариант, функционирующий в определенном социуме или культуре» [71, с. 37]. По мнению А.А. Залевской, термин концепт нужно закрепить лишь за областью «достижения индивида», считая его базовым перцептивно-когнитивно-аффективным образованием динамического характера. Отсюда возможность его экспериментального исследования. При реконструировании религиозного концепта используется направление от религиозных учений к языковой личности [Там же].

Мы полагаем, что концепт – это элемент сознания. Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. Исследование языка и культуры будет неполным без этого связующего элемента [81, с. 62]. Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений под одну рубрику, сводят их в классы, а потому они оказываются строительными элементами концептуальной системы, следовательно, концепты – ментальные сущности. В когнитивной лингвистике концепт считается комплексной мыслительной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует различные свои стороны, разные признаки и слои.

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт

служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [76, с. 14]. Поэтому концепт следует рассматривать с точки зрения его места в системе ценностей этноса, функциональной значимости вызываемых им ассоциаций, а также в историко-этимологическом аспектах. Концепт в данной трактовке предстает как посредник, осуществляющий процесс взаимодействия между человеком и культурой.

Ю.С. Степанов определяет культуру через концепты (явления духовной культуры), понимая их как ментальные образования, представляющие собой «сгустки культурной среды в сознании человека» [162, с. 40]. В его трактовке, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Там же, с. 42].

Поскольку мы являемся сторонниками лингвокультурологической реконструкции концепта, остановимся на этом подробнее. Представители лингвокогнитивного подхода рассматривают концепты как «минимальные предельные смысловые кванты», «мировоззренческие константы», «основные конститутивные элементы картин мира». Учитывая, что определений концепта сегодня только на постсоветском пространстве более 200, примем его рабочее определение. **Лингвокультурный концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя / имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, связанные с именем концепта.**

Ю.Е. Прохоров справедливо считает, что совокупность концептов – это стереотипное ядро знаний, сложившихся в определенной лингвокультуре [142]. Концепт – это также элемент сознания, а само сознание играет роль посредника между культурой и языком, через который и осуществляется связь между сознанием, языком, миром. Исследование взаимодействия языка и

культуры будет неполным без концепта, который является связующим звеном между ними.

По типу своих носителей В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин подразделяют концепты на универсальные, этнокультурные, социокультурные и индивидуальные [78], а Д.С. Лихачев – на индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие [99]. Украинская исследовательница Н.В. Коч выделяет еще и диахронический концепт [85].

В. И. Карасик предлагает содержательно противопоставить концепты как параметрические и непараметрические ментальные образования, а также выделять концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и т. д. [76, с. 4].

Содержание понятийного компонента позволяет дифференцировать концепты по тематическим сферам или разновидностям понятий, например, М.В. Пименовой был выделен концепт-идея [135].

Выделяют также предельные концепты культуры, отражающие высокую степень абстрактности актуализируемых понятий (Г.Г. Слышкин) [155].

По типу репрезентации значений концепты делятся на концепты-представления, схемы, сценарии, фреймы, понятия.

Общая классификация лингвокультурных концептов представляется на сегодняшний день невозможной. Классификационные группы возможно выделить по различным основаниям [88]. С точки зрения тематики, выделяются следующие концептосферы: онтологические, или бытийные, связанные с реалиями бытования народа; онтологические, или бытийные, отражающие способ познания и интерпретации действительности; эмоциональные; текстовые и др.

Обобщая и модифицируя сказанное, мы выделили следующие группы лингвокультурных концептов: 1) универсальные философские концепты (время, пространство, причина, следствие, движение, количество, качество); 2) социально-культурные концепты-категории (труд, богатство,

собственность, страна, город); 3) категории национальной культуры (для украинской – это свобода, демократия, личность для русской культуры – воля, доля, авось, соборность,); 4) этические категории (добро и зло, долг, правда и истина); 5) духовные концепты (Бог, Спаситель, Христос, ангел-хранитель). При этом мы не дифференцируем термины *ключевые* и *базовые концепты*, понимая под ними такие концепты, которые являются основанием для формирования ментальности народа в целом. Базовые концепты восходят к существовавшей ранее у народа концептуальной системе в период формирования этнического самосознания и самоидентификации. Они объективируются в частотных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках. Базовые концепты культуры отражают в своих структурах мифологические и религиозные признаки, а также признаки, закрепившие обыденные представления. В современном языке не все слова, репрезентирующие базовые концепты культуры, отличаются частотностью. Но понятийные признаки таких слов находятся в основе классификаций и тождеств, актуальных для современной концептуальной системы. Примером базовых концептов славянской культуры могут быть «хлеб», «мать-сыра-земля», «столица» и др.

Важные для народа, сохранившие свою актуальность донныне, базовые концепты могут переходить в разряд ключевых. Примером тому служат такие концепты русской культуры, как «душа», «дух», «сердце», «правда», «истина» и др.

Здесь встает вопрос, к какой части языкового знака прикрепляется культурная информация, которая делает его культурно маркированными. Есть ученые, которые полагают, что только часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», а другая ее часть представлена в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами (Н.Ф. Алефиренко [4, 6, 7]).

Мы считаем, что лингвокультурные концепты, если они являются именами абстрактных понятий, культурную информацию содержат в сигнификате; если же они называют реальные объекты мира (дом и т.д.), то культурная информация наслаивается на денотат. Так происходит в лексике и фразеологии, в текстах же все гораздо сложнее: при изучении «культурных» текстов (обрядов, ритуалов, обычаев) следует искать их непосредственный, прямой смысл (внутреннюю форму), т.е. делать заключение о духовном значении чего-то следует по проявлениям материальным.

Таким образом, вышеизложенные точки зрения отражают различные взгляды на природу концепта как на «сгусток культуры в сознании человека» в лингвокультурном подходе и как на отражение действительности сознанием человека при лингвокогнитивном подходе. В когнитивном понимании концепта ценностная составляющая хотя и не является основополагающей, однако может входить в его структуру в качестве когнитивных признаков, отражающих связь концепта с бытом, культурой, традициями народа и т. п. В лингвокультурном же концепте ценностная составляющая содержится в ядре концепта, т. к. культура и есть совокупность ценностей. Культурный концепт выполняет роль посредника между культурой и языком, соответственно, ни исследования языка, ни исследование культуры нельзя считать полным без этого связующего элемента.

1.3. Структура концепта и методика его описания

Возникшая необходимость реконструировать концепты и описывать их приводит к потребности установить важнейшие структурные элементы концепта. Цель данного подраздела – выявить структуру и в зависимости от нее предложить методику описания концепта.

Поскольку концепт — «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде — своего

рода «гипероним» [83, с. 122], В.В. Колесов считает, что логично будет взглянуть на его структуру с позиции его составляющих.

Некоторые исследователи, например, П.В. Чесноков, считают концепт реально неразложимым на более мелкие части. Другие представляют концепт в виде совокупности некоторых минимальных концептуальных элементов, элементарных единиц, представляющих концепт в сознании. Данные единицы получили название семантических признаков (А.А. Уфимцева), дифференциальных признаков (И.В. Арнольд), маркеров (Дж. Катц и Дж. Фодор), семантических примитивов (А. Вежбицкая), ноем (К. Хегер), семантических множителей (И.А. Мельчук), единиц универсального предметного кода (Н.И. Жинкин), слоев (Ю.С. Степанов) и др.

Мы полагаем, что концепт сложен и многомерен, это проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений и пр.). Исследователи расходятся здесь в основном лишь относительно количества и характера структурных компонентов:

Проанализируем несколько наиболее известных подходов к структуре концептов. В.И. Карасик представляет культурный концепт в качестве многомерной ментальной сущности, имеющей образное, описательно-понятийное и ценностное измерения [79, с. 107], т.е. в данной концептуальной модели вычленяются понятийный, образно-перцептивный и ценностный компоненты. Наличие первых двух элементов сводит воедино два основных способа осмысления действительности. Третий (ценностный) элемент, который собственно и делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст [Там же, с. 129].

Близкую к описанной видит структуру концепта В.В. Колесов, который считает, что его единство обеспечивается последовательностью «проявления в виде образа, понятия и символа» [83, с. 107], где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [Там же, с. 42].

Говоря о представленности символа в структуре понятия, Е.В. Шелестюк отмечает, что «в структуре основного значения слова (понятия) имеются семы, составляющие его символическую ауру», которая «отражается в трех видах символов: культурно-стереотипных, архетипических и субъективно-авторских». Первый вид символов относится ко всем понятным символам современности «с прозрачным основанием переноса», второй – к древним первичным бессознательным представлениям о мире с «затемненным основанием переноса» и третий – к концептам, которые «конструируют картину мира отдельной личности» [200, с. 32]. Объединяя понятие и лексическое значение и считая, что «каждое значение есть концепт, хотя и не каждый концепт есть значение», Е.В. Шелестюк выявляет четыре уровня символической ауры в понятии и лексическом значении слова: 1) стереотипных символических сем в жестком импликационале, 2) архетипических сем в свободном импликационале, 3) индивидуально-символических сем в свободном импликационале, 4) звукового символизма и аффективной семантики в коннотативном компоненте слова [Там же, с. 45].

Представляя структуру концепта, И.А. Стернин в статье «Методика исследования структуры концепта» предлагает метафору плода: «Если концепт представить как некий плод, то базовый чувственный образ – «как бы косточка плода», а дополнительные когнитивные признаки, наслаивающиеся на базовый образ, – «мякоть плода» [165, с. 58]. Под базовым слоем концепта ученый понимает «чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу универсального предметного кода, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки» [Там же, с. 58]. Дополняют базовый слой когнитивные слои, которые образуются концептуальными признаками и отражают определенный результат познания внешнего мира. Таким образом, по мнению И.А. Стернина, ядро концепта, т.е. «совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляет объем концепта и определяет его структуру» [Там же, с. 59]. И.А. Стернин говорит о необходимости выделять (кроме ядра и периферии)

«интерпретационное поле концепта», содержащее субъективные «выводы» из разных когнитивных признаков» [165, с. 60].

В зависимости от строения ядра И.А. Стернин выделяет три структурных типа концептов:

- одноуровневые концепты, включающие только чувственное ядро, т.е. один базовый слой; к ним автор относит предметные образы, некоторые концепты-представления;
- многоуровневые концепты, которые включают несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции и последовательно наслаивающихся на базовый слой; в качестве примера ученый предлагает проанализировать структуру концепта «грамотный»;
- сегментные концепты, представляющие собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции; в качестве примера автор описывает когнитивные сегменты концепта «толерантность» [Там же, с. 59–60].

По мнению И.А. Стернина, концепт не обладает четкой структурой, что связано с его активной ролью в процессе мышления – «он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [166, с. 65].

С.Г. Воркачев выделяет в структуре концепта понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [43, с. 6].

Г.Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазиинтразону и квазиэкстразону. Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата, в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными

ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов [155, с. 65–66].

Ю.С. Степанов еще в прошлом веке прозорливо отметил: «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит к строению понятия <...> ; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. [161, с. 41].

Структура концепта «не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу» (З.Д. Попова) [138, с. 21]. Концепты, как отмечают ученые, «внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Там же, с. 21].

Есть ученые, которые полагают, что только часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», а другая ее часть представлена в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами [5, 6, 7]. Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, М.Г. Лебедев также вводят в структуру концепта в качестве ингерентного компонента невербальную составляющую, или имаген (термин Е.С. Кубряковой).

Ю.С. Степанов выделяет «слои» концепта, которые можно отнести к сфере понятийного элемента. Исследователь предлагает различать три слоя или компонента, имеющиеся у каждого концепта:

- 1) основной, актуальный признак, известный каждому носителю культуры, и значительный для него;
- 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»;
- 3) внутренняя форма концепта, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме [163, с. 46].

Как видим, все названные ученые видят структуру концепта, состоящей из 3–4 элементов, где обязательным есть понятийный, образный и ценностный компоненты и т.д.

Концепт существует в системе и зависит от других концептов, вырванный из системы, он дает лишь отрывочное, неполное представление об исследуемом объекте. Поэтому анализ концепта логично осуществлять в рамках концептосферы.

Большинство лингвистов на сегодняшний день считают, что у концепта полевая структура. В рамках поля выделяют ядро (центр), и периферию концепта (Дж. Лакофф, Е.В. Рахилина, А.П. Бабушкин и др.), или узлы и терминалы (в терминологии М. Минского). «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический» подход является, на наш взгляд, наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. На нечеткость границ поля указывает, например, В.А. Виноградов: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы, и сила аттракции прямо пропорциональна мощности концепта и массе его поля» [36, с. 14]. И это действительно так, ибо концепты – это динамические образования; они имеют расплывчатые границы: то расширяются, то сливаются, или, наоборот, разбиваются на части. Соответственно, изменяется и все поле. В своем исследовании мы опираемся на теорию поля, выделяя в нем центр и периферию.

Таким образом, концепты сложны и многомерны, обладают достаточно определенной, хотя и нежесткой структурой. Модель конкретного концепта зависит от признаков, которые входят в его структуру, то есть она задается самим концептом и отчасти исследователем.

Переходя непосредственно к предмету исследования – концепту «Киев», можно сказать, что он образует целую концептосферу, поскольку он очень сложен и включен в опредмеченную деятельность человека. Здесь мы имеем

дело с одним из ключевых концептов культуры, а его видовой, более широкий концепт – «город» – является принадлежностью общечеловеческой культуры.

Анализ существующей литературы по структуре концепта, а также наш материал (поэтический дискурс) позволили выделить в структуре концепта понятийную составляющую (признаки концепта, отражающие признаки денотата, и дефиниционную структуру – этимологические признаки), образную составляющую (признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений, а также когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и интерпретационную составляющую – ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка, использование эвфемизмов. Определяющим в семантике культурного концепта мы считаем ассоциативный компонент, а также образно-метафорические коннотации.

На семантическом уровне ядру концепта соответствует денотативное значение кодирующего концепт слова, его интенционал, а периферии – импликационал: первичные, вторичные, обязательные, факультативные, эксплицитные и имплицитные коннотации, психологической основой которых как раз и являются ассоциации. Таким образом, в некоторых случаях посредством описания концепта и порождаемых им ассоциаций становится возможным выявление новых признаков концепта и, соответственно, лексических коннотаций, что подтверждается далее в данной работе на примере анализа концепта «Киев».

Специфической чертой лингвокультурного концепта можно считать его включенность в «вертикальный контекст», формирующий его прецедентные свойства, – способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума (Д.Б. Гудков) [55].

К настоящему времени в лингвоконцептологии разработан ряд методик описания и реконструкции концептов.

Под методикой исследования концепта в нашей работе понимается совокупность приемов, методов и этапов в изучении концепта, которые, как правило, используются в определенной последовательности. Как считает В.И. Карасик, «методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре» [79, с. 171].

К наиболее известным методикам можно отнести теорию профилирования, предложенную Е. Бартминским, теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теорию концептуального анализа для выявления глубинных характеристик имени – гештальтов, предложенную Л.О. Чернейко и В.А. Долинским [196]; методику, разработанную И.А. Стерниным, методику М.Вл. Пименовой, методику В.А. Масловой и др.

В зарубежной лингвистике для концептуальных исследований также существуют различные методики. Например, шведские ученые М. Ског-Седерсвед и А. Стедье разработали методику изучения концепта в рамках проекта «Этические концепты и ментальные культуры» [211].

М.В. Пименова [134] считает, что примером описания содержания концептов на основе экспериментальной методики может служить исследование немецкого ученого М. Фляйшера [209, с. 123]. «Исследование немецкого концепта «труд» базируется на комплексной методике изучения концепта, включающей в себя несколько этапов» [131, с. 145]. Для его изучения привлекаются все возможные разноструктурные языковые средства, объективирующие данный концепт в немецком языке, а также различные типы дискурсов.

Таким образом, методика исследования концепта зависит от его сложности, от подхода, в рамках которого осуществляется реконструкция концепта, от понимания его структуры и содержательного наполнения, а также от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, от

характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения (печатные СМИ, интернет, классическая литература и др.).

В соответствии с принимаемой нами структурой концепта, основанной на критическом анализе и систематизации существующих методик, мы предлагаем методику, согласно которой выделяем следующие процедуры и этапы исследования: 1) выявляем информационно-понятийный слой: устанавливаем место данного концепта в концептосфере через обращение к энциклопедическому, толковому и этимологическому словарям; 2) выявляем образную составляющую, извлекаемую из прямых и переносных значений поэтического сверхтекста, а также когнитивные метафоры и др. тропы; 3) выявляем ассоциативные и коннотативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка, использование эвфемизмов; 4) исследуем интерпретационное поле, которое реализуется с помощью парадигматических связей лексемы *Киев*, особенностей ее употребления в поэтических текстах, а также изучение устойчивых единиц языка с лексемой *Киев*. Далее данная методика будет использована при реконструкции концепта «Киев».

1.4. «Киев» как лингвокультурный концепт

В современной лингвистике концепт считается важнейшей структурой представления знаний. Будучи продуктом ментальности, он является точкой пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, что позволяет видеть в концепте диалог мира с сознанием личности. Не случайно Ю.С. Степанов назвал его «сгустком смысла в сознании человека» [162, с. 43].

Окружающий нас мир состоит из множества уникальных событий и объектов, которые человек упрощает, объединяя их в концепты, собирающие разрозненные факты в одну рубрику.

По мнению Ю.С. Степанова, в отличие от понятия, которое конструируется, т.к. о нем люди договариваются, концепт уже существует сам по себе, поэтому он *реконструируется*. Как сказал В.В. Колесов, понятие есть

приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм. Концепт – и ментальный генотип, атом генной памяти, и архетип, и первообраз, и многое еще [84, с. 20].

Концепт – это элемент сознания, а само сознание играет роль посредника между культурой и языком, через который и осуществляется связь между сознанием, языком, миром. Поэтому исследование языка и культуры будет неполным без связующего элемента – концепта [81, с. 62].

К реконструкции концепта можно подойти дискурсивно, т.е. через рассуждение, понятие, и недискурсивно – через образ, символ, переживание эмоции. Ю.С. Степанов отмечает: «Концепты не только мыслятся, но и переживаются» [161, с. 41]. Поэтому он может быть репрезентирован и словом, и словосочетанием, и предложением, и даже целым текстом.

Существенно значимым терминопонятием является (наряду с концептом) *константа культуры*, термин, введенный академиком Ю.С. Степановым в его основополагающем труде «Константы. Словарь русской культуры» [161]. «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время», – пишет Ю.С. Степанов [Там же, с. 78]. В строгой дефиниции константами можно назвать такие фундаментальные концепты, которые существуют в культуре народа постоянно в течение длительного времени. Такой константой национальной культуры, ее константным концептом является «Киев».

Таким образом, переходя непосредственно к предмету исследования – концепту «Киев», можно сказать, что он очень сложен и включен в опредмеченную деятельность человека.

Общепризнан факт, отмеченный В.А. Масловой, что всякий концепт многомерен, в нем можно выделить рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этническое, общенациональное и индивидуально-личностное [111, с. 51]. Сложность и неоднозначность этого феномена привели к оформлению многообразных подходов к его

реконструкции и изучению, при этом выбор конкретных методов и приемов зависит от позиции исследователя.

В этой работе мы принимаем модель, предложенную Ю.С. Степановым [161, с. 40–43], и выделяем в качестве основных: 1) фактуальные, понятийные признаки; 2) образные признаки; 3) современные ассоциации, оценки, ценности. Однако мы модифицируем данную модель следующим образом. Как известно, Ю.С. Степанов образную составляющую в концепт не включал, но мы полагаем, что образ чрезвычайно важен при реконструкции нашего концепта, т.к. он реконструируется по материалам поэтических текстов, которые отличаются особой образностью. Воплощая концепт в слове, образная составляющая выступает как «прямое отражение действительности, которое мы получаем в результате чувственного восприятия» (Н.В. Таценко) [173, с. 15]. В ходе становления концепт может подниматься до символа, поскольку концепт – «обобщенное абстрагированное отражение, опосредованное умственной деятельностью» [Там же, с. 15]. О. Елисеева считает чувственный образ начальным этапом познания, базой для создания концепта, символа, а языковой образ – комплексным отражением элемента действительности средствами языка [68, с. 101].

Итак, поскольку материалом для исследования является поэзия, а в поэтических текстах на первое место выдвигается образный план, то роль образа Киева трудно переоценить. Образ как явление искусства существенно отличается от нехудожественного образа. Обычный образ представления, который функционирует в процессах памяти и воображения, возникает при восприятии в тексте предметного описания процессов и явлений, событий и физических объектов при прямой их репрезентации. Художественный образ содержит эстетически переработанное отражение действительности.

Кроме того, мы видим в концепте интерпретационную зону (об этом подробнее в следующем разделе).

Концепт «город» («столица») является одним из наиболее значимых элементов культурной концептосферы любого народа, он приобретает особое

значение в рамках современной парадигмы гуманитарного знания. Концепт «город» – это ключевая единица категоризации мира; мы исследуем киевский текст в литературе и культуре, чтобы выявить факторы формирования данного концепта. Концепт «Киев» имеет полевою структуру, которую формируют единицы различных уровней языка, они выстраиваются в иерархической последовательности, определяя полевою структуру концепта.

Концепт «Киев» рассматривается нами в работе как особый тип диалога человека с миром. Диалогическое общение является предметом исследования ряда наук – лингвистики, психологии, теории коммуникации и др. Изучение диалога как основной формы речевого взаимодействия нашло отражение в многочисленных работах отечественных и зарубежных лингвистов. В них рассматриваются особенности диалога в сравнении с монологической речью (М.М. Бахтин), обсуждаются факторы восприятия диалогической речи (Л.П. Якубинский), исследуется влияние экстралингвистических факторов на понимание диалога (Л.Л. Федорова), анализируется процесс реализации в диалоге иллокутивных намерений говорящих (А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин), предпринимаются попытки создания классификации вопросов и ответов диалогической речи (Н.И. Голубева-Монаткина), освещаются проблемы вопросно-ответного диалога (У. Ленерт), отражаются различные виды знаний, релевантные для создания моделей естественного диалога (А.А. Кибрик) и т.д.

Диалогические идеи М.М. Бахтина нашли своё последовательное продолжение в трудах философа В.С. Библера, настаивающего на том, что «феномен культуры <...> пронизывает все решающие события жизни и сознания людей нашего века» [14, с. 261].

Рассматривая свертхтекст города Киева, в котором отражены различные знания о мире, и описывая концептуальную структуру города Киев, мы считаем, что диалог с миром – это своеобразная трактовка фактуального слоя информации, отраженного в лингвокультурном концепте, но при этом затрагивается и образный слой концепта.

Текст города притягивает внимание как философов (В. Давыдов), культурологов (М. Гришанин), литературоведов (Ю.М. Лотман, А. Меркулова), так и лингвистов, которые описывают город как концепт (О.К. Кириченко, Г.П. Корчевская и др.).

В 20-е годы XX века Н.П. Анциферов, считающийся основоположником комплексного метода изучения городской среды, намечает контуры синтетического изучения города и его возможности [3].

Диалог культур присущ текстам всех эпох. В этом смысле интертекстуальность выступает условием диалога культур. Однако совокупность знаний о культурных феноменах, необходимая для декодирования глубинных смыслов, постоянно меняется. Очевидно, что лингвокультурологический тезаурус современных носителей языка отличен от представителей той же советской эпохи. Его состав неизбежно будет трансформироваться в силу разных причин: популярности каких-то текстов в конкретный отрезок времени, возраста самой языковой личности, ее социального статуса, а также личных предпочтений и т.д. При этом мы считаем, что тезаурусы разных языковых личностей в один временной промежуток будут иметь область пересечения из-за знания одних и тех же культурных феноменов [195].

Киев – древнейший город. В стихотворении Ф. Тютчева «Там, где на высоте обрыва...» Киев отображает незыблемую в веках, константную ситуацию восточнославянской истории. Стихотворение наполнено величавым покоем; все здесь, образно говоря, устремлено к небу, в сияющую и безмятежную вечность: *Там, где на высоте обрыва / Воздушно-светоносный храм / Уходит ввысь, – очам на диво, / Как бы парящий к небесам; / Где Первозванного Андрея / Еще поднесь сияет крест, / На небе киевском белея, / Святой блюститель этих мест* (Ф. Тютчев «Там, где на высоте обрыва...», с. 84). Киев для Ф.И. Тютчева – это, в первую очередь, место, где пришедшим в пределы «Скифии» св. Андреем проповедовалось христианство. Иными словами, «святой блюститель» мыслился поэтом как один из первых

апостолов на фоне славянского пейзажа. Это начало цивилизации, начало пути к свету. В романтизированный образ «воздушно-светозарного» расстреллиевского храма внесена тонкая деталь: позолоченный крест Андреевской церкви видится поэту в своем сиянии «белым», т.е. лишенным всякого цвета, как бы «дематериализованным» – Ф.И. Тютчев смело расстаётся с традиционной христианской символикой золотого цвета как цвета «горнего мира» во имя субъективно-авторского художественного решения.

Для Ф.И. Тютчева Киев – город-воин, город-победитель: *И кто бы мог без умиленья / И ныне не почтить в тебе / Единство жизни и стремленья / И твердость стойкую в борьбе?* (с. 84)

Стихотворение наполнено церковнославянизмами, стиль его подчеркнуто-риторичен – на грани стилистики проповеди.

Таким образом, стихотворение Ф.И. Тютчева – это «киевский миф» в русской романтической лирике. Образ Киева здесь функционирует лишь в качестве чисто пейзажного фона, т.е. романтизирован. Но очевидно и то, что поэт включает в свой текст и элементы древнерусской традиции, и классицистическое витийство, сознательно выходя за рамки чистого романтизма, который по-особому отражал реальный мир.

Сравнивая концепт «Киев» с другими реконструированными концептами, например, Петербургом [186], и Москвой [123] можно сказать следующее. Если, например, Д. Хармс наделяет Петербург всеми чертами антимира: он динамично-бессмысленный, состояние его призрачно; а сам мир города – вертящийся, крутящийся, вьющийся, то Киев – величественен, спокоен, безмятежен и красив в белом сиянии церквей.

Мы видим, что здесь фактуальный слой лингвокультурного концепта «Киев» тесно переплетен с образным, т.е. подтверждается мысль В.В. Колесова о том, что концепт – это не только явление ментальное, но «атом генной памяти, и архетип, и первообраз, и многое еще» [84, с. 20].

Выводы к первому разделу

Лингвоконцептология – сравнительно новая (возникшая в 2000-е годы) интегративная область научных знаний, зародившаяся на «стыках» разных наук – прежде всего лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, а также лингвострановедения, социолингвистики, этнолингвистики, межкультурной коммуникации, психолингвистики, лингвосинергетики и др. На современном этапе развития лингвоконцептологии можно выделить несколько ее направлений – теоретическую, сравнительно-сопоставительную, философскую, науковедческую и др. лингвоконцептологии. В основе названных направлений лингвоконцептологии лежит идея о том, что язык отражает определенный, специфический для него способ концептуализации мира. Познавая мир, человек определенным образом классифицирует его и категоризирует. Сверхзадача лингвоконцептологии – построить концептосферу культуры, в которой найдут место и универсальные, общечеловеческие концепты, и концепты национально-специфичные. С использованием разработанных данных может быть создан полный словарь концептов национальной культуры, который еще на заседании Европейской лексикографической комиссии в 2002 г. назван «словарем будущего».

Можно утверждать, что в настоящее время выделилось четыре основных подхода к изучению концептов – лингвокогнитивный, лингвокультурологический, психолингвистический и религиозный.

Работая в русле лингвокультурологического направления, мы реконструируем лингвокультурный концепт, который отличается от других ментальных единиц, используемых в различных подходах к концепту, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт – продукт исследования культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Лингвокультурный концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя / имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, связанные с именем концепта.

Таким образом, лингвокультурный концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в тексте целым рядом своих языковых реализаций; это единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

В соответствии с пониманием структуры концепта, которая представляет собой единство четырех составляющих, определена методика, согласно которой выделяются следующие процедуры и этапы исследования: 1) выявление информационно-понятийного слоя: установление места данного концепта в концептосфере через обращение к энциклопедическому, толковому и этимологическому словарям; 2) выявление образной составляющей, извлекаемой из прямых и переносных значений поэтического сверткста, а также когнитивных метафор и др. тропов; 3) выявление ассоциативных и коннотативных характеристик концепта, определяющих его место в лексико-грамматической системе языка, использования эвфемизмов; 4) исследование интерпретационного поля, которое реализуется с помощью парадигматических связей лексемы *Києв*, особенностей ее употребления в поэтических текстах, учета устойчивых единиц языка с лексемой *Києв* – фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Концепт «Києв» («столица») является одним из наиболее значимых элементов культурной концептосферы украинского народа и шире – восточнославянской общности, это ключевая единица категоризации мира. Исследование киевского текста в литературе и культуре показало, что концепт «Києв» имеет полевою структуру, которую формируют единицы различных уровней языка. Описывая концептуальную структуру города Києв, мы обнаружили, что исследование его как своеобразного диалога с миром продуктивно, ибо позволяет увидеть наполняемость концепта не как строгое следование структуре, а как единицу, имеющую диффузный характер, при котором фактуальная информация переплетается с первообразом города и его современным образом.

Основные положения раздела опубликованы в статьях [18, 19, 22, 23].

РАЗДЕЛ II

Интегративный подход в исследовании концепта

2.1. Интегративность как основной путь в науке XXI века

Цель данной главы – показать, что пересечение интересов разных наук в одном объекте – веяние времени. Наступило время цельного знания, которое влечет за собой изменение параметров научного мышления – стремление к синтезу, интегрированию.

Формирование интегративного подхода в науке начиналось с формирования междисциплинарного характера ряда наук. Для всей современной науки в целом характерен синтез научного знания: началось объединение естественных, математических и гуманитарных наук, так появились *кибернетика* – наука об управлении и связи; *семиотика* – наука о знаках, из которых состоит культура, язык и мир вообще (хотя семиотика как междисциплинарная наука закладывалась еще в трудах философов и логиков классической древности); *когнитивистика* – направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление, знание и те ментальные процессы, которые с ними связаны; в когнитивизм включаются разные науки – когнитивная психология, культурная антропология, моделирование искусственного интеллекта, философия, нейронауки, лингвистика и др.; *синергетика* – это и методология, и подход, и научное направление, заключающееся в абсолютном принятии принципа целостности и системности. Особенно активно развиваются лингвокультурологические исследования, которые посвящены изучению и описанию корреспонденции языка, сознания и культуры человека в их взаимодействии. Сегодня лингвокультурология существенно расширяет горизонты своих исследований. Вместе с когнитивной лингвистикой они образовали *лингвоконцептологию*, вместе с социальными науками – *социокультурный подход* к явлениям языка.

В последние десятилетия открылись новые области познания и соответственно новые знания – мир просторов Космоса, мир атомов и их ядер, т.е. появились супермалые и супербольшие пространства для научного

исследования, на что указывал еще В. И. Вернадский, один из основоположников антропокосмизма, в своей работе «Научная мысль как планетарное явление», говоря, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу [33, с. 48]. Это потребовало от исследователя изменения важнейших параметров научного мышления и привело к возникновению *квантовой медицины*, исследующей механизмы регуляции самогенеза человека (В. С. Белокриницкий и др.), *теории тотальности* (90-е годы XX века). Активно развивается современными психолингвистами *триангуляция* – новый интегративный подход, способный творчески синтезировать современные результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях науки о человеке.

Термин первоначально возник в точных науках, однако позднее был заимствован социологией, а затем и другими гуманитарными науками. В равной мере данный термин применяется сейчас и к лингвистическим исследованиям. Триангуляция в рамках психолингвистических и лингвокультурологических исследований – достаточно новое явление. В лингвистических кругах о нем впервые всерьез заговорили в 2010 г. [171], после чего стали появляться работы, так или иначе его использующие [96]; [148]. Триангуляционный подход в науках гуманитарного цикла (и в лингвистике в частности) подразумевает наличие разных векторов решения некоторой научной задачи в рамках одного исследования.

Применение триангуляционного подхода является принципиально новым аспектом лингвистических исследований. Как известно, всякое исследование в области любой гуманитарной науки не лишено субъективизма. Установление истины нередко зависит от интуиции того или иного исследователя. В этих условиях нередко высказываются сомнения в достоверности выводов, сделанных на материале некоторых лингвистических данных ограниченного характера. Триангуляция служит для повышения валидности как выводов, так и исследования в целом, так как способствует

устранению односторонности исследовательского процесса, возможной предвзятости ученого. Достигается это за счет применения разных методов исследования для решения одной и той же задачи, использования разных данных, разных теорий и подходов, а также участия разных ученых в одном научном проекте, причем триангуляция появляется только в том случае, когда обеспечивается независимость данных, методов, теорий, исследователей друг от друга; это принципиальное условие триангуляционного подхода.

Итак, хотя научный термин *триангуляция* сравнительно нов, однако триангуляция как явление существует с незапамятных времен. По удачному замечанию С.П. Самойловой, «наиболее ярким примером триангуляции является христианское Священное писание», донесенное четырьмя авторами (триангуляция исследователей): Матфеем, Марком, Иоанном и Лукой [148, с. 40].

Таким образом, современная наука доказала, что в самом фундаменте природы, как живой, так и неживой, заложен принцип единства, а также показала наличие глубинного изоморфизма всего в мире – живого и неживого, т.е. утвердила то, что шестым чувством чувствовали еще древние мыслители, поэты и писатели. М. Пришвин, восхищаясь красотой кристаллов замерзшей воды, писал, что они близки по форме к растениям и что «связь между теми и другими формообразованиями очевидна». При таком понимании миропорядка настало время для возникновения такого мировидения, которое обладало бы междисциплинарным потенциалом. В это время был открыт закон единства всего сущего, свидетельствующий о единстве Вселенной и человека в ней. Человека нельзя понять вне человечества, человечество вне жизни, жизнь – вне Вселенной.

В этой связи важно отметить, что со второй половины прошлого века наблюдается рост наук, имеющих интердисциплинарный характер, а также стремление различных наук, у которых один объект исследования, к интегрированию результатов исследований.

Интегративность выражается не только в сущности подхода, когда знания, полученные в других областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при достижении собственных, но она проявляется и в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована многогранностью исследуемых феноменов, многоаспектностью их связей и, в свою очередь, объясняет, почему решение одной проблемы способствует прояснению множества других вопросов.

Не осталась в стороне и лингвистика. Еще в XX в. Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [152, с. 237–238]. Хотя приведенная цитата датируется серединой XX в., она звучит крайне актуально в начале XXI в.

На современном этапе развития науки наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений и их интеграцией в единые системы для решения сложных научных и практических задач. Для лингвистики сегодняшнего дня характерен процесс сближения языка – семиотической системы – с самим человеком, окружающим его миром: «Современная лингвистика стремится к интеграции не только с психологией и ее поддисциплинами, но и с другими науками, близкими человеку и его языку» [146, с. 6]. В настоящей главе применяется интеграционный подход к реконструкции концепта «Киев», в котором в какой-то мере применяются все названные подходы и различные методы исследования. Интегративность в нашей работе учитывает разнообразные подходы, связанные с затронутой проблематикой – традиционную лексикографию, семиотику, элементы

ономастических исследований, когнитивные исследования с их разнообразными приемами, наполняясь в каждой из названных областей своим содержанием, которое оказывается в состоянии дополнительности (по Н. Бору) с данными, полученными в разных других науках. Все эти дисциплины объединяет внимание к говорящему человеку и тесная связь с другими науками о человеке. Использование интегративного подхода позволяет заключить, что Киев является не только архитектурным феноменом, произведением строительного искусства, но представляет собой социокультурное образование, заполненное различными формами жизнедеятельности людей. В своих многообразных функциях город становится объектом междисциплинарных исследований многих наук, в том числе урбанистики, социологии города, социальной психологии, экологии, а также наук философского профиля: эстетики, культурологии, философской антропологии. Кроме того, образы Киева находят воплощение в многочисленных поэтических текстах художественной литературы, изобразительном искусстве, кино и телевидении. В своей совокупности области науки и художественного творчества создают образную панораму города.

Таким образом, рубеж тысячелетий характеризуется синтезом научного знания, что свидетельствуют о единстве Вселенной и человека в ней. В сфере гуманитарных дисциплин синтез выразился в рассмотрении проблем языка в совокупности с литературоведческими, культурно-историческими, психологическими, социальными, философскими и др. проблемами, т.е. сформировался плюрализм в познании. Обращение к интегративности позволяет ощутимо повысить достоверность окончательных выводов, т.к. интегрированность имеет эвристические возможности и становится одной из методологий гуманитарного знания.

2.2. Признак «город-столица» как базовая составляющая концепта «Киев»: лексикографический и семантический аспекты

В моделировании поэтического лингвокультурного концепта «Киев» важное место принадлежит анализу родовой принадлежности реалии, обозначенной этим ойконимом. Как показывают данные различных энциклопедических словарей и справочников, несмотря на довольно обширную информацию о Киеве, они содержат довольно ограниченный круг общих информационных характеристик, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты этого концептуализируемого населенного пункта. Они и составляют дефиниционный минимум признаков, формирующих сущность концепта. Информационное содержание ономастических концептов включает в первую очередь указание на тип названного денотата, отсюда – и на принадлежность описания имени собственного к тому или иному разделу ономастики. Например, дефиниция может относить ономастические концепты к антропонимам, топонимам, зоонимам, астронимам, этнонимам, эргонимам и т.д., что обуславливает выдвижение в позицию дифференцирующих признаков понятий: лицо, географический объект, животное, космический объект, народ, деловое объединение людей и т.д.

Хотя лексема *Киев* относится к топонимам, названиям географических объектов, в словарях и справочниках она обычно квалифицируется как обозначение города, то есть последовательно проявляет дефинитивные характеристики ойконимов или, точнее, астионимов. Чаще всего Киев определяется через понятия *столица*, реже – *город*, еще реже – *мать городов русских*, *город-герой*, *порт*. Например: «Киев, столица Украины. Название Киев впервые упоминается в летописи под 860 г.» (ГНМТС); «Киев, столица (с 1934 г.) Украины на живописных берегах сред. течения р. Днепр» (ССГН); «Киев – столица Украины (с 1934 г.) и центр Киевской области – расположен на реке Днепр и является крупнейшим городом страны, ее главным промышленным, транспортным и культурным центром. Это

железнодорожный узел и речной порт с населением 2809000 жителей» (ЭГС); «Киев — столица и крупнейший город Украины, административный центр Киевской области» (ЭТКМ); «Киев – столица Украины (с 1934), город-герой, центр Киевской обл., порт на р. Днепр. Железнодорожный узел. 2635 тыс. жителей (1991)» (БЭС, с. 624); «Киев, город, столица СССР (с 1934). Один из крупнейших промышленных, культурных и научных центров СССР; центр Киевской области. Крупный узел железнодорожного, шоссейного и воздушного путей сообщения. Расположен на живописных берегах среднего течения р. Днепр» (БСЭ, с. 85); «Киев, «мать городов русских». Первая столица Русского государства, его название связывают с именем Кия, легендарного основателя города» (ЭРЦ); «Киев — столица и самый крупный город Украины, город-герой. Находится на реке Днепр. Является центром Киевской агломерации. Киев — отдельная административно-территориальная единица Украины, культурный, политический, социально-экономический, транспортный и научный и правительственный центр страны» (ВКП).

Подобное толкование ойконима *Киев* содержится и в украинских словарях и справочниках: «Київ, Києва, чол. Столиця України, одне з найбільших міст Європи. Розташоване на Дніпрі (близько середини його русла), у північно-центральної частині України. Одне з найдревніших міст Східної Європи. Був столицею Київської Русі із IX ст. н.е.» (ВТС); «Київ – найдавніший центр слов'янства, «столийний град» високорозвиненої і могутньої ранньофеодальної держави – Київської Русі; історія міста налічує понад 1500 років – від городища слов'янського племені полян до одного з найбільших міст Європи, столиці незалежної України; історія закріпила за ним назву «матері міст руських»; тут склалася давньоруська народність, зародилася й сформувалася давньоруська культура як одне з найвищих досягнень людської цивілізації; історія Києва постає з Початкового літопису; місто оспіване в «Слові о полку Ігоревім», у багатьох хроніках і творах різних жанрів; тут створено визначні пам'ятки людської цивілізації; місто відіграло провідну роль в історії розвитку українського народу – у період формування і

становлення української народності, в ході історичних змагань проти загарбників різного гатунку, в період становлення української державності на різних її етапах, нарешті, в часи розбудови Української незалежної держави новітньої доби на шляху реальної демократії; назва міста виступає ключовою у народних приказках: «Від Києва до Львова всюди біда однакова», «Далеко п'яному до Києва», «Дурний і в Києві не купить розуму», «Язик до Києва доведе», а також каламбурних висловах на зразок «На городі бузина, а в Києві дядько» (ЗУЕ, с. 282).

В словарях XIX века присутствует отражение реалий того времени в виде характеристики Киева как *губернского города*: «Кієвъ – губернской гор. Кіевской губ. на вост. Краю губ., на правомъ берегу р. Днѣпра» (ЭСБЕ, с. 266).

Приведенные характеристики ойконима *Киев* заставляют в первую очередь обратиться к смыслам (современным и историческим), которые передает слово *столица*. Обращение к данным лингвистических и энциклопедических словарей свидетельствует, что истолкование слова *столица* чаще всего происходит с опорой на понятие «город». Например: «Столица, стольный, престольный городъ, главный, первый въ государствѣ, гдѣ пребываетъ высшее правительство, государь» (ТСРЯД, Т. IV, с. 545); «Століца, стоілицы, жен. Главный город государства, служащий обычно резиденцией, местопребыванием правительства» (ТСРЯУ, Т. IV, стб. 529); «Століца, -ы, жен. Главный город государства, как правило, место пребывания правительства и правительственных учреждений» (ТСРЯОШ, с. 769); «Столица (столичный, главный) город, (престольный, стольный) град» (СРС); «Столица главный (или столичный) город; стольный (или престольный) град (устар.)» (ССРЯ, с. 485); «Столица, главный город государства, в котором, как правило, находятся высшие органы власти и управления: резиденция главы государства (монарха, президента), парламент, центральные министерства и ведомства, Верховный суд страны. Иногда столица выделяется по статусу в самостоятельную административную или

федеративную единицу (например, по конституции Австрии Вена имеет статус земли)» (СЭИ); «Столица – главный город государства, административно-политический центр страны. Обычно является местопребыванием центральных (общенациональных) правительственных, парламентских и судебных учреждений. Как правило, С. выделяется в самостоятельную административную единицу с особым режимом управления; в большинстве федеративных государств С. находится на территории специального федерального округа, не входящего в состав ни одного из субъектов федерации. В большинстве стран местопребывание С. указано непосредственно в тексте конституции» (БЮС, с. 530).

«Столица – главный город государства, обычно место пребывания высших органов государственной власти, центральных учреждений и ведомств. В некоторых государствах столицы нередко выделяются в самостоятельную административную единицу, для нее устанавливается особый порядок управления» (БЭС, с. 1153).

Столица в современном обществе является наиболее показательной и наиболее значимой составляющей структуры цивилизации. Особенности организации социальных, культурных и научных институтов, действующих в столице, в полной мере отражает социальную, культурную и экономическую жизнь государства. В понятии «столица» наиболее ярко и рельефно объективированы современные представления о концепте «город» как об особом социокультурном пространстве: «Город – центр социальный, поскольку сосредоточивает интересы всех слоев населения и в нем формируются и развиваются в наиболее выраженной форме отношения древнего общества» [149, с. 88]; «Город – это особый мир отношений, ценностей – материальных и духовных, это особая пространственная организация специфических структурных компонентов и это особое социокультурное пространство – интеллектуальное, языковое, коммуникативное» [147, с. 7]. В приведенных определениях доминирующими

являются характеристики *центр, особое пространство*, которые характерны и для информационного поля концепта «столица».

Внутренняя форма слова *столица* раскрывает еще одну особенность выделения городского пространства – это пространство, опирающееся на власть закона, исходящего от стола, имевшего в древнерусском языке значения «престол, трон, место правления князя». Именно это этимологическое значение лежит в основе современных толкований слова *столица*, оно же определяет и современное восприятие столицы как законодательницы правил поведения, культурных стереотипов.

Идея четкого ограничения и структурированности пространства города, а, соответственно, и столицы как главного города, нашла отражение и во внутренней форме слова *город*. Исторически город является средоточием и концентрацией ценностей, богатств, власти, знания, которые до его появления были рассеяны в пространстве, занятом тысячами малых поселений. Город как столица выражает политические, социальные и культурные границы государства и этноса. Этимологическое значение слова *город* восходит к словам *ограда, граница, преграда, защита, укрытие*. Так, в «Историко–этимологическом словаре современного русского языка» отмечено, что город – «крупный населенный пункт, как правило, являющийся административным и культурным центром областного или районного масштаба». Ср. украинское *город*, белорусское *горад*, болгарское *град*. Автор словаря отмечает, что древнерусское (с дописьменного периода) слово *городъ* означало «ограда», «забор», затем оно приобрело значение «укрепление», позже – «крепость» и в настоящее время – «город» (ИЭССРЯ, с. 206).

Город противостоит открытому месту, т.е. безграничному и неструктурированному пространству, хаосу. Город – это форма, ограда, крепость, которая помогает выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Это очеловеченное пространство, антропологически оформленное бытие. Слово *город* изначально обозначало сообщество свободных, равноправных людей,

владевших землей, с подвластной им областью, а также сам городской центр, объединяющий горожан.

Рассмотрим представление концепта-понятия «город» в словарях разных типов. Комплексное исследование лексикографических источников, главными из которых являются прежде всего толковые словари русского языка, отражающие закономерности интерпретации слова и охватывающие как прямые, так и переносные его значения, позволяет получить информацию о концепте как некотором инварианте. Об этом свидетельствует и работа Т.А. Юдиной, посвященная описанию города Оренбург [205].

Указанный подход отражает устоявшееся мнение, что данные лингвистических словарей играют исключительную роль в описании номинативного поля концепта. Как отмечает В.И. Карасик, «описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений», оно осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом, паремиологическим анализом, интервьюированием, анкетированием, комментированием [79, с. 110–111]. Основой выявления информационного содержания концепта, которое включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные черты концептуализируемого предмета или явления, выступают словарные толкования. Словарные дефиниции ключевого слова концепта обычно приводят только признаки, дифференцирующие денотат концепта, и не содержат случайных, необязательных, оценочных характеристик. Однако указанная особенность толковых словарей часто реализуется неполно. Как справедливо отмечает В.И. Карасик, словарная дефиниция всегда является частичной и субъективной актуализацией концепта, так как «каждый словарь есть отражение субъективной авторской трактовки содержания слов» [76, с. 12]. Это обуславливает необходимость привлечения к установлению информационного содержания концепта как можно большего числа словарей и выполнения процедуры сопоставления дефиниций. Как будет показано

ниже, такой путь позволяет обнаруживать элементы субъективности, выделять устаревшие смыслы и обнаруживать новые оттенки значения ключевых слов концепта.

Кроме сравнения толковых словарей для определения актуальной информационной составляющей концепта, важным этапом в передаче его смысла выступает изучение и сравнение разнообразных энциклопедических словарей и справочников. Они дают возможность установить интерпретационное поле концепта, включающее когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его.

Проиллюстрируем сказанное применительно к описанию понятия «город» на материале энциклопедических, исторических, толковых и историко-этимологических словарей. Указанные источники показывают разительные изменения в содержании лексемы *город*, начиная с античности до настоящего времени. Так, «Советский энциклопедический словарь» представляет *город* следующим образом: «Город – населенный пункт, достигший определенной людности... и выполняющий преимущественно промышленные, транспортные, торговые, культурные и административно-политические функции» (СЭС, с. 330). В «Словаре античности» лексема *город* трактуется так: «Город – укрепленные поселения с перпендикулярно пересекающимися улицами, святилищами богов и общественными зданиями, существовали уже в VIII – VI тыс. до н. э., но стать экономическим, политическим и культурным центром некоей территории город смог тогда, когда завершилось разделение труда между городом и деревней. С III века до н. э. сформировались древние классовые государства, в которых происходит объединение храма с владыкой и аристократией племени; воины, купцы и ремесленники обособляются в отдельные кварталы по профессиональному признаку. В VII веке до н. э. эти кварталы развиваются в античные города, главной отличительной чертой которых является центральная площадь с

рынком, домом собраний, храмом, позже театром и гимнасием. С точки зрения архитектурных застроек античный город представлял собой городскую территорию, рассеченную прямоугольной сеткой улиц на участки (кварталы), оставляя свободное пространство для рынка и храма (СА, с. 152). Забегая вперед, обратим внимание, что последняя из указанных особенностей города (застройка в виде улиц), выступающая в энциклопедии элементом интерпретационного поля концепта «город», в последующем перемещается в информационный блок, дифференцирующий концепт.

Использование толковых и исторических словарей открывает перспективы для определения динамики языкового сознания в восприятии смыслов, закреплявшихся за словом *город*. В частности, интересные обобщения дает сравнение исторических словарей, которые представляют «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского (СДЯС), «Словарь древнерусского языка (XI – XIV в.в.)» Р.И. Аванесова (СДЯА), «Словарь русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII), и толковых словарей, среди них – «Толковый словарь русского языка» В.И. Даля (ТСРЯД), Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСРЯУ), Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСРЯОШ), «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (СРЯЕ), «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. профессора В.В. Морковкина (БУСРЯМ). Богатый материал для раскрытия современных психических реакций на различные города дает и «Русский ассоциативный словарь» (РАС). Его данные показывают, что в некоторых отношениях ассоциативные реакции подтверждают результаты анализа дефиниций толковых словарей, но вместе с тем картина, представленная ассоциациями, значительно объемнее и богаче словарной дефиниции, которая, например, не включает личностные смыслы, зафиксированные, например, в реакции на стимул *город – юности*. Именно этот смысл пронизывает значительное количество стихотворений о Киеве: *Все те же красные колонны, / Все тот же вход, что с юных лет / Я знал, наукой упоенный, – / Родной мой*

университет (А. Дейч «Все те же красные колонны», с. 65); *Порубленная Дарница моя! / Бывало, с матерью вдвоем ходили / Мы в этот лес, чтоб подышать сосной* (С. Гордеев «Последняя тропа», с. 95).

Не вдаваясь в подробное и последовательное цитирование материалов этих словарей, что, возможно, было бы интересно для описания лексикографической практики, ограничимся лишь общими итогами сравнения представленности в них лексемы *город*. Анализ показывает, что значения, приписываемые слову *город*, различны. Так, в «Словаре античности» город рассматривается как «укрепленное поселение с перпендикулярно пересекающимися улицами, святилищами богов и общественными зданиями» (СА, с. 152), т.е. только как скопление. Таковы функции городов–строений в VIII – VI вв. до н.э., но в VII в. античные города начинают развиваться и становятся не просто «скоплением зданий», но и экономическими, политическими и культурными центрами: отличительной чертой является «центральная площадь с рынком, домом собраний, храмом, театром и гимназией». С точки зрения архитектурных застроек античный город представлял собой «городскую территорию, рассеченную прямоугольной сеткой улиц на кварталы, оставляя свободное место для рынка и храма». В «Словаре античности» отмечается, что постепенный распад античного города как политического и культурного центра, а также центра производства и торговли начинается в IV веке н.э. (Там же, с. 152) В «Словаре древнерусского языка» значение «укрепление, крепость, город», которое было основным в «Словаре античности», уходит на второй план. На первое же место выходит значение «ограда, забор» (СДЯА, с.357–358). По-видимому, это связано с тем, что город выполнял прежде всего функцию ограды, заграждая и охраняя своими стенами от врагов. Новым в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» является и то, что слово *город* здесь используется, когда речь идет о *населении города*. Такое значение рассматриваемого нами слова приводится в «Словаре древнерусского языка

(XI – XIV вв.)» впервые. Таким образом, город рассматривается как населенный пункт, т.е. он населен людьми, как бы «очеловечен».

Как отмечает Т.А. Юдина, в «Словаре русского языка XI – XVII в.» первые два значения: «ограда, крепостная стена, линия укреплений» и «укрепленное поселение», «крепость» совпадают со значениями «Словаря древнерусского языка». Но в «Словаре русского языка XI – XVII в.в.» выделяется третье значение слова *город* – «крупный населенный пункт, город», которое в предыдущих словарях не рассматривалось вообще («Словарь античности», «Словарь древнерусского языка»), либо обозначалось как второстепенное значение («Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» [205, с. 10].

«Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» выделяет два значения у слова град (город): «Градъ, -да, с. м. 2 скл. Сл. просто же *Городъ*, да, и умалит. *Городокъ*, дка, и увелич. *Городище*, ща, с. м. 2 скл. 1) селеніе, состоящее изъ многихъ общественныхъ и частныхъ домовъ, улицами расположенныхъ, и окруженное рвомъ или стѣною. < > 2) означаетъ иногда самыхъ жителей, городъ населяющихъ» (САР, стб. 1232–1233).

Сравнение этого словаря со словарями конца XIX – начала XX ст. показывает, что для составителей «Словаря Академии Российской» многие значения, фиксируемые в памятниках письменности XI – XVII вв, были уже неактуальными. К ним относятся еще выделяемые в «Толковом словаре живого великорусского языка» значения «городьба, ограда около жилья, населения» «крепость, укрепленное стенами место внутри селения, кремль» (ТСРЯД, Т. 1, С. 939). Значение «селеніе, состоящее изъ многихъ общественныхъ и частныхъ домовъ, улицами расположенныхъ, и окруженное рвомъ или стѣною», выделяемое в качестве первого, частично отвечает третьему значению, представленному В.И. Далем: «селение, обнесенное городьбой, городок» (Там же, с. 939). В словаре отсутствует такой важный компонент толкования слова *город*, как то, что это «населенное место,

признанное городом, которому правительство дало городское управление» (ТСРЯД, Т. 1, с. 939). Это определение В. И. Даль приводит в статье, посвященном слову *город*, последним.

Реалии начала XX века, отраженные в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, обусловили исчезновение признака города как населенного пункта, окруженного рвом или стеною. За словом город закрепляется лишь одно значение «крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр» (ТСРЯУ, Т. 1, стб. 603).

В других современных толковых словарях основным значением слова *город* является значение «крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр»; значение «огражденное стеной, валом поселение; крепость» содержит ремарку *в старину*. В ряде лексикографических источников выделяются также значения «центральная главная часть населенного пункта в отличие от окраин и пригородов», (оно дается с ремаркой *разговорное*), и «городская местность в отличие от сельской, деревенской».

«Словарь современного русского литературного языка» в качестве основного приводит значение: «населенное место торгово-промышленного типа; обычно административный, торговый и культурный центр». Значения «населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля; крепость» и «ограда около жилья, поселения» имеют ремарку *историческое*. Тут появляется и отсутствующее в других словарях, но зафиксированное в «Словаре Академии Российской» значение «жители города» (ССРЛЯ, с. 398).

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» в толковании слова *город* отмечено соединение информационной и интерпретационной составляющих, это слово трактуется как: «крупный населенный пункт, как правило, являющийся административным и культурным центром областного и районного масштаба» (ИЭССРЯ, с. 206). Тут же дается и его этимология. Историческая перспектива, представленная в

данном словаре, показывает направления развития значений лексемы *город*: *город* изначально – «ограда», «забор», затем «укрепление», «крепость», в настоящее время – «центр», «населенный пункт с развитой административной, хозяйственной и культурной инфраструктурой».

Приведенные словарные значения лексемы *город* создают определенный фон, позволяющий лучше увидеть то богатство смыслов, которое получает данная лексема в поэтическом тексте. В некоторых случаях эти данные позволяют объяснить неожиданные оттенки смысла, основанные на древних представлениях, исторической памяти.

В свете сказанного считаем уместным упомянуть о факте взаимозаменяемости слов *Киев* и *город* в древних летописях. П.П. Толочко в статье «Древний Киев в представлении современников» отмечает, что в древних письменных источниках, рассказывающих о столице Руси, чаще всего встречаются названия *Киев* и *град-город* (Здесь и далее выделения курсивом наши, для разграничения понятий и слов, их называющих. – Е. Б.): «Первый почти всегда территориально шире второго, при этом содержание обоих меняется, как с течением времени, так и в зависимости от места происхождения источника. <...> Термин *град* в них означает центральную укрепленную часть, а название *Киев* практически всегда равнозначно понятию «город» в его полном социально-экономическом и территориальном значении» [180, с. 211–219]. Встречается также уменьшительная форма термина – *городок*, поскольку «ранний Киев тождественен крепости на горах Замковой и Старокиевской», а размер их был сравнительно небольшой». Лишь «по мере разрастания Киева и появления в нем новых укрепленных частей они также именуются *городом*». Есть еще один вариант, который часто встречается в Киево-Печерском Патерике – это словосочетание *град Киев*, обозначающее «не только киевскую крепость, но и всю поселенческую агломерацию около нее». Подводя итог сказанному, П.П. Толочко с уверенностью утверждает, что несмотря на терминологическую разноголосицу, «древний Киев воспринимался его современниками не только

как град-крепость на Горе, но и как город в полной его поселенческой структуре, с окольными княжескими селами, дворами и монастырями. Выражаясь фигурально, в Киеве все было киевским, даже дебри, горы и перевозки через Днепр» [180, с. 212].

Взаимозаменяемость лексем *Киев* и *город* характерна также для современных поэтических текстов и для современного речевого обихода Киева: *Мой город-наваждение тонет дольше / чем отражение облака в воде* (Д. Бураго «Я просыпаюсь в чудо-пустоте», с. 31).

Еще значительнее гуманитарная составляющая представлена у слова *столица*, во внутренней форме которого отсутствовало значение «ограда». И хотя в большинстве толковых словарей наблюдается повторение признаков «главный город государства», «место пребывания высших органов государственной власти, центральных учреждений и ведомств», в энциклопедических словарях, в том числе и посвященных описанию столицы Киев, регулярно наличествует информация, что столица является и центром культуры, науки, здравоохранения, является средоточием крупных промышленных объектов. Например: «Киев – столица Украины (с 1934), город-герой, центр Киевской обл., порт на р. Днепр. Железнодорожный узел. 2635 тыс. жителей (1991). Центр машиностроения (в т. ч. станкостроение, транспортное машиностроение, точное приборостроение), электротехническая и радиоэлектронная промышленность; предприятия легкой (шелковая, трикотажная, швейная, обувная), полиграфической, пищевкусовой промышленности; производство стройматериалов. Метрополитен (с 1960). АН Украины, 18 вузов (в т.ч. университет, консерватория), 15 театров (в т.ч. Украинский театр оперы и балета), ок. 30 музеев (в т.ч. литературно-художественный Т.Г. Шевченко, исторический, украинского изобразительного искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, народной архитектуры и быта, истории Киева, археологический, народного декоративного искусства, архив-музей литературы и искусства, истории медицины и др.), республиканский стадион» (БЭС, с. 523).

Подобные данные представляют информационное поле, сопровождающее представления о столице Киев. Его фрагменты потенциально готовы для образного воплощения в поэзии.

Как показывают материалы «Словаря Академии Российской», если обозначение *Градъ святой, Божій, Господень* относится к Иерусалиму, то словосочетания *Градъ или Городъ столичный* тут синонимически сближается со словами *стольный, настольный, престольный Градъ или Городъ, столица* и иллюстрируются следующим образом: «*Кіевъ древній городъ столичный вся Россіи*» (САР 1806, стб. 1233). Здесь же приводится и такое устаревшее на конец XVIII ст. значение словообозначения *градъ стольный*: «Въ старину назывался и тотъ городъ, въ которомъ пребываніе имѣлъ Архіепископъ, имѣвшій вѣдомствъ своемъ нѣсколько Епископовъ» (Там же).

В самых новых толковых словарях русского языка наблюдается перемещение фоновой информации при объяснении слова *столица* в базовую, что проявляется в выделении у него новых значений и оттенков, отражающих современное осмысление понятия. Так, в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка, составленном Т. Ф. Ефремовой, содержится такое толкование: «Столица ж. 1) а) Главный город, административно-политический центр государства. б) Употр. как символ чего-л. передового, культурного, одухотворяющего. 2) перен. Место сосредоточения кого-л., чего-л.» (НТССРЯ, с. 452).

Как будет показано далее, эти смысловые компоненты ('главный город'; 'административно-политический центр государства'; 'символ передового, культурного, одухотворяющего', 'место сосредоточения центров культуры, науки, образования', 'место проживания выдающихся личностей') получили самое детальное развитие в поэтической модели Киева.

Палитра компонентов информационного поля концептов «город», «столица», которые могут стать предметом образно-поэтического воплощения, довольно разнообразна и неожиданна. Например, в интерпретационном поле названных концептов заметна роль утилитарной

зоны. Эта зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта. Это, например, проявляется в дискуссиях о том, где лучше жить – в маленьком городке или столице. Аргументы в пользу того или иного мнения, которые в интернет-коммуникации получили даже признаки стереотипов, легко трансформируются в язык поэтических образов. Подобное проникновение в зону поэтического информационного содержания концепта наблюдаются и в достаточно типичных противопоставлениях города, столицы и села, деревни. Об актуальности для общественного сознания утилитарной составляющей может свидетельствовать хотя бы факт, что на запрос в интернете «Где лучше – в городе или деревне?» получено около 510 000 результатов. Одна из линий указанного противопоставления получила и поэтическое воплощение в стихотворении Л. Дербенева «Снится мне деревня»: *Не такой уж звонкий мне достался голос, / А хотелось очень мир мне посмотреть. / И однажды утром в суматошный город / Я уехал, чтобы песни городские петь. / Сам себя считаю городским теперь я. / Здесь моя работа, здесь мои друзья. / Но все также ночью снится мне деревня, / Отпустить меня не хочет родина моя. / Там горячим хлебом пахнет в доме нашем, / И бежит куда-то под горой река, / И дорогу гуси переходят важно, / И в овраге шмель мохнатый пьет росу с цветка* (Л. Дербенев).

Город в поэтическом восприятии – это сосредоточие всего мира, это суматоха контактов, богатое социальное бытие, но и место, потерявшее связь с природой, самобытным миром.

Подобные мотивы звучат и в песне на слова Ларисы Рубальской «На два дня»: *Где-то пригород столичный / Будят утром электрички, / Высыпают дачники, / Топчут одуванчики. / Лес шумит, щебечут птицы, / На два дня прощай, столица* (Л. Рубальская).

Говоря о противопоставлении города, столицы и села, деревни на уровне утилитарной зоны, нельзя не отметить, что частотность, заостренность этой социально-культурной антитезы во многом определяется самой

экосистемой города. Она и обуславливает специфику и распространенность противопоставлений: маленькие города меньше вызывают ностальгию по природе. Она не так велика и в массиве «Киевских текстов», что, очевидно, вызвано природной уникальностью Киева.

2.3. Семиотика города: Киев как текст культуры

Семиотика (от греч. «знак, признак») изучает знаки как средства хранения, переработки и передачи информации в природе и обществе [120, с. 6]. Все процессы, связанные с хранением, переработкой и передачей информации, являются семиотическими, т.е. протекают только с использованием знаков. Под информацией мы понимаем все, что можно разными способами сообщить, передать другому. Важнейшим хранителем информации является текст, который не просто хранит культурную информацию, но и входит в культуру в качестве самостоятельной единицы, т.е. вся культура смоделирована в тексте. С семиотической точки зрения нами будет рассмотрено два аспекта: Киев как текст, как сложившийся гуманитарный стереотип и Киев как некая реальность, насыщенная самыми разнообразными интерпретационными зонами.

Как показал анализ, между названными аспектами отсутствуют четкие границы, в восприятии Киева наблюдаются процессы постоянного «перетекания» образа и реальности, разрешение противоречия в доминировании того или иного аспекта тесно связано с социально-культурными факторами.

Исследование одного из важнейших концептов в культурной концептосфере – концепта «Киев» приводит к идее, что он представлен в национальном сознании как текст в его широком, семиотическом понимании.

В 80-е годы XX в. возникла лингвистика текста – особая область гуманитарных знаний [11]. Как показало развитие лингвоконцептологии, научный аппарат лингвистики текста оказался крайне важным инструментом раскрытия содержания культурных концептов. Это обусловлено тем, что в

тексте скрыто три вида информации: 1) содержательно-фактуальная (*о чем и что* говорится в данном произведении); 2) содержательно-концептуальная (*о чем, что + как* рассказывается это событие, с помощью каких средств и приемов оно передано); 3) содержательно-подтекстовая (*о чем + что + как + зачем + с какой целью*) (И.Р. Гальперин) [46, с. 37]. Мы видим, что здесь текст понимается не только как вербальное выражение мысли, но и как знаковая система, обладающая значением и смыслом (подтекстовая информация). Знаки исследуются семиотикой, для которой важно, что явления природы и человеческой культуры взаимодействуют, опосредованные знаками [151, с. 4].

Текст понимается нами как динамическое коммуникативное образование высшего уровня, материализованное в знаках. Такой подход принят в современной лингвистике. Однако в семиотике понятие текста расширяется. Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» выдвигает понимание текста, в котором предлагает воспринимать текст «не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: текст может выступать и как отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге – литература в целом» [103, с. 178]. Такое понимание текста расширило сферу его применения для описания семиотической деятельности человека.

В конце XX века текст стал восприниматься не только как вербальное выражение мысли, но и как знаковая система, обладающая значением и смыслом. Теоретически такое понимание текста было обосновано Ю.М. Лотманом и другими представителями семиотики. В работе Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре» было показано, что понятие текста применимо к таким явлениям, как чин, ритуал, обряд, награда и даже тип поведения. Вся наша жизнь – тоже текст. Ср. также Петербургский текст, Московский текст, провинциальный текст, романский текст русской литературы и др. С этой точки зрения, считаем правомерным говорить о Киевском тексте и его роли в национальной культуре [102].

Тексты городов стали исследоваться еще в прошлом веке. На сегодняшний день известны и хорошо описаны топосы Петербурга и Москвы. (см. например, работу В.Н. Топорова «Петербург и «Петербургский текст» русской литературы») [80], [123].

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что в данной работе впервые предпринята попытка описать концептуальную структуру города Киев. Текст города притягивает внимание как философов, социологов, культурологов, литературоведов (Н.В. Гришанин [54]; В.Г. Ильин [74]; Ю.М. Лотман [105]; Т.А. Мегириянц [115]; Н.Е. Меднис [116]; А.И. Меркулова [118]; Б.А. Успенский [189]), так и лингвистов, описывающих город как концепт (Л.Н. Авдоница [2]; О.К. Кириченко [80]; Г.П. Корчевская [86]; А.В. Соснин [158] и др.).

Кроме Петербургского и Московского текстов хорошо разработана проблема Венецианского и Римского текстов. Толчок к разработке целого ряда текстов городов (в основном русской культуры) дали именно исследования Петербургского и Московского текстов. Отдельные работы посвящены таким городам, как Пермь (В.В. Абашеев [1]); Оренбург (Т.А. Юдина [205]); Смоленск (Н.В. Бубнова [17]); Архангельск (А.Н. Давыдов [60]); Петрозаводск (И.А. Разумова [144]); Челябинск (Е.В. Милюкова [121]) и другим.

Причем к Петербургу у поэтов особое отношение и не только потому, что они жители этого города. Как отмечают исследователи, в самом его основании заключено противоречие: эстетически совершенный – он построен на костях человеческих. Петр, заложивший сей град, – фигура демоническая. «За тебя накажет Бог Россию», – сказал о нем в 1904 году Д.С. Мережковский. Это пророческие слова: с момента переноса столицы в Питер начинается гибель династии Романовых, революция – родом отсюда, гибель жителей во время блокады. Питер – город-туман, город-сон, а затем и город-смерть у О.Э. Мандельштама: *В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы*

похоронили в нем...; В Петербурге жить – словно спать в гробу («В Петербурге мы сойдемся снова», с. 132).

У А. Ахматовой мы видим, что вековые ценности славян, а именно, «любовь к отеческим гробам» – разрушаются: *«траурный город плыл / По неведомому назначенью...прочь от своих могил»* (А. Ахматова, «Поэма без героя», с. 49).

Ни у американских, ни у русских поэтов и писателей, проживающих в Америке, нет парадигмы Нью-Йорка, хотя традиция поэзии урбанизма существует уже более ста лет. Не случайно И. Бродский сказал: «Естественным путем Нью-Йорк в стихи не вписывается». Нью-Йорк для них не Великий город.

Понятие Лондонского текста связано с Лондоном как особым топосом, и с искусством слова, так или иначе связанным с данным топосом. Лондон, как показывает анализ русской и английской поэзии, – Великий город. Он воспет в английских и русских стихах (А.В. Соснин) [158].

О. Мандельштам создал потрясающие поэтические портреты многих городов, в первую очередь, Москвы, Петербурга, Воронежа. Но более всего по душе ему вымышленный город Малинов, который оборачивается зарослями малинника: «Все города русские смешались <...> и слились в один большой небывалый город с вечным санным путем, где Крещатик выходит на Арбат, и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, я в нем родился, никогда из него не выезжал» [107, с. 508]. Как видим, Киев вклинивается в образ идеального города, описанного О. Мандельштамом, поскольку является пра-городом.

Важное место в репрезентации города М. Волошиным является минералогическая лексика: камень, каменный, мрамор, мраморный, гранит, гранитный, а также металлы – железный, медный: *Камни древних городов, / Осиянные лучами* («Надписи на акварелях», с. 587); (о Луне) *Твой влажный свет и матовые тени, / Ложась на стены, на пол, на ступени, / Дают камням оттенок бирюзы* («Lunaria», с. 86); *Всё тихо. На темных мангунских стенах /*

Недвижно стоят часовые. / Луна, отражаясь на сотрых камнях, / Зажгла огоньки золотые («Сон в Шули», с. 511). Приведенные контексты для лексемы *камень* – *осиянные лучами, влажный свет, матовые тени, оттенок бирюзы, золотые огоньки* – обуславливают положительную коннотацию на нейтральное слово *камень*, соотнося *камень* с цветом и светом, делая лексему экспрессивной.

Ю.М. Лотман разрабатывает концепцию семиосферы, которая понимается им как «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [105, с. 4].

В современной лингвистике утвердилась мысль о проницаемости текстовых границ, которая основана на двух актуальных концепциях – теории интертекстуальности и теории гипертекста и сверттекста. Понятие «сверттекст», употребляющееся по отношению к текстам «центрически организованным и в силу этого обладающим сильно выраженным внутренним центростремительным движением» (Н.Е. Меднис) [116], и будет использовано в диссертации.

Думается, что такое понимание Киевского текста позволяет описать обширные (XIX – XXI в.в.) и подвижные текстовые массивы, объединенные общим объектом – Киевом. Поскольку текст – это единица культуры, некоторые лингвисты пришли к необходимости выделения «особого культурно-системного речевого образования» – *сверттекста*. Ученые определяют сверттекст как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального / аномального» [93, с. 215]. На данный момент наиболее разработанными являются сверттексты, «порожденные некими топологическими структурами – так называемые «городские тексты» [116].

Присущая сверхтекстам тематическая и модальная целостность, законченность, типологические характеристики [93] позволяет говорить о наличии в них определенной структурированности, которая и выступает основой построения метаописания таких объектов. А поскольку для топологических сверхтекстов центром выступает конкретный локус, например, Киев для Киевского текста, Рим для Римского текста и т.п., то интерпретационное поле Киева, с одной стороны, является источником развития Киевского сверхтекста, с другой стороны, часто это поле можно рассматривать как производное текста.

Киевский текст содержит как поэтические, так и прозаические тексты, включающие в себя описания города и его окрестностей. Мы используем в своей работе только поэтические тексты (в узком понимании этого термина). В качестве центра мы берем описание самого Киева со всеми его ключевыми внутригородскими объектами (Днепр, Андреевский собор, Крещатик и др.), а окрестности относим к периферии. Границы сверхтекста одновременно и устойчивы, и динамичны. У большинства сверхтекстов более или менее ясно обнаруживается начало и иногда совершенно не просматривается конец. Начало Киевского текста связано с русскими былинами киевского цикла: «Соловей Будимирович», «Иван гостинной сын», «Три годы Добрынюшка стольничал», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча», «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и др., где встречается упоминание о Киев-граде и его фрагментарное описание: *«На высоких холмах стоит Киев-город. В старину опоясывал его земляной вал, окружали рвы. С зеленых холмов далеко было видно. Видны были <...> тучные земли пахотные, синяя лента Днепра, золотые пески на левом берегу, сосновые рощи»* («Русь богатырская», стр. 7); *«Прибежали корабли под славный Киев-град, / Якори метали в Непр-реку, / Сходни бросали на крут бережек»* («Соловей Будимирович», с. 8); Добрынюшка *«идет по широким по улицам, / По частым мелким переулочкам... Зайдет на улицу Игнатьевску / И во тот переулочок Маринин»* («Три годы Добрынюшка стольничал», с. 10).

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, древнейшие города возникали как храмовые комплексы, «это, прежде всего, место пребывания правителя и его приближенных, а также храма главного городского божества и обслуживающего его жречества». [56, с. 68]. А поскольку «ростки формирования городского образа жизни связаны не только с потребностью административного управления и не только с функцией ремесленного центра, но и с развитием религиозно-культурных традиций», ведущая роль в этом процессе принадлежала ритуальным традициям, а не рациональным потребностям (жить в них всегда труднее, чем в деревне).

Храмы были также мощными концентраторами народной памяти, центрами духовной инновации, а «осознание единства во взаимодействии с другими людьми, с природой, космосом обуславливало потребность и необходимость концентрации памяти, опыта, духа и т.д. [51, с.49].

Чем более урбанистичен город, тем более мифологизировано население, тем дальше оно от природы. Мифологичен и Киев. Если в основе Петербургского свертхтекста лежит миф об инкарнации Града Небесного, воплощение духовного, облепление его грязью, «топью блат» (Пушкин), то в основе Киевского текста сакральный, языческий миф. Например может служить стихотворение А. Хомякова «Киев», написанное еще в 1839 г.: *Высоко передо мною / Старый Киев над Днепром, / Днепр сверкает под горою / Переливным серебром... / Слава, Киев, чудный град! / Мрак пещер твоих безмолвный / Краше царственных палат...*(«Киев», с. 80).

Образ стоящего на возвышенности Киева достаточен как иллюстрация идеи «*Киев есть святыня*». Н.М. Никулина отмечает: «Культ горы (естественной, созданной самой природой, или рукотворной) в той или иной форме существовал у всех древних народов: и в первобытных обществах, и в первых цивилизациях. Гора, пирамида, зиккурат – явления одного порядка. В сознании людей архаического этапа место, так явно выделенное из всего окружающего, – священо. Священо потому, что оно есть место соединения Земли и Неба, место наиболее частого пребывания божества, где особенно

уместно строительство его жилищ – храмов и пребывание правителя – лица, наделенного божественной властью. Вместе с тем, гора – не только место приближения Земли и Неба, Земного и Небесного мира, но и место, где сходятся Земной и Подземный миры» [128, с. 81].

Но уже здесь намечаются амбивалентности и антиномии Киевского текста: верх и низ, вертикаль и горизонталь, космос и хаос, оформленность и аморфность и т.д. Образ древнейшего «сиявшего», «золотого», «блестящего», высокодуховного Киева, с одной стороны, например, в стихотворении Ф. Тютчева «Андрею Николаевичу Муравьеву» 1869 г. (с. 84), противопоставлен Киеву, «дряхлеющему» в составе Речи Посполитой «добычей дерзосного ляха» у К. Рыльева в стихотворении «Киев» 1824–1825 гг. (с. 71), с другой стороны. Для Ф. Тютчева Киев – охранитель устоев – *Да, много, много испытаний / Ты перенес и одолел... / Живи ж не в суетном сознание / Заслуг своих и добрых дел; / Но для любви, но для примера* (с. 84). Для А. Хомякова – *Слава, Киев многовечный, / Русской славы колыбель!..* («Киев», с. 80).

Таким образом, Киевский текст – это сверхтекст, состоящий из совокупности текстов, имеющих общий объект описания в реальности, и образующий незамкнутую систему, отмеченную смысловой и языковой цельностью.

С этой точки зрения считаем правомерным говорить о тексте Киева и его роли в национальной культуре. Киев – «мать городов русских», а сам Киевский текст понимается нами как сверхтекст русской и украинской литературы и культуры. Это не просто топоним: ведь это имя издавна символизирует «город вообще», «пра-город», находясь в одном ряду с такими городами, как «вечный город» Рим, Царьград, Иерусалим. Древняя столица царства Русского – великий Киев, первопрестольный град.

В рамках понятия «Киевский сверхтекст» мы рассматриваем совокупность поэтических текстов (около 1600 стихотворений на русском языке), содержащих лингвокультурные представления о данном городе,

выявляем, как представлен целостный образ города, как этот образ совмещает в себе чувственные (зрительные, вкусовые, слуховые образы и др.) и рациональные (исторические сведения, описания частей города, известные описания города) элементы.

Например, в стихотворении Вс. Рождественского «Раздвинул Киев крутые склоны» (с. 85) на первый план выходит обонятельная модальность: *Раздвинул Киев крутые склоны, / И запах: свежий, немного пряный, / Течет бульваром в тени зеленой – / Цветут каштаны, цветут каштаны...* В данном четверостишье образ Киева представлен с позиции обоняния и цвета, а именно, использованием лексем *запах, свежий, пряный, запах каштанов*. Мы видим, что запах (в данном случае – весны) – это не только семантическая, но и гносеологическая категория.

Культурное освоение мира идет через создание его пространственной модели. Поэтому понятие «киевский текст» связано с Киевом как с особым топосом, с одной стороны, и как искусством слова, реализующим эту связь с данным топосом, – с другой. Киевский текст выявляется из наборов произведений, ориентированных на киевскую тематику и создаваемых в художественно-эстетическом процессе. Образ города Киева развивается и функционирует как нечто единое.

Исследуемый нами образ города выражает глубинные основы человеческого бытия, где сплавляются тончайшие интеллектуальные, эмоциональные и волевые способы освоения жизни. В. М. Немчинов считает, что сущность города сродни содержанию мира: «Это точка роста кристалла цивилизации» [123, с. 239].

Древний Киев чаще всего предстает в стихах как город-воин, город-защитник. Ярким примером может служить отражение города в произведениях А.С. Пушкина: *Киевляне / толются на стене градской / И видят: в утреннем тумане / Шатры белеют за рекой* («Руслан и Людмила», с. 16). В ряде стихотворений отражается пестрая картина глубоких духовных исканий и устремлений человека: *Я был на тех холмах, / Где древний Киев*

наш, питомец Византии, / Вознес до облаков двенадцать глав Софии, / И бережет веков красноречивый прах... Я был на крутизне, которая пророком / За двадцать веков крестом осенена; Наш Киев мне предстал в священном блеске славы, / ... как патриарх седой... (Н. Арбузов «Киев», с. 40).

Образ привольного Днепра, огражденного крутыми берегами, рисуется и в поэзии, и в прозе: *Раздвинул Киев крутые склоны* (Вс. Рождественский, «Раздвинул Киев крутые склоны», с. 85). В прозе мы видим, как Днепр отражает в своих водах *«золотые верхи высоких теремов и грядниц двора княжеского; расстилайтесь по обширному Подолу киевскому, бархатные луга – любимое разгулье удалой дружины князя русского! Жадный взор мой стремится проникнуть сквозь седой туман веков, до тех отдаленных времен России, когда, не озаренная еще светом православия, она приносила кровавые жертвы своему Перуну...»*, – так писал о Киеве М. Загоскин (с. 4).

Киевский текст украинской культуры, подобно Петербургскому тексту русской культуры, – это парадигматическое явление, по своей природе аналогичное мифу, в том числе и своей коллективностью и даже анонимностью, ибо никто из авторов отдельных текстов не может считаться автором сверткста. Таких авторов нами обнаружено более 200.

Таким образом, Киев персонифицирован в творчестве поэтов и писателей XIX–XXI века как высокодуховный город.

Основным методом описания Киевского текста является выделение языковых элементов, обеспечивающих его единство в противопоставлении:

- а) внутреннее состояние человека: отрицательное – *тоска от расставания с городом, одиночество* и др.; положительное – *свобода, спокойствие* и др.,
- б) природа: отрицательное – *сумерки, туман, подземная круговерть усталых лиц* и др.; положительное – *солнце, киевское лето, снежная постель* и др.,
- в) культура: *театр Русской драмы, проспекты, мост Патона, площадь, Мариинский парк* и др., г) архитектура и строения: *Андреевская церковь, метро «Театральная», чаша фонтана*, д) способы выражения предельности: *крайний, неопиcуемый, прекрасный*, е) прецедентные (известные) имена:

Растрелли, Булгаков, Врубель и др.; ж) элементы городской жизни: *театр, сцена, декорации, публика*. Данные слова составляют «базовый» лексико-понятийный словарь или фундамент Киевского текста. Но в Киевском тексте есть и периферийные слова, не обладающие порознь полноценностью и самодостаточностью с точки зрения Киевского текста: разговорные слова и выражения, арготизмы, профессионализмы и др. Однако без них также было бы невозможно построение Киевского текста.

2.4. Киев как способ организации пространства

Понятие пространства города относится к семиотической проблеме. Вопрос о соотношении пространства и текста сложен и неоднозначен [183], потому что текст пространствен (т.е. он обладает признаком пространственности, размещается в «реальном» пространстве), но и пространство есть текст (т.е. пространство как таковое может быть понято как сообщение).

Город с момента его возникновения являлся центром некоторого пространства, в котором все ориентировано на центрическую модель мира. Город всегда обладал некой метафизической аурой. Это делает возможным формирование особого языка описания, что обеспечивает рождение текста о городе, с одной стороны, и модель его пространства – с другой.

Вся проблема соотношения пространства и текста раскрывает разные свои грани в зависимости от того, понимается ли пространство по-ньютоновски, т.е. как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи, или оно понимается в соответствии с идеями Лейбница – как нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей. Тем не менее, оба варианта философского решения проблемы пространства («пустое» пространство или «объектно-заполненное» пространство) представлены в поэтических текстах о Киеве.

Поэтические представления о городе Киеве могут быть рассмотрены как отдельная семиотическая система, организованная в некоторую модель

фрагмента мира, например, пространственную, в которой отображены всевозможные признаки и состояния данного феномена.

Анализ поэтического воплощения Киева показывает, что город, имеет важную семиотическую черту, сближающую его с другими крупными городами. Это три архитектурных и символических (мифических) уровня: небесный, земной, подземный (мир пещер, подземелий, катакомб, метрополитена и т.д.), – которые, по мнению исследователей, характерны для больших городов. Тем самым Киев, находясь сразу в трех мирах, соединяет и воплощает в себе три уровня бытия, которые проявляются не только в объективно-пространственном смысле, но и в смыслах переносных.

Как отмечает Т.А. Пахарева, анализируя стихотворение Ин. Анненского «Киевские пещеры», Киеву присущ и «макабрический колорит», который «уже к началу XIX века прочитывается как судьба города-кладбища, где покоится великое прошлое» [133, с. 115]. Подземный мир киевских пещер представлен Ин. Анненским как переход в иное измерение (то ли в мир монашеской жизни – *Чьи-то беззвучно уста / Молят дыханья у плит* – в прямом смысле, то ли в мир иной, неведомый – *А чернота коридора / Все безответней и глуше; Нет, не хочу, не хочу / Как? Ни людей, ни пути? / Гасит дыханье свечу? Тише ...* – в переносном смысле) (Ин. Анненский «Киевские пещеры», с. 91).

Для раскрытия лингвокультурного концепта *Киев* значимыми и весьма продуктивными явились семиотические модели описания городского пространства, представленные в работах Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, а также в ряде других исследований, которые продолжили идеи указанных ученых.

Согласно Ю.М. Лотману, город – один из основных типов культурного пространства, которому присущ ряд функций: административная, религиозная, торговая и культурная. Ранее город выполнял еще и оборонительную функцию, т.к. образовывался вокруг крепости. Исторически город складывался на пересечении торговых путей, в стратегически важных

точках, либо вокруг сакральных центров. В дальнейшем градообразующими стали университет и промышленные предприятия. Постепенно идет накопление культурных ценностей, воплощаемое, прежде всего, в самой его планировке и архитектуре. Все это придает городу историческую и культурную уникальность.

Пространство города – один из структурообразующих элементов любой культуры. Ю. М. Лотман считает, что язык пространственных представлений в литературном творчестве относится к первичным и основным [104, с. 447]. Пространственные представления неизменно отображаются в литературе, культуре, в связи с чем такие концепты определяются как константы [161, с. 76].

В нашей работе используется термин *художественное пространство*. Ю.М. Лотман считает, что понятие художественного пространства не ограничивается геометрическим пространством: «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [101, с. 251]. Такое понимание пространства соотносится с пониманием Г. В. Лейбница, более того, все искусство основывается на лейбницевском понимании пространства, именно оно «одушевляется человеческим присутствием, <...> прочитывается человеком» [207].

О.А. Лавренова и В.Г. Щукин под художественным пространством понимают такое пространство, которое живет внутри художественного произведения по собственным законам: может разворачиваться, искривляться, сворачиваться вполне сознательно с целью получения нужных автору эффектов [94]; [202].

Пространство «обживается» человеком, и даже в язык попадает уже «очеловеченным»: *горный хребет, рукав реки, голова колонны*. В поэзии, которая являет собой такую область творческой деятельности, с помощью которой человек получает возможность заглянуть в трансцендентное и которая накапливает в себе и хранит все виды человеческого знания,

пространство представлено особенным образом. В поэзии оно еще более обжито, часто неотделимо от человека: *И вижу я степи, гарматным огнем / Плюющее в ночь обалдело, / И отблеск меча, и храпящим конем / К земле пригвожденное тело* (Л. Шерешевский «На Софийской площади», с. 217).

В современных гуманитарных науках выделяют несколько направлений в исследовании художественного пространства: 1) вся культура рассматривается как деятельность по организации пространства (П.А. Флоренский [192, с. 55]; М.М. Бахтин [10]);

2) пространство связывают с картиной мира (Г.Д. Гачев [48]; В.Н. Топоров [184, 185]);

3) пространство рассматривается как элемент структуры художественного текста (Ю.М. Лотман [100, 102, 103]; Б.А. Успенский [188]) и др.

Поэзия специфична в освоении пространства. Поэтические тексты, пронизанные пространственными представлениями, беспредельно многообразны: в них представлены образы замкнутого и открытого, земного и космического, реального и воображаемого пространств. Ю.М. Лотман в статье «Проблемы художественного пространства» считает, что пространство может быть точечным, линейным, плоским, объемным. Пространства могут иметь горизонтальную и вертикальную направленность.

Пространственная организация поэтических текстов о Киеве соотносима, с одной стороны, с реальной географией и реальными объектами городской архитектуры: *На площади памятник к камню прижат, / Застывший в рывке небывалом. / Коня напряженные мышцы дрожат, / И гетман повис над провалом* (Л. Шерешевский «На Софийской площади», с. 217). Здесь много конкретных и тонких наблюдений в описании запечатленного в камне образа коня, застывшего в прыжке-полете, ощутимо стремление к широкому обобщению увиденного.

Но с другой стороны, с помощью топонимического реального пространства в стихотворении может создаваться ментальное пространство,

которое являет собой параллельный мир, параллельное пространство, под которым мы понимаем образ пространства, существующий только в воображении поэта и не связанный с отражением реальности: *В зимние сумерки / вечер вошел / шагом неслышным. / Чем-то бесплотным / обнял Подол, / высветил крыши. / Все эти улочки – / те, что текут / в старый Славутич, / памятью долгой / полнятся тут / Киева сутью* (К. Путилова «На Подоле», с. 208).

Анализ представления Киева показывает, что семиотически он отличается от проводимого Ю. М. Лотманом деления городов на концентрические и эксцентрические: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, <...> он имеет начало, но не имеет конца — это «вечный город». Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. <...> Это город, созданный вопреки Природе» [104, с. 10]. Киев же вписан в Природу: *Высоко передо мною Старый Киев над Днепром, / Днепр сверкает под горою Переливным серебром* (А. Хомяков «Киев», с. 80); *От Совок до Святошино все снегом запорошено. / Скрипят по снегу валенки от Нивок и до Сталинки. / Снега застлали тщательно постель заиндевелую, и ветер по Крещатику метет поземку белую* (Г. Аронов «От Совок до Святошино», с. 259); *Глубокий снег горбатил крыши, скруглял и сглаживал углы, и Киев стал добрей и тише под пологом белесой мглы* (В. Гордеев, с. 269); *Впереди диковинные страны / И, наверно, чудо-города, / Но любить тебя не перестану, / Город мой зеленый, никогда* (В. Гордеев, с. 268); *Целебнее всех шоколадных льдин / Твоя прохлада тихая, Почайна* (Ю. Каплан «Скрипят трамваи, звякают ключи», с. 274). Как видим, Киев, расположенный высоко над Днепром, вписан в природу и любим человеком.

Таким образом, в Киевском тексте соотношение социального и природного иное, чем, например, в Петербурге, о чем прекрасно сказано В. Н. Топоровым, который, исследуя Петербургский текст, отмечает его

сквозные мотивы, одним из которых выделяет мотив несовместимости с Петербургом, «за чем стоит нечто более общее и универсальное – несовместимость этого города с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жизни в Петербурге» [185, с. 263]. Киев – прекрасный город для жизни, город воспоминаний юности, родной для многих: *Зеленоватым золотом Софии / Просвечивает Киев на ветру* (В. Богуславская «Все сбудется еще...», с. 290); *Я возвращаюсь в этот город, в осенний тлен, вокзальный дым, и дым отчества мне горек и смутно чудится родным* (Т. Глушкова «Я возвращаюсь в этот город», с. 299).

Художественное пространство Киева не является стабильным и статичным. Оно подвержено трансформации – сжимается и растягивается, в нем изменяются пропорции объектов, наблюдается появление и исчезновение отдельных предметов: *Над Киевом сумерки. / Но не померкли / воздушные грани Андреевской церкви. / Я снова постигнуть не в состоянии / Феномен искусства и расстояния. / Когда от нас церковь отдалена, / еще совершенней снизу она: / не видно ни цоколя. Ни позолоты – / одна невесомость / и радость полета* (К. Путилова «Андреевская церковь», с. 207).

Поэтическое восприятие дает возможность ориентироваться в художественном пространстве: *Русла улочек подольских повторяют русла рек / Неумолчно оmyвая терема и времена* (Ю. Каплан «Ах, Андреевская церковь...», с. 275). Здесь древняя история (*терема*) переплетается с реальностью (*улочками*) и воображаемыми реками, над которыми выросли улочки.

Анализ поэтических текстов показывает, что есть непосредственное отражение пространства и есть опосредованное, образно-понятийное отражение. Так, непосредственно воспринимаемое пространство – это пространство в его протяженности, форме, объеме: *Колонны, купола, софиты / И тихий дождичек по ним. / Под своды киевской Софии / вхожу я...* (Р. Левин «Киевская осень», с. 255). При образно-понятийном восприятии нарисован образ Киева, своего рода картинка города, схваченная поэтом в

конкретный миг, здесь есть оценка, экспрессия: *Киевом пахнет сирень, Киевом пахнет каштан* (Ю. Мориц «Где», с. 278).

Пространство Киева может быть активной силой, способной преобразовывать мир и человека в нем: *Андреевская церковь купол звездный / Подымет над Подолом для меня* (В. Богуславская «Все сбудется еще» с. 290). С ним переплетается и в нем растворяется мир души человеческой: *В самом себе найдешь следы костров, / Отыщешь даже адскую жаровню* (Л. Давиденко «В самом себе найдешь следы костров», с. 285). *Для счастья нужно так немного – / Хотя бы озера подкова – об озере Тельбин в Киеве* (Ю. Каплан – «Тельбин», с. 274).

Пространство города может быть не просто фоном, но и участником исторических событий: *Туже стягивает петлю / Тьма татарская вокруг стен. / Гордый град тысячелетний / Выбирает смерть – не плен* (Ю. Каплан «Туже стягивает петлю», с. 277). *Какой здесь богатырь проехал, / Играя палицей дубовой? / Пал печенег. Пропало эхо. / Осталась озера подкова* (Ю. Каплан «Тельбин», с. 274).

В поэтическом тексте прослеживается особая связь художественного пространства, времени и движения. Идея пространства неизбежно присутствует во всех понятиях, связанных с движением, и это нашло отражение в поэтических текстах: *Дорога – человек... Туда – обратно, / сто сорок километров говорим: я ей про Припять, станцию реактор... И май безмерный взглядами, ветрами – / Один над Киевом и Копачами* (В. Ильин «Дорога», с. 295). *Но помню, Киев, / Как взбегают к тучам / Твои пирамидные сады* (Л. Темин «Киеву», с. 264).

Наши наблюдения позволяют выявить основные составляющие пространства Киева, с помощью которых город предстает панорамно: как часть физического (природного) пространства; как среда, в которой формируются чувства; как градостроительный и архитектурный полигон (*А утренний город встает как единый фасад, / стекло и бетон окликаются лепкой старинной*): церкви (*Андреевская* и *София*), памятники, улицы, мосты,

которые служат изображением фона исторических событий, дороги, сады; как движение и пространство; как мир души человеческой, как пространство жизни и т.д. Художественное пространство реализуется с помощью различных языковых средств – фразеологизмов, которые зачастую трансформируются, например, фразеологизм *гореть синим пламенем* у Ю. Мориц распадается на два устойчивых словосочетания – *гореть огнем* и *синий пламень*; обилием метафор – *подкова озера, рубец Бабьего Яра, ходит радость по кругу и ходит беда* (Н. Злотников «Мариинский парк», с. 272); окказионализмов с использованием трансформации грамматических средств – *где-дево звезд, где-девочки след, тень где-детства* (Ю. Мориц «Где», с. 278), сложением двух знаменательных слов – *мамонт-элеватор* (Ю. Каплан «Ах, Андреевская церковь», с. 276), богатой синонимикой, обилием многозначных слов. Пространство Киева соткано из стихов, насыщенных переносами, особым синтаксическим членением, ритмическим богатством, стилистическим разнообразием (от торжественного до разговорно-бытового).

Таким образом, в стихах о Киеве пространство представлено разными смысловыми гранями, при этом любовь к городу является одним из главных аккордов в творчестве поэтов.

2.5. Реконструкция концепта «Киев» в ономастическом аспекте

С точки зрения ономастики, раздела языкознания, изучающего имена собственные, Киев может быть проанализирован как имя собственное. Киев как наименование города относится к разряду топонимов. Топонимика – это раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, закономерности их развития и изменения во времени [97, с. 515], [169], [193]. Топонимика имеет ряд разделов, в один из которых – ойконимию (название поселений) – попадает *Киев*.

По своему происхождению данный топоним (ойконим) образовался в процессе естественно-исторического развития. Рассмотрим название с точки

зрения этимологии. Народная этимология склонна объяснять происхождение всех топонимов от имен легендарных личностей. Такого же мнения о происхождении названия *Киев* придерживался автор «Повести временных лет». Он опирался на народное предание, достоверность которого пытался обосновать логическим путем: как из имени царя Рим был назван город Рим, а от имени Александр пошла Александрия, так и город Киев был назван по имени Кия.

Летописная легенда, «которая является древнейшим воспоминанием самих восточных славян о возникновении столицы их государства» [75, с. 34], свидетельствует, что в конце VI – начале VII в.в. н.э. три брата Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбедь основали на крутом берегу Днепра город и называли его в честь старшего брата Киевом. Уже в наше время археологические раскопки позволили подтвердить эту дату. «Кий жил на горе, где позднее, во времена летописца, существовал Боричев спуск; Щек – на второй горе, звавшейся вследствие этого Щекавицей, а Хорив – на третьей горе, получившей название Хоревицы» [Там же, с. 34].

В «Повести временных лет» утверждается, что Киев был основан как центр племени полян, живших в среднем Поднепровье. Постепенно город объединил другие восточнославянские племена – древлян, угличей и северян – и к XI-му в. стал одним из самых известных центров цивилизации в христианском мире [ПВЛ, с.12–13].

Историки не могут с уверенностью утверждать, что фигуры трех братьев были реально существующими. Однако видят основания считать одного из них, Кия, «личностью исторической», т. к. о нем «летописец сообщает довольно обстоятельные и вполне реальные сведения (о приеме его при дворе византийского императора)» [Там же, с. 34–36].

Существует и народная этимология, которая объясняет название Киева тем, что его первыми жителями были рабочие (*кияне, кияны*), которые обслуживали переправу через Днепр. Переправа представляла собой деревянный настил на столбах (*киях*), вбитых в дно. Гарвардский учёный

О. Прицак считал происхождение топонима тюркским или еврейским. Сходные топонимы известны и в других славянских землях (например, *Кийево* в Хорватии, *Куявия* в Польше). По мнению С.М. Трубачёва, подобных поселений насчитывалось более шестидесяти. Город в то время состоял из княжеского двора и терема.

Г.В. Вернадский разделял мысль об основании города хазарами. Есть и другие гипотезы. Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что уже в VI – VII веках на правом берегу Днепра существовали поселения, которые некоторыми исследователями интерпретируются как городские. Эта концепция, подкреплённая празднованием в 1982 г. 1500-летия Киева, рассматривалась как общепринятая. Однако, в противоположность «юбилейной концепции», значительная часть историков и археологов считает, как и прежде, что образование Киева как города проходило на рубеже IX и X вв., ссылаясь на данные археологии. Имеются и другие данные. Так, в хронике М. Стрыйковского утверждается, что город Киев был основан князем Кием в 430 г.

Некоторые исследователи пишут о том, что Кий – не имя. Оно не числится ни в христианских, ни в языческих славянских «святцах». Именами киевских князей Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира и других названо незначительное число поселений. Но уже более тысячи лет восточные славяне охотно называют их именами своих детей. Тогда почему же этой чести не удостоился князь Кий, основавший «мать городов русских»? Объясняет ученый этот факт следующим образом. Города зачастую получают названия от присущих им характерных особенностей или функций, которые они выполняли для ближней или дальней округи. Он приводит способ переправы через реку на лодках и плотах, когда вместо весел используют жердь, которой отталкиваются от дна. Таким образом можно перевозить груженные телеги, скот. В некоторых регионах Украины занятие таким перевозом является промыслом и называется *киюванням*. Жердь в древности

называли *кием* (см. этимологическое значение слова *кий* – «палка», диал. знач. «деревянный молот, пест», «палка, посох», «молот, дубинка») [ЭСРЯ, с. 231].

От подобных перевозов могли получить свои названия многочисленные тѣзки Киева, стоящие на малых речушках, но не Киев на Днепре. Глубина Днепра слишком велика, а течение сильно для такого способа перевоза.

Тем не менее версия о происхождении названия города Киева от «киева перевоза» существовала испокон веков. Её приводит и киевский летописец, однако «эта версия кажется ему маловероятной», он настаивает на том, что Кий был князем, а город – «княжеской резиденцией». Аргументируя «свой взгляд относительно утверждений «несведующих»», он утверждает: «если бы Кий был обыкновенным перевозчиком, то не ходил бы в Царьград» [75, с. 36].

Благодаря перевозу Киев стал центром пересечения торговых путей, связывающих Север и Юг, Восток и Запад, средоточием торговли товарами с четырех сторон света. Значение Киева не только для соседствующих, но и для отдаленных друг от друга народов трудно переоценить. Обмениваться товарами здесь было удобней, чем отправляться с ними в рискованный вояж за тридевять земель.

Говоря об этимологическом значении слова *Киев*, нельзя не упомянуть мнение С.Б. Крымского о том, что на этот город наложена библейская метафора. Имя *Кий* он связывает с посохом Моисея, имя Щек (вслед за Б. А. Рыбаковым) – «с хтоническим существом – змием, что подкрепляется и былинами о Змее Горыныче (т.е. живущем на горе) в Киеве возле реки Пучай (Почайна)», а имя Хорив – «созвучно библейской горе Хорив, венчавшей горный массив Синая» [92, с. 15–17]. Тем самым подтверждается статус Киева как святыни, вечного города, пра-города, «Иерусалима земли русской».

Следовательно, вопрос о происхождении Киева, а также его названия, нельзя рассматривать окончательно решенным. Однако несмотря на этимологическую неопределенность названия и наличие многочисленных примеров народной этимологии поэтический взгляд сформировал, пожалуй, единственную версию происхождения слова *Киев*, и связывается оно с именем

князя Кия: *До сих пор в непрочном граде Кия / Еще шумят архангелов крыла, / Еще жива нетленная София* (В. Каденко «У киевских холмов», с. 352); *И вы готовы биться об заклад, / Что в мире нет прекрасней града Кия. / Куда тебе, оазисный Эйлат!* (Н. Филиппова «Эмигранту», с. 349); *Я стиснут временем, пространством и на / земле из непа выстроен мой дом. / Да... непа. Со времен Батыя, / А то и раньше тупо и бездарно, / с времен Хорива, Щека, Кия / сжигали этот город регулярно.* (И. Лапинский «Какое дело мне до бедуина», с. 8); *и шелест крыл, и дикий посвист змиев, / премудрый Кий – горейшая из гор / и взгляд тысячелетний серый Киев / поверх кирпичных медленных громад* (В. Малахов «Три слова», с. 34); *Кий / К устам Десны десницей, окликом / Гудочным в сговоре с Днепром / К сиянью звал, а звезды в облаке / Забились тайным серебром* (В. Остолопов-Майоров «А ночь дарила полнолуние», с. 23).

В поэтическом воплощении концепта Киев наблюдается реализация различных аспектов значения этого ойконима. Условно они могут быть отнесены к таким планам реализации внутренней и внешней формы: дотопонимический (этимологический) – значение того слова, от которого образовался топоним; топонимический (прямой географический) – значение, относящееся к функционированию топонимов (Киев расположен в пределах Приднепровской низменности, вблизи Приднепровской возвышенности с умеренно-континентальным климатом); посттопонимический – ассоциации, которые связываются у человека с названием в результате знакомства с объектом (*стольный град, древний Киев, мать городов русских* и др.) [127, с. 57–61].

Выше были показаны ресурсы этимологических связей имени собственного в формировании поэтического образа. Не меньший потенциал для появления метафорических моделей обозначения несет интерпретационное поле, закрепленное за денотатами имени собственного. На эту способность отдельных фрагментов интерпретационного поля превращаться в перифразы обратил внимание еще Л.В. Щерба, отмечавший,

что некоторые характерные черты того или иного предмета могут иногда входить в значение соответственного собственного имени, приближая его к нарицательному [199]. Примером такого сближения, как указывает ученый, может быть то, что имя *Европа* имеет характерный признак – «страна передовой цивилизации», что обусловлено наличием таких словосочетаний, как *европейские манеры*, *европейская вежливость* и т. д. [Там же]. Подобные сближения весьма часто используются журналистами и писателями. Применение подобных перифраз, отражающих особенности истории, географического положения, хозяйственные, культурные, образовательные черты населенного пункта, обычно является средством передачи дополнительной информации об объекте, которая не находит полного отражения топонимическими средствами. Иногда перифразы несут ощутимый оценочный заряд. Использование перифраз в русском языке имеет давние традиции. Так, Киев вошел в историю как *мать городов русских*, Санкт-Петербург как *Северная Пальмира*, *окно в Европу*, *город на Неве*. Рим часто обозначают как *город на семи холмах*. Уникальные особенности планировки города Венеция, с наличием сети многочисленных каналов, послужили причиной употребления перифразы *северная Венеция* по отношению к целому ряду городов. Среди них – Амстердам, Копенгаген, Стокгольм, Санкт-Петербург, Гент, Страсбург.

Кроме устоявшегося, традиционного обозначения *мать городов русских*, имя собственное *Киев* имеет большое количество менее распространенных обозначений, в том числе и таких, которые используются в поэзии. Например, *город Кия*, *древний город на Днепре*, *город на семи холмах*, *город славы* и др.

Как отмечает Л.П. Иванова, прецедентное высказывание летописца Нестора о Киеве «мать городов русских» привело даже к возникновению аллюзии В. Ходасевича – «мачеха российских городов» в отношении Берлина времен русской эмиграции начала XX века [72, с. 244]: *Жди: резкий ветер дунет в окарино / По скважинам громоздкого Берлина – / И грубый день*

взойдет из-за домов / Над мачехой российских городов (В. Ходасевич «Все каменное. В каменный пролет...», с. 186).

Значительная часть перифрастических обозначений Киева отражает его историю, факт того, что Киев – это древний центр восточного славянства, о котором упоминается в древних исторических памятниках – «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве». В Большом энциклопедическом словаре в качестве характерного признака города отражен признак его административного статуса – это «столица Украины» (БЭС, с. 523). Концепт «Киев» может формировать и перифразы, основанные на порой очень неожиданных признаках этого города, глубоко индивидуальных впечатлениях и переживаниях. Например, к авторским можно отнести такое представление о Киеве: *Киев – Мекка геронтологии* (Р. Левин «Долголетие», с. 221).

Довольно обширны и разнообразны поэтические наименования Киева. К наиболее частотной основе названия Киева относятся такие существенные признаки, как указание на святость и славу, а также возраст города: *В ризе святости и славы / Опоясан стариной, / Старец-Киев предо мной / Возблистал золотоглавый* (В. Бенедиктов «Киев», с. 178), *пращур городов* (К. Случевский «В Киеве ночью», с. 88). Эти признаки отмечены в поэтических произведениях многих авторов.

Во многих стихах о Киеве представлена историческая информации: *Тень Владимира летает...* (И. Козлов «Киев», с. 69) – факт крещения князем Владимиром, когда было введено христианство как официальная религия.

Отмечается такая характеристика облика Киева, как неземная красота, обилие церквей – *Смотрелся в Днепр с берегов высоких, / И красотой из стран далеких / Пришельцев чуждых привлекал* (К. Рылеев «Киев», с. 71); *златоглавый Киев*.

Киев как источник духовной силы, подаривший ее потом всем восточным славянам: *Отсюда кротости ученье разлилось, / По всей Руси распространилось* (М. Волошин «Киев», с. 49); *светлый град* (И. Козлов «Киев», с. 69).

Киев – это также мистический центр, что неоднократно отмечалось у поэтов разного времени: *Из логова змиева / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью... / Снеси-ка истому ты / В днепровские омуты, / На грешную лысую гору* (Н. Гумилев «Из логова змиева», с. 93).

В поэзии разных авторов фигурируют артефакты и ценности культуры: *Бандур и кобз звучат в душе струны* (Н. Животов «В купеческом собрании в Киеве», с. 56); *Чугунный конь замедлит бег / На старой площади Софии* (Дон Аминадо «Город чужих», с. 109); *Софийский собор засыпает – смежаются веки* (Н. Новиков «София», с. 246).

Довольно часто встречается в поэзии буйство стихий в городе, в основном – летней грозы как распространенного природного феномена: *Поток зарниц, гроза в разгаре, / Недвижный Днепр, ночной Подол* (Б. Пастернак «Баллада», с. 125).

Сказочный Киев – в четверостишье Н. Новикова – намек на царство Соловья-разбойника (стихотворение так и называется «Соловей-разбойник»): *В Ирпене под Киевом / Со времен Владимира – Вотчина последняя, / Царство соловьев* (с. 248).

Приведенные примеры позволяют утверждать, что ойконим *Киев* может быть представлен как сублимированный текст, извлечение информации из которого означает развернутую экспликацию содержания этого текста, хранящегося в имени собственном в неявном виде [59].

Ойконимы имеют разный потенциал концептуализации, который зависит от их известности и значимости для языковой личности, масштаба среды употребления ойконима, степени освоенности территории, наличия личного опыта, масштаба общелитературной символизации, связанного с тем или иным населенным пунктом. Как показывает поэзия (начиная с XVIII в. и до наших дней), ойконим Киев имеет высокий потенциал концептуализации.

Изученный нами корпус поэтических текстов позволил выявить основные смыслы, репрезентируемые поэзией: 1) Киев как наименование географического объекта (соотнесенность с денотатом, местоположение,

ландшафт); 2) Киев как наименование места жизнедеятельности (утилитарность, прагматический аспект); 3) Киев как носитель культурной информации; 4) Киев как носитель исторической информации; 5) Киев как антропоморфный образ; 6) ойконим как «свое» или «чужое» пространство. Обязательными элементами структуры данного ойконимического концепта являются антропоморфная характеристика и связь с концептом «свой – чужой», а также культурная и историческая информация, заложенная в ойкониме, и его функционирование в поэтическом творчестве. Эти смыслы легли в основу концепта *Киев*, который был реконструирован нами на основе поэтических текстов о Киеве. Конкретное содержательное наполнение и структурирование ойконимических концептов зависит в значительной мере от места проживания носителей лингвокультуры, в сознании которых изучаемый концепт сформировался. Так, у киевлян в структуру концепта входят природные и внутригородские объекты (*Подол, Днепр, Лысая гора, площадь Софии* и др.): *Булыжный спуск на Бессарабку, / Больничный за оградой сад* (Р. Левин «Крутизна», с. 253). У жителей отдаленной местности структура ойконима формируется иными элементами и смыслами, в основном – стереотипными представлениями о Киеве (*пращур*).

Анализ содержания и структуры концепта «Киев» подтвердил предположение о том, что ойконимические концепты можно классифицировать на основании значимости населенных пунктов для того или иного поэта. Такая дифференциация коррелирует с представлениями об универсальных и индивидуально-личностных концептах в сознании носителей лингвокультуры.

Выводы ко второму разделу

Интегративность в исследовании концепта «Киев» учитывает как традиционную лингвистику (лексикографию и ономастику), так и семиотику, лингвистику текста, когнитивные исследования с их разнообразными приемами. Наполняясь в каждой из названных областей своим содержанием,

концепт «Киев» интергирует в себе многие знания о городе: Киев является не только архитектурным феноменом, произведением строительного искусства, но представляет собой социокультурное образование, заполненное различными формами жизнедеятельности людей.

Концепт «город» является одним из фрагментов русской языковой картины мира и включает в себя богатую историю, традиции, языковые особенности. В результате рассмотрения экспликации концепта «город» в словарях разных типов и периодов (энциклопедических, исторических и толковых) и анализа узуального значения слова *город* как имени концепта мы выяснили, что концепт «Киев» представляет собой вариант концепта «город», представляющий собой некий «культурный текст», сотканный из значений, складывающихся веками.

С позиции семиотического подхода Киев представлен как текст культуры, текст в его широком, семиотическом понимании и даже как «сверхтекст». Чтобы стать сверхтекстом, ряд текстов должен иметь следующие признаки: тематическая и модальная целостность, законченность, общие типологические характеристики. Сам Киевский текст понимается нами как сверхтекст русской и украинской литературы и культуры. Такое понимание Киевского текста позволяет описать обширные (XIX – XXI век) и подвижные текстовые массивы, объединенные общим объектом – Киевом, в которых Киева персонифицирован как «мать городов русских», «Иерусалим земли русской», духовная твердыня, святыня.

Изученный корпус поэтических текстов позволил выявить основные смыслы концепта «Киев», репрезентируемые поэзией: 1) Киев как наименование географического объекта (соотнесенность с денотатом, местоположение, ландшафт); 2) Киев как наименование места жизнедеятельности (утилитарность, прагматический аспект); 3) Киев как носитель культурной информации; 4) Киев как носитель исторической информации; 5) Киев как антропоморфный образ; 6) ойконим как «свое» или «чужое» пространство.

Основным методом описания Киевского текста является выделение языковых элементов, обеспечивающих его единство в противопоставлении:

- а) внутреннее состояние человека: отрицательное – *тоска от расставания с городом, одиночество* и др.; положительное – *свобода, спокойствие* и др.,
- б) природа: отрицательное – *сумерки, туман, подземная круговерть усталых лиц* и др.; положительное – *солнце, киевское лето, снежная постель* и др.,
- в) культура: *театр Русской драмы, проспекты, мост Патона, площадь, Марининский парк* и др., г) архитектура и строения: *Андреевская церковь, метро «Театральная», чаша фонтана*, д) способы выражения предельности: *крайний, неопиcуемый, прекрасный*; е) прецедентный (известные имена): *Растрелли, Булгаков, Врубель* и др.; ж) элементы городской жизни: *театр, сцена, декорации, публика*.

Топонимы (ойконимы) имеют разный потенциал концептуализации, который зависит от их известности и значимости для языковой личности, масштаба среды употребления ойконима, степени освоенности территории, наличия поэтического опыта и т.д. Как показали поэтические тексты, ойконим *Киев* имеет высокий потенциал концептуализации.

Если энциклопедические словари в качестве характерного признака города выделяют признак его административного статуса, то как концепт «Киев» включает в себя всю сумму накопленных личностью знаний, представлений о городе, среди которых выделяются и общие существенные признаки Киева, и сугубо индивидуальные (авторские).

Основные положения раздела опубликованы в статьях [21, 25, 26].

РАЗДЕЛ III

Поэтический текст как дискурсивное поле для реконструкции концепта «Киев»

3.1. Поэтический текст и поэтический дискурс

Проблема дискурса в последнее время становится всё более актуальной в лингвистике, социологии, философии, политологии, психологии, культурологии и других науках. Дискурс, по Й. Шерзеру, – это трудно постижимая область, неуловимое, неточное и постоянно возникающее переплетение языка и культуры. Это узел, в котором действительно выражается взаимоотношение языка, культуры и общества. Именно дискурс создает, воспроизводит и изменяет и культуру, и язык в точках их пересечения [210, с. 44].

До сих пор *дискурс* является одним из самых неоднозначно определяемых терминов. В современной лингвистике *дискурс* обычно определяется через понятия текста и коммуникативной ситуации. Чаще всего он понимается как «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова и как текст, фиксирующий в языковых (речевых) формах определенную ментальность (Ю. С. Степанов). Ю. С. Степанов в статье, посвященной дискурсу, дает такое его толкование: «Мы <...> предварительно разъясним это явление так: дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности... Дискурс реально существует <...> прежде всего и главным образом в текстах, но в таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир... Каждый дискурс – это один из “возможных миров» [160, с. 38]. Или, при другой смысловой акцентировке, дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности» [Там же, с. 44].

Есть и другие определения дискурса. Так, он определяется как «семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик» [73, с. 45].

Э. Бенвенист считает это явление «самой жизнью языка в действии» [12, с. 139]. Т.А. ван Дейк уверен, что дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события [62, с. 122]. Н.Ф. Алефиренко полагает, что дискурсивный подход способствует выявлению креативной силы коммуникативной среды. С позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текстов, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [7, с. 18].

Можно назвать следующие школы исследования дискурса, имеющие достаточно долгую научную историю и разработанную методологию: лингвистический дискурс-анализ (бирмингемская школа: Дж. Синклер, М. Култхард и др.); французская школа дискурсивного анализа (П. Серио, Л. Альтюссер, Ж. Лакан); немецкая лингвистика дискурса (Д. Буссе, В. Тойберт, И. Варнке, А. Буш); разговорный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, К. Элих, Й. Ребайн); критический дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Лаков, Р. Водак, З. Егер, Т. А. ван Дейк); теория коммуникативного действия (Ю. Хабермас); грамматика дискурса (Р. Лонгейк, Т. Гивон). Формируется собственная дискурсивная школа и в Украине (Л. П. Иванова, В. И. Теркулов и др.).

Анализ названной литературы позволил сделать вывод о том, что дискурс – когнитивный процесс, реализующийся в ценностно-смысловом пространстве индивида. Приведенные определения показывают, насколько важен для понимания дискурса экстралингвистический фон, под которым мы понимаем личностные и социальные характеристики автора и читателя, знание ими мира и языка, социальная ситуация, в которой происходит создание и восприятие текста.

Между текстом и дискурсом устанавливаются иерархические отношения, так как дискурс выражается в тексте. Но это *общий дискурс*,

который можно разделить по тематическо-ситуационному принципу на *частные дискурсы*. Частный дискурс базируется на одной теме-ситуации, на одной области знаний (философский дискурс, поэтический дискурс и т.д.).

Складывается определенная иерархическая структура «*общий дискурс – частный дискурс – текст*», в которой текст опосредованно является включенным в общий дискурс как его «единица». Текст является реализацией дискурса. Но дискурс при этом не ограничивается рамками конкретного текста. Поэтический дискурс рассматривается нами как некая совокупность текстов – поэтических произведений, связанных между собой тематически и эстетически, т.е. это тексты о Киеве.

По мысли М. Фуко, «каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания» – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями» [190]. С позиций такого понимания можно говорить соответственно и об особом дискурсе различных сфер знания, в том числе поэзии, в которой существует особый язык – «язык поэзии», служащий для поэтического видения реальности.

Следовательно, применительно к нашей теме имеем следующую схему: «общий дискурс – частный дискурс – личностно-ориентированный дискурс – поэтический текст».

Мы понимаем под дискурсом пространство для реализации концептов; важным для нас представляется выявление способа концептуализации и реализации знания о концепте в дискурсе. Для достижения целей нашей работы мы используем также понятие *дискурсивного поля*, под которым понимаем совокупность поэтических текстов, все поэтическое пространство, ограниченное тематикой «город Киев».

И хотя далее в работе данный термин более не используется, но само понятие дискурсивного поля как совокупности поэтических текстов о Киеве «работает» на протяжении всего диссертационного исследования.

Дискурсивное пространство – это поле для реализации концептов, а нашем случае – концепта «Киев».

Репрезентация ментального конструкта (концепта) представляет собой систему языковых знаков, которые образуют дискурсионную систему, состоящую из презентационной структуры и ее речевого воплощения [132].

Надо заметить, что сам термин *поэтический текст* вошел в употребление не так давно, заняв место таких номинаций, как *поэтический язык*, *поэтическая речь* и т.д. Различая три значения термина *поэтический язык*, Г.О. Винокур предлагает два полярных варианта его толкования, смягчая эту полярность промежуточным случаем. На одном полюсе ученый переосмысливает идею особого употребления общенародного языка (в данном случае это – традиционное употребление, порождающее *один из стилей речи*), на другом – противопоставляет этой идее мысль о том, что «язык и есть сам по себе поэзия» (т.е. независимо от какого бы то ни было употребления), что отчасти напоминает идеи А.А. Потебни, близко к концепту понимание поэтического языка у формалистов (Б.В. Томашевский, Р.О. Jakobson), когда «возникает вопрос об особой, поэтической функции» языка вообще. Промежуточное понимание поэтического языка: «...язык, употребляемый в поэтических произведениях, может представляться связанным с поэзией не одной только внешней традицией словоупотребления, но и внутренними своими качествами <...> В этом случае язык поэзии понимается как сам по себе *поэтический*, и речь уже идет о поэтичности как *особом экспрессивном качестве языка*» (Г.О. Винокур) [38, с. 142]. Здесь поэтичность языка не объясняется всецело традицией (первый вариант), но и не выводится из поэтической функции, свойственной ему от природы (третий вариант). По-видимому, будучи «внутренним свойством» языка, поэтичность в то же время зависит от контекста произведения, ситуации и других экстралингвистических параметров, превращающий текст в дискурс.

Поэтические тексты представляют ценность для анализа не только индивидуального процесса познания мира и отражения полученной

информации в тексте, но и для изучения всей языковой картины мира в языковом сознании народа. Под **поэтическим текстом** в работе понимается коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия. С коммуникативной и психолингвистической точки зрения, текст всегда создается для кого-то, и даже его создание с целью самовыражения обладает коммуникативной направленностью. Однако очень важен и когнитивный аспект поэтического текста.

Современная когнитивная лингвистика, проникая в тайны познания, учитывает и художественное познание, которое может быть исследовано на материале художественных текстов. Если обыденное сознание, отображенное в естественном языке, запечатлевает то, что носители языка видят и понимают в мире, а научное ориентируется на понимание объективного устройства мира и знание его законов, то художественное познание является отображением субъективного мировосприятия, воплощением его индивидуального видения мира.

Как уже было сказано в первом разделе, основой для определения того или иного концепта всегда является текст, ибо именно в нем концепт получает свою – хотя и неполную – реализацию. Проблема состоит в том, что восприятие любого текста читателем субъективно. А поэтому можно утверждать, что сочетание лингвистического (лингвистика текста) и культурологического анализа поможет полнее охватить информацию, которая поступает к нам посредством языкового общения. Культурологическая часть анализа будет заключать в себе в основном раскрытие и объяснение использованных авторами скрытых в поэзии культурных смыслов.

Когнитивная поэтика связана с именами М. Тернера, М. Фирмена, М. Берка, в Украине – О.П. Воробьевой, Л.И. Белеховой, В.Г. Никоновой, в России – Н.С. Болотновой, Л.О. Бутаковой, Г.Г. Молчановой, И.А. Тарасовой и др.

Одной из первых работ на постсоветском пространстве можно считать работу В.А. Масловой, вышедшую более десятилетия назад, «Концептосфера Марины Цветаевой» [112]. Сюда можно отнести также работы «Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке» [114], «Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект» [172] и др. В данных работах показано, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям. Когнитивный подход часто вскрывает факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных методов, позволяет не только анализировать, что сказано и как сказано, но и выяснить, почему сказано так, а не иначе. Именно когнитивный анализ позволяет установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, выявить и осмыслить особенности картины мира автора.

Работающие в этом направлении исследователи предлагают концепции картины мира как ментальной основы поэтического творчества. Поэтическая картина мира рассматривается как особая континуальная система смыслов, которые организуют и создание, и интерпретацию поэтической реальности.

Поэтический текст, являясь исключительно сложным образованием, формально представляет собой лишь особым образом организованную в нем лексику. В поэтическом тексте законы его лексической организации работают с максимальной степенью реализации.

Теоретической разработкой феномена поэтического слова занимались многие исследователи, которые установили, что важна дифференциация «ближайшего» и «дальнейшего» значений (А.А. Потебня), «прямого» и «поэтического» (Г.О. Винокур), «основного» и «бокового», (Б.М. Эйхенбаум), «номинативно-прецедентного» и «нового» (В.В. Виноградов, В.П. Григорьев). Поэтическое слово характеризуется триединством – звука, смысла и ритмо-музыки, с помощью которых поэт стремится добраться до сути события, до его глубинного смысла.

Основные характеристики поэта как субъекта дискурсивного смыслообразования соответственно отображены в поэтических текстах.

Сознание языковой личности поэта, моделируя субъективный образ мира, реализуется в семантике поэтического знака. Поэтому становится понятным, что рассмотрение проблемы сознания языковой личности поэта невозможно без анализа одной из его главных составляющих – поэтического слова. Значению в поэтической речи противостоит личностный смысл как мотивированное отношение к обозначаемому. Поэтический смысл – результат привнесения в слово коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемого предмета. Одно и то же поэтическое слово может поворачиваться в дискурсе разными гранями: то как исторически сформировавшееся в этноязыковом сознании и закрепленное в словаре, то как индивидуально авторское, которое потенциально сохраняется (возможно, в разном объеме и ракурсе у поэта и читателя), отражая с различной полнотой и глубиной «возможные миры». Вот как это чувствуют сами поэты: *Два мира есть у человека: / Один, который нас творил, / Другой – который мы от века / Творим по мере наших сил* (Н. Заболоцкий «На закате», с. 210).

Наряду со значением каждое поэтическое слово приобретает смысл, актуализирующий в этом значении те стороны, которые связаны с данной ситуацией и отношением к ней поэта. Смысл поэтического слова возникает в процессе речемыслительной деятельности поэта и читателя в конкретный отрезок времени и в конкретной дискурсивной ситуации: различные типы контекстов и дискурсивная ситуация – условия обнаружения нужного смысла поэтического слова. Н.С. Болотнова считает, что обычное слово в «ассоциативно-семантической сети» [16, с. 451] поэтического дискурса обогащается особыми экспрессивно-смысловыми свойствами. Иногда сами поэты являют нам ассоциации, находя их в звучании: *Слово странное – старуха! / Смысл неясен, звук угрюм, / Как для розового уха / Темной раковины шум...* (М. Цветаева «Старуха», с. 63).

Таким образом, специфика поэтических текстов проявляется через совокупность их дискурсивных качеств; к таковым могут быть отнесены

эгоцентричность, креативность, экспрессивность, ситуативность, вариативность формы и содержания поэтического дискурса.

Превращение беспристрастного знака в поэтический и сотворение в процессе такой метаморфозы индивидуального смысла художественного слова осуществляется благодаря его чувственному переживанию как поэтом, так и читателем.

Теоретическое обоснование семантической многоплановости находим у Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др. Так, например, В.В. Виноградов пишет о «комбинаторных приращениях смысла», которые развиваются у слов в контексте целого произведения. Такое слово двупланово по своей смысловой направленности и, следовательно, образно. Например, нам известно такое четверостишие О. Мандельштама: / *Мне не надо пропуска* / *ночного, / Часовых я не боюсь, / За блаженное, бессмысленное слово / Я в ночи январской помолюсь.* («В Петербурге мы сойдемся снова», с. 132).

Так представлен этот текст в печати. Но известно, что перу поэта принадлежала другая четвертая строка: *Я в ночи советской помолюсь.* Проанализируем, как меняется слово *ночь* при изменении авторского эпитета, как меняется смысл всего стихотворения.

Слово *ночь* в авторском варианте приобретает дополнительное значение: это не просто время суток, а время жизни, т. е. эпоха, век. Словосочетание *советская ночь* символизирует советский строй, жить при котором, как и ночью, опасно, страшно, тревожно. Ночь – носитель негативной коннотации, символ опасности, хаоса. Цензурная замена «ночи советской» на «ночь январскую» уничтожает те смыслы, которые показывают отношение поэта к современной жизни. Январская ночь – это только зимнее время суток. Как видим, семантика слова *ночь* усилена и проявлена эпитетом.

Если в поверхностной структуре *ночь* – темное время суток, то в глубинной: *ночь* – хаос мира, стихия. В стихотворении Ф. Тютчева, например, *ночь* – бездна: ... *настала ночь...* / *И бездна нам обнажена...* / *С своими*

страхами и мглами / И нет преград меж ей и нами – / Вот от чего нам ночь страшна (Ф. Тютчев «День и ночь», с. 185).

Следовательно, поэзия выявляет глубинные смыслы слова и заложенную в них информацию, так как поверхностные смыслы часто обманчивы.

Поэты сполна используют не только выразительные, но и познавательные возможности языка, предоставляя обширный материал для лингвистического осмысления многих языковых явлений, которые в обыденном языке проявятся нескоро, а, возможно, и вообще не проявятся.

Поэзия выходит за привычные рамки смысла, создает новый смысл, часто более глубокий, чем общепринятый, закрепленный за данными словами. Поэтический текст обманывает ожидания, навязываемые избыточностью, соединяет слова неожиданным образом. Сотворенный поэтом мир – это возможный мир. Например, у А. Блока: *Ты прошла голубыми путями, / За тобою клубится туман. / Вечереющий сумрак над нами / Обратился в желанный обман* («Ты прошла голубыми путями», с. 102).

Логически это стихотворение невозможно объяснить, но общий поэтический смысл, возникающий здесь, говорит, что это передача глубокого переживания горечи измены любимой.

В поэтических текстах мир освобождается от причинно-следственных связей, о чем свидетельствуют переходы от бытия к небытию и обратно к реальному существованию.

Возможный мир в поэтическом тексте выступает как особая «мерцающая» действительность: *У нас загадка не простая... / Ты требуй, вопреки молве, / Чтоб яблони собирались в стаи, / А голуби росли в траве* (П. Васильев).

Таким образом, семантическая емкость слова, присущая словам поэтического текста, является одним из основополагающих понятий при анализе стихотворений, точкой семантического напряжения, из которой возникает и через которую познается «вселенная» стихотворения. В

поэтическом тексте играют роль вторичные смыслы, коннотации, подтексты. Они находят отклик в душе читателя (слушателя), который достраивает поэтический образ, создаваемый автором, т. к. «поэтическое произведение не является ни истинным, ни ложным: оно гипотетично» [145, с. 188]. Каждый человек становится немного художником, слыша живое слово поэзии. По замечанию американского поэта Уолта Уитмена, великая поэзия возможна только при наличии великих читателей.

3.2. Реконструкция концепта «Киев» в единстве когнитивного и лингвокультурологического подходов

В эпоху энергетического мировоззрения необходим особый модус получения знаний. Это синтез, в нашем случае – синтез когнитивного и лингвокультурного. Далее мы идем к реконструкции концепта, отталкиваясь не столько от лингвистических теорий, которые были подробно проанализированы в первом разделе, сколько от опыта конкретного анализа поэтических текстов о Киеве (подраздел 3.1).

По мнению Д.С. Лихачева, концепт возникает не из значений слова, а является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [99, с. 5]. Тогда поэтический концепт – это такая мыслительная единица, которая является обобщением различных значений слова как словарных, так и ситуативных, но, главное, индивидуально-личностных, извлеченных из поэтических текстов авторов, и которая отражает и интерпретирует явления действительности и воображаемых миров в контексте личного, социального и культурного опыта автора и читателя.

Как уже отмечалось в подразделе 1.4, концепт «Киев» сложен и многомерен. Для реконструкции данного концепта мы модифицируем модель описания концепта, предложенную Ю.С. Степановым [161, с. 40–43], и выделяем в качестве основных: 1) фактуальные, понятийные признаки; 2) образные признаки; 3) ассоциативное представление объекта; 4) интерпретационную зону.

Проанализируем каждую из названных составляющих.

3.2.1. Фактуальные признаки

Киев – столица: *столица, стольный град, музыкальная столица, столица разума* (Н. Львов «Добрыня», с. 31). Эти словосочетания базируются на значении слова *столица* «главный город страны» (БТС, с. 1272). Следовательно, в поэтических текстах Киев предстаёт как значимый город в государстве по развитию интеллектуальной мысли, искусства, образования и т. д.

К фактуальным признакам поэтического концепта «Киев» относятся черты природной среды, ландшафт города – возвышенности и холмы: *Есть плоские, как скатерть, города. / А киевский рельеф, гористо-крепкий, Замысловатой, своенравной лепки; В преданьях Киева холмы воспеты, / На них взметнулись зданий силуэты, / меж ними складки впадин залегли.* (Л. Даен «Есть плоские, как скатерть, города», с. 243); *Отпечатан, словно на ладони, Киев с Черепановой горы; Есть в Киеве Замковая гора, / Куда нам давно бы собраться пора; Город–витязь в склоне снегопада / снится на платформе Мориа* (Д. Бураго «Бабий яр», с. 56); *Ты стелись, полынок, за яры, за бугры / По тропам Щекавицкой горы* (О. Анстей «Полынок», с. 120).

Образ Киева будет неполным, если не учитывать того, что он зиждется на нескольких ключевых составляющих, прежде всего – это образ Днепра, Киевской Лавры, Андреевской церкви и Софийского собора. Киев неизменно предстает как город на Днепре: он *сверкает под горою / Переливным серебром* (А. Хомяков «Киев», с. 80); *Днепровский распахнувшийся простор, / Недвижный Днепр. Ночной Подол* (Б. Пастернак «Баллада», с. 125). Днепр у поэтов – *поитель дивный незабвенной старины, наша крестная купель, Руси чистая купель, Перуна гроб кровавый*; он несет молву о белом царстве Черному морю (В. Бенедиктов «Киев», с. 178). Днепр *светлый, бесконечный, вещий, седой, седовласый, умудренный, философ стойкий, судьбоносный, чистый, звонкий, тихий, быстротечный, напряженный, утомленный от*

города: Днепра ж светлы стремнины, / Чиста его вода, / Не видано в нем тины / От веку никогда (А. Толстой «Сватовство», с. 331); Я очнулся между снами / напряженного Днепра – / перелетными садами встрепнулись берега (Д. Бураго «Киев», с. 68); Но счастье дышит жарко / На кручах звонкого Днепра, / И жизни, кажется, не жалко / Ни золота, ни серебра (В. Каденко «Крещенское», с. 52); Легкий ветер гонит рябь по тихим водам / Утомленного от города Днепра, / И под ясным синим-синим небосводом / В легком облаке приметы октября (Л. Грабовская «Вербное озеро» С. 142); А ночь дарила полнолуние, / Труханов остров утра ждал, / Седым и умудренным луном / Днепр улетал в излучин даль (В. Остолопов-Майоров «А ночь дарила полнолуние», с. 23); И днепровские полные воды / Судьбоносны, как память веков. / Все несут и несут свои годы / На усталых плечах берегов. (Л. Грабовская «Вашей книги листовая страница», с. 137).

Киев стоит там, где раздолие Днепра, где с ним сливается Десна, его сестра (В. Брюсов «Разоренный Киев», с. 90) и где Пьянят победной радостью каштаны, И в ширь Днепра торопится Десна (Н. Филиппова «Эмигранту», с. 348). Киев неизменно возвышается над Днепром: Под кручею днепровская вода (Л. Даен «Крутогоры», с. 243), который чарует возможностью наград; киевляне приветствуют его дары – сокровища его глубин: Я счастлив получать в подарок / От седовласого Днепра / С его ладоней – (в зорь парадах) / не с базара! – / Чехони саблю – сталь добра!; Ну а Днепр – / философ стойкий: / Пророка былль – чернь – полынья в потоке (В. Остолопов-Майоров «Днепр», с. 22). Киевлянам уютно за пазухой бесконечного Днепра: за пазухой у вещеого Днепра, / за день пути впадающего в небо (И. Иванченко «Речка Совка», с. 464).

В поэтических текстах встречаются и другие названия Днепра: Борисфен (так он назван в древнегреческих источниках), а также Славута, Славутич: Не тошно душе древнерусской, / Сплетаясь в клубок световой, / Сквозь вечность идти без закуски / К Славутичу вниз головой (Н. Бельченко «Киевское», с.31).

Опозитизированы также исчезнувшие реки: *была река Глубочица, была река Почайна* (Г. Аронов «Исчезнувшие реки», с. 261); *я слышу, как звенят твои ключи, Глубочица, под мостовой булыжной* (Ю. Каплан «Скрипят трамваи, звякают ключи», с. 274); *...замурованная глухо / Лыбидь-речь уходит вспять* (Д. Бураго «Киев», с. 68); *Под подольской кручею нанесло песка. / Ткнулась в бок Славутичу робкая река. / Мостики причальные, люд, колокола. / Тихая Почайная гаванью была. / ...Домики сутулятся, вечер, огоньки, / Я живу на улице имени реки / Все забылось, кануло, илом занесло. / Только церкви каменной светится чело. / Но как глянешь пристально, видишь иногда: / Под асфальтом чистая плещется вода* (А. Лемыш «Почайна», с. 103); *Здесь Лыбедь мутная живет, / Мечтая о форели, / Давясь от боли всех сирот, / И звезды обмелели. / Она б уже давно ушла / И стала речкой горней, / Да спятит Лысая гора, / Которая ее пила / И мыла лесу корни* (Н. Бельченко «Здесь Лыбедь мутная живет», с. 16); *Вновь по Лыбеди ходят суда, / а в Святошино водится вервь. / Из Почайны святая вода / выплывает в языческий Днепр* (А. Чернов «Оживают древесные сны», с. 41); *Я Лыбедь, я весть вам несу сквозь шальные века. / В истории вашей мои родовые истоки... / века, словно в Лету, навек погрузились в меня. / И в водах моих лучезарных, широких и вольных, / а ныне живущих в зловонном бетонном гробу / уже отразились все ваши убийства и войны. / Деянья людские тащу на усталом горбу* (О. Самолевская «Вы думали...», с. 464); *Какая, мой дружок, тоска – лежать в асфальтовых тисках, / не удеру – умру! / Ты вспомнишь как-нибудь потом / о мутной речке под мостом / в Протасовом яру* (М. Луценко «Исповедь Лыбеди», с. 470); *Ты, Лыбедь, в колекторе гулком / Холицовым шуришишь рукавом, / Сама себе клад и шкатулка, / Сама себе бегство и дом.* (Н. Бельченко «Киевское», с. 31).

Ю. Каплан сообщает, что улочки на Подоле повторяют русла рек: *Русла улочек подольских повторяют русла рек, / Неумолчно омывая терема и времена* (Ю. Каплан «Ах, Андреевская церковь», с. 275).

К фактуальной информации относим также архитектурный облик города: площади, соборы, мосты, улицы, памятники. Самыми выдающимися памятниками Киева, его знаковыми местами являются Киево-Печерская Лавра, Софийский собор и Софийская площадь, Андреевская церковь, Ильинская церковь и т.д. Именно они позволяют сказать поэту: *Златоверхий Киев-град* (В. Жуковский «К Воейкову», с. 35).

Все они многократно воспеты поэтами, например, в стихотворении Л. Шерешевского «На Софийской площади» (с. 217). И не удивительно, ведь Софийская площадь – центр города. Когда-то Ярослав Мудрый на этом месте разбил печенегов и в честь этого воздвиг Софийский собор. Софийская площадь несколько раз переименовывалась: с 1869 года ее называли Софийской, в 1920-м переименовали в площадь Красных героев Перекопа, в 1944 году – в площадь им. Богдана Хмельницкого. Потом снова вернулись к прежнему, более давнему названию: *Только белеют Софийские стены, / Как седина у тебя на висках. / Реет над ними листва молодая / В первой, не смытой дождями пыли* (Л. Шерешевский «Киев, мой Киев», с. 220).

Поэты часто используют прием олицетворения (Софийский собор представлен как человек, долго проживший на земле): *Софийский собор засыпает – смежаются веки, / Шелом золоченый поглубже надел на чело. / Он, витязь былинный, возник в незапамятном веке, / Он в землю осел, к нашим дням дошагав тяжело* (Н. Новиков «София», с. 246).

В стихотворении М. Богуславской «Киево-Печерская лавра» отмечается, что там *меж каменных ступеней бродит вечность, / Которой не пристала суета*. Поэт рисует Лавру в образе женщины, которой *ясно все: грядущее, бывшее, / И мир живой, и тайны наших снов. / Но не тревожит доброе и злое / Ее суровых каменных основ* (с. 271). Ведь как главный православный монастырь, основанный в 1051 г. монахами Антонием и Феодосием в пещерах, он является святыней и центром утверждения христианства не только в Украине, но и во всем мире: *И в голубой дали небес, / Как звездочка, зажглася, / Глава Печерская с крестом...* (В. Жуковский «Вадим», с. 52).

А. Хомяков пишет о ней: *Мрак пещер твоих безмолвный / Краше царственных палат... / Мы вокруг своей святыни / Все с любовью собраны* («Киев», с. 80).

Любопытно, что со второй половины XX в. и по нынешний день Киевская лавра предстает во многих поэтических текстах о Киеве как неоднозначный символ – в позитивном ключе: *Играет кварц в мощном сером камне, / струит тепло прогревшийся гранит. / Легко дышать под куполами Лавры, / где каждый миг о вечном говорит* (И. Шипицына «Этюд», с. 35), и с негативным оттенком: *Красная лавра на фоне рассвета, Черная лавра на фоне заката* (Л. Киселев «Дарница вскрикнет испуганной птицей», с. 309); *Так в Лавре воздух обезвожен, / Что очертания резки / И купола, как лепестки* (В. Каденко «Сонет», с. 65).

Во многих стихотворениях о Киеве также воспевается Андреевская церковь, построенная 1747–1754 годах в стиле барокко по проекту Б. Растрелли на Андреевской горе. Как отмечает А. Макаров, «архитектор мастерски использовал «выразительный рельеф города», «созданная им Андреевская церковь поражает своей необычайной небесностью. Она как бы парит над Подолом, возносится над нашей грешной землей» [106, с. 52]. Многие поэты отмечают эту «полетность» храма: *Над Киевом сумерки. / Но не померкли воздушные грани Андреевской церкви. / Я снова постигнуть не в состоянии феномен искусства и расстояния. Когда от нас церковь отдалена, / еще совершенней снизу она: / не видно ни цоколя, ни позолоты – одна невесомость / и радость полета* (К. Путилова «Андреевская церковь», с. 207); *Над временем злым и веселым, / Над скопищем лет и невзгод, / Над синим и сонным Подолом – / Андреевской церкви полет* (Р. Заславский «Над временем злым и веселым», с. 193); *Лучистая, вся в бело-голубом, / Над темною весеннею рекою / Почти летит, взнесенная холмом / Высоко в небо голубое* (Н. Моршен «Андреевская церковь», с. 155); *На санках по брусчатке – / С Андреевской горы! / И церковь неземная / Пульсирует, взмывая, / В нездешние миры* (И. Кручик «Вертушки и трещотки», с. 38).

Церковь получила свое имя в честь Андрея Первозванного, одного из двенадцати апостолов, который, по преданию, дошел до холмов, где расположен ныне Киев, и водрузил на вершине одного из них крест. В иерархии покровителей Киева и всей Украины Андрей Первозванный занимает особое место: *Ах, Андреевская церковь, ты – творение Растрелли, / Ты мерцаешь над Подолом, как туманная свеча* (Ю. Каплан «Ах, Андреевская церковь», с. 275). Красота ее и воздушность вызывают ассоциации с музыкальной гармоничностью: *Ажурный храм белеет в полутьме, / Мерцают купола и капители, / Беззвучная симфония Растрелли / Звучит на старокиевском холме* (Я. Хелемский «Полночный час у дома Турбиных», с. 126).

Вокруг церкви располагается терраса, откуда просматривается панорама Подола и Днепра: *Старые липы цветут, / Лемятся липы у дома. / Древний подольский уют.* Вот еще пейзажи, пронизанные любовью поэтов к своему городу: *Давай вернемся в этот город, / Где клены выстроились в ряд; Люблю твой таинственный замок, / Площадку на склонах Днепра, / Полынный тревожащий запах Булгаковского двора. /... Справа – Лысая гора, / Ну, а слева – перемены: / Белый город современный / Выплывает из Днепра* (Е. Ольшанская «Старый Киев» с. 238).

Воспеваются и другие церкви и монастыри Киева, существующие либо в реальности, либо в памяти города: *Церковь Ильинская. / Россыпь над ней отблеска легче.* (К. Путилова «На Подоле», с. 208); *Вся она – кристалл остывших дней. / Что ей, белой, думается, снится? / Не одно столетие перед ней / сам Илья в Днепре поит коней, / ладит громовую колесницу. / К ней, скопившей думы у реки, / выстоявшей грозам вопреки, / времена насилия и разрухи, чинные приходят старики* (Л. Вышеславский «Ильинская на Подоле», с. 133); *Святилище дщери / Донебесной десятины / от злата его, / Воскресшей / Из непла Батыева* (В. Остолопов-Майоров «Десятинная церковь», с. 49); *И вот я иду по Городу. Тихо иду, спокойно. <...> и слышу, как где-то слева рушатся стены церкви святой Богородицы Десятинной*

(А. Зарахович «И пришел воевода татарский...», с. 4); *монастырь по названью Выдубецкий... / В недра времени вьются мосты / Неприкаянно и сладкострунно... / Над рекою стоит монастырь / В память крепкого тела Перуна* (В. Каденко «Весенняя ересь», с. 88).

Не остался без внимания поэтов и памятник архитектуры, существующий лишь в летописном краю, а именно Золотые ворота: *Но внимательно смотрит дозор / с укреплений ворот Золотых, / чтобы пришлый грабитель и вор / отказался от помыслов злых. / Кто живет в летописном краю, / кто читает по карте светил, / кто разбил в рукопашном бою / наваждение вражеских сил?* (А. Чернов «Оживают древесные сны», с. 41).

Есть ряд стихотворений, посвященных мостам Киева – упоминаются мост Патона, Московский, Железнодорожный мосты и др. Например, в стихотворениях Д. Бураго «Московский мост» и И. Иванченко «Мост Патона потом...»: *...Под колесами плавает мост / на подвесках из серебра. / К горизонту встает во весь рост / напряженное тело Днепра...* (с. 24); *Мост Патона потом, о, когда-нибудь летом, / я осилю пешком, я освою без света* (с. 388).

Грохот железнодорожного моста ярко передан сочетаниями звуков в стихотворении «За Чертороем моторка стонет» – *ст, гр, тр, хр*: *За Чертороем моторка стонет / вечер хоронит / под стук колес / Гремят составы / о стык тустепом / на сто трапещий / железный мост* (В. Лозовой, с.28).

Целый ряд стихотворений посвящен памятникам: *Чугунный конь замедлит бег / На старой площади Софии* (Дон Аминадо «Город чужих», с. 109); *На площади памятник к камню прижат, / Застывший в рывке небывалом. / Коня напряженные мышцы дрожат, / И гетман повис над провалом* (Л. Шерешевский «На Софийской площади», с. 217); *И ликует Ильинка. / И Родина Мать, и София! / И лукавый Хмельницкий, / И пеший Подол, и Евбаз!* (Д. Бураго «В Рождество», с. 59); *А Хмельницкий на коне горячем, / Властно простирая булаву, / Чуть касаясь пьедестала, скачет / Сквозь мерцающую синеву* (Я. Хелемский «Ни дождя, ни ветра, ни тумана», с. 109).

с. 121); *Днепр разливам сиреневым рад, / Каждый жаворонок – небожитель! / Здесь навек, позабыв Цареград, / Замирает Владимир-Креститель* (В. Каденко «Весенняя ересь», с. 88).

Так называемая «малая архитектура» также представлена в поэзии: *Двухаршинные дома и заборы... / Парники, поля, лошадки – / Синий Днепр* (Саша Черный «Пуща-Водица», с.107).

Значительное количество стихотворений содержат упоминания киевских переулков: *Переулок Десятинный / Весь опутан паутиной...* (Р. Заславский «Переулок Десятинный», с. 191); улиц и спусков: *О Улица! / Я тебя знаю. / Твою столичную столкость. / Я люблю тебя!* (В. Остолопов-Майоров «Ночной Крещатик», с. 50); *И какой-то мне голос все шепчет: спешу / Прогуляться по паркам у дивных фонтанов / И Андреевским спуском пройти на Подол, / Ощутить старину неразрушенных храмов...* (Prosto Zagadka «Мой Киев», эл. ресурс); *Андреевский бежит от Десятинной, / Построился Крещатик на парад* (Н. Филиппова «Эмигранту, с. 348») (Андреевский спуск – улица, ведущая кратчайшим путем из Верхнего города в Нижний); *Но в Киев, / но в Киев, / на Малую Васильковскую, угол Рогнединской, в Киев / так тянуло меня...* (Ю. Левитанский «Но так мне хотелось», с. 198); *Там улица есть / Соляная, / А рядом – / Дехтярная есть. / И странно звучат, зазывая / Испить старины хоть глоток Олеговская, / Хоревая, / Татарская, / Боричев Ток* (Е. Ольшанская «Старый Киев», с. 237); *По Крутому Спуску / (это название улицы) / можно, нигде не задерживаясь, / скатиться прямо на лежащий внизу Хрещатик / (это тоже название улицы)* (Г. Аронов «Печерск. Крутой спуск», с. 262); районов: *От Совок до Святошино все снегом запорошено. / Скрипят по снегу валенки от Нивок и до Сталинки.* (Г. Аронов «От Совок до Святошино», с. 259); *И еще Оболонь не охрипла, и Подол не молчит, уходя.* (Д. Бураго «Колокол», с. 14); *Оболонь, что Орион, / Звездный Киева Район* (С. Гордеев «Оболонь», с. 99); *На зеленой Куреневке / Летний день в расцвете сил. / Мальчик одинокий, ловкий / Голубятню сколотил* (Я. Городской «Голуби», с. 88).

Для создания образа города поэты широко используют и другие внутригородские объекты: и университет – *Красный университет. / Красный воздух. Красный свет! / Черная расселина / Через весь фасад* (О. Анстей «Последний день», с. 90); *Науки нашей как орган, / стоят огромные колонны. / Краснеет университет, / Где изучали мы законы* (В. Ант «Киевский университет», с. 109), и дом Городецкого – *Безвкусный фантазер, манерный мим / Тебя придумал в сне самолюбивом. / Над площадью заносчивым массивом / Ты вырос, удивлен собой самим* (О. Анстей «Дом Городецкого в Киеве», с. 114), и здание Верховной Рады – *Вот Совета Верховного купол / И с далекой начальной поры / Здесь слова по-рабочему скупы, / А дела и добры, и щедры* (П. Ойфа «Киев», с. 107), и телевизионную вышку: *А телевышка, / Простреливая пустоту, / Стоично пространство постигает* (В. Остолопов-Майоров «Ночной Крещатик», с. 59) и мн. др.

Если в ранней поэзии (до начала XX в.) главный феномен материальной культуры, который одновременно становится главным духовным символом Киева – это колокола: *И, – как испуганные, – стонут – / В глухой дали колокола* (А. Тиняков «Еще пылают вышки башен», с. 92); то в поэзии XX в. – это киевский трамвай, троллейбус. Об этом феномене материальной культуры следует сказать особо, проследив развитие образа от поэзии В. Хлебникова, где он бежал по узким площадям, / По крутым мощеным спускам (В. Хлебников «Киевские впечатления», с. 100) и Саши Черного, у которого трамвай летит в Пущу-Водицу: *Наш трамвай летел, как кот, / Напоенной жидкой лавой. / Голова рвалась вперед, / Грудь назад, а ноги вправо* (Саша Черный «Пуща-Водица, с. 107») до Д. Бураго, у которого «трамвайные альты и скрипки» пытаются вторить Лаврскому колоколу, а «месяц сходит с подножки трамвая, / завернувшись в старушечий плед» (Д. Бураго «Далекое Средневековье»).

Трамвай, а также троллейбус увозит киевлян в пригороды, по знакомым и любимым улочкам в зыбкую даль (Д. Бураго «Московский мост», с. 24). У К. Путиловой есть стихотворение «Вечерний трамвай через мост Патона»

(с. 209): *Электрическим током дан вагону заряд. / Сквозь мелькание окон чьи-то люстры горят.* Это трамвай, который мчит сквозь *перегоны, и дорогу на мост*, восстанавливая *всевселенскую связь* человека с миром. Трамвай здесь не только символ нового, пришедшего на смену патриархальному в городе, но и символ бездуховного, механического начала, цивилизации, идущей на смену культуре.

Колокола и их звон как еще один артефакт, являющийся, по мнению поэтов, символом Киева, играют важную роль в жизни города прошлого и настоящего. *В голосе грозном софийского звона / Мне слышится голос тревоги твоей* (А. Ахматова «И в Киевском храме...», с. 98). Здесь колокол явно предвещает беду, но он способен изгонять нечистую силу, развеивать козни и злые чары, отводить грозу, исцелять от болезней. Таким образом, ядро этого образа рождает множественные ассоциации в сознании читателя и тем самым расширяет границы главного образа – Киева.

С. Булгаков в своей работе «Философия имени» писал, что есть слова, имеющие тройной смысл – буквальный, переносный и духовный. Именно к таким словам относится *колокол*. Согласно толковым словарям русского языка, буквальное значение слова *колокол* – «толстостенный полый усеченный конус (или колпак) из медного сплава с подвешенным внутри металлическим стержнем (языком) для звона (197, с. 413). Переносное же – всякий предмет подобной формы – платье-колокол, цветок колокольчик и т.д. А духовный смысл может быть почерпнут из рассуждений, касающихся истории, функций, символики колокола, его значимости для жителей города: *И как пустыня все молчит / Лишь в Лавре колокол звучит* (поручик Вдовиченко «Киев», с. 160).

Все три значения актуализируются в стихотворении Д. Бураго «Колокол»: *Начинается город с верлибра, начинается Киев с дождя / И еще Оболонь не охрипла, и Подол не молчит уходя. / Начинается город со звука, начинается осень с нуля.* Звук, которым пронизан Город, – это колокольный звон, который становится гласом Божиим, «*молитвой в бронзе*».

Колокольный звон для славян – это жизнь, с ним проходят все важные события, он наводит на размышления и воспоминания. Поэтому колокольный звон особо значим для образа Киева. Он воздействует не только на человека, но и на природу: *Лаврский колокол голову кружит разгулявшемуся Днепру* (Д. Бураго «Колокол», с. 14). Следовательно, для многих поэтов стержнем образа Киева является колокольный звон, сопровождающий его жителей: *В мае склоны Днепра здесь укрыты сиренью, / Летится звон колокольный в душистой тиши, / А Крещатик пылает дыханьем весенним, / Долгожданным, дурманящим всех пробуждением* (Prosto Zagadka «Мой Киев», эл. ресурс).

Таким образом, из собранного нами материала – более 1600 стихотворений о Киеве – большая часть (65,4%) посвящена отражению разных фактов материальной культуры, в которой можно выделить факты материальной культуры: проспекты, улицы, площади, парки, мосты, храмы, трамваи, колокола т. д.

3.2.2. Ассоциативное представление объекта

Под ассоциациями мы понимаем связи, возникающие в сознании и нашедшие подтверждение в языке и текстах. Исследования, основанные на данных «Русского ассоциативного словаря» создали почву для нового научного направления – ассоциативной лингвистики, и к получению «новых инструментов исследования культуры» [187]. Ассоциации открывают доступ к языковой картине мира, они позволяют создать и описать ассоциативные поля, которые развертываются в поэтических текстах и являются внешней формой существования образов сознания, то есть овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом Киев. Ассоциативное слово, возникающее в поэтическом тексте, является знаком, сигналом оживления фоновых знаний. Так как ассоциации не относятся к лексическому значению слова, В.И. Шаховский предлагает рассматривать их как прототипически-семантические для лексического значения слова. На связь ассоциативных признаков с семантикой слова указывают и зарубежные авторы.

Благодаря ассоциациям все превращается во все в поэтическом сознании, как в детстве, и Киев поворачивается к нам своей волшебной стороной: *Когда эта кладка ложилась, / Как кошка на теплый бочок. / Не шилое пространство на вырост – / Сверял его мерку сверчок.* (Н. Бельченко «Я улице этой ногами», с. 22); *Снежный кот на снежной крыше ловит снежную Жар-птицу. / Птицу-жар, полет жар-снега ловит лапой кот на небе, / на окраине, на скате, ловит кот на перекате / под обломками стрекоз коготками свет из звезд* (Д. Бураго «Снежный кот», с. 107); *Во глубокие берега / Да невысокие речи / Ходит баба Яга / На костры человечьи* (А. Зарахович «Во глубокие берега», с. 10).

Киев – волшебный и колдовской город: *Потому что всюду теперь за хвостом гоняется Зверь, завывает подземный Змий, прозревает ослепший Вий* (А. Чернов «Если Верхний и Нижний Вал», с. 342); *Пыль столбом / Коромыслом дым, / В улицах теснятся, / В полночь не спят, / На горах огни / На полях шатры; / Разные народы / Кашу разную варят* (Н. Львов «Добрыня», с. 31); *Вот уж месяц из-за лесу кажет рога, / И туманом подернулись балки, / Вот и в ступе подехала баба-яга, / И в Днепре заплескались русалки, / В Заднепровье послышался лешего вой, / По конюшням дозором пошел домовой, / По трубе ведьма пологом машет* (А. Толстой «Поток-богатырь», с. 306); *За яры, за бугры, до рассветной поры, / Когда ветер траву качнет – / И Владимир с крестом иль Яга с пестом / Потайной засов отомкнет* (О. Анстей «Полынок», с. 120); *Ты говоришь и ходит чудо / По лезвию старинных крыш* (А. Зарахович «Мой город, мой печальный друг», с. 16).

Гоголевский образ Вия вызывает различные культурные коннотации, основанные на ассоциациях: *по улицам Киева-Вия* (О. Мандельштам «Как по улицам Киева-Вия», с. 135), Киев – *логово змиево*, поэтому автор советует жене: *Снеси-ка истому ты / В днепровские омуты / На грешную Лысую гору* (Н. Гумилев «Из логова змиева», с. 93), ведь самые неожиданные видения-отражения могут поджидать здесь каждого: *На горе Батыевой, в сто десятом*

Киеве, / В сто десятом Киеве, в тридесятом царстве / Со времен Батыевых, змиевых и виевых / Промышляют по ночам колдовством – коварством. / Лебедой отужинав, отражаясь в Лыбеди, / Пляшут, груди выпятив, юные колдуньи / Кавалеров потчуют, бочки зелья выкатив, / И тела их светятся лунною латуною (Ю. Каплан «Киев 110», с. 90).

Страшен языческий бог, которому поклоняются киевляне после революции, его образ создан целым сонмом ассоциаций: экзема, струпья фресок, вот и все, что осталось, по мнению поэта, от былой красоты и величия города: *Но, девчонка, смотри: твой языческий бог / Из пещер на тебя подымается, страшен и кряжист. / Он скрипит сапогами, ореховой палкой грозит, / Шелушится по стенам экземою, струпьями фресок....* (В. Катаев «Киев», с. 131).

Наиболее удачные стихи о Киеве наполнены ассоциациями, которые и создают волшебную ткань стиха, потому что именно в ассоциациях можно столкнуть «далекие идеи» (М.В. Ломоносов): *В древнем городе моем / На ладонях держат горы / Златоглавые соборы, / Синий-синий окоем* (Е. Ольшанская «Старый Киев», с. 237).

Киев прекрасен в любое время года: *Златокованны твои маковки, / Звезды чистые, поднебесные / Со крутой горы со песчаные, / В глубине Днепра помаваючи / Красоте своей удивляются* (Н. Львов «Добрыня», с. 31), но особенно он хорош весной, когда слышна соловьиная трель. Впечатляет и зимний Киев, при описании которого возникают самые неожиданные ассоциации: *Дождь – нарядился снегом, / Зной – притворился холодом.*

В стихах последнего десятилетия Киев предстает любимым, загадочным, древним, городом белых каштанов: *Остров белых каштанов, загадочный Киев, / Сердце Древней Руси и легенд колыбель, / Город Лыбеди, Щека, Хорива и Кия, / Город, где смотрит в небо святая София / И где летом слышна соловьиная трель.*

Пронизано ассоциациями стихотворение Б. Чичибабина «Киев»: *Без киевского братства деревьев и церквей вся жизнь была б гораздо безродней и*

*мертвей. / В лицо моей царице, когда настал черед, подул Русью древней от
Золотых ворот. / Здесь дух высок и весок, и пусть молчат слова: от
врубелевских фресок светлеет голова. / Идем на зелен берег над бездной
ветряной дышать в его пещерах святою стариной. / И юн и древен Киев —
воитель и монах, смолвиший всех батыев на звонких жерновах. / Таится его
норов в беспмятстве годов (с. 165).*

Здесь — ассоциативные метафоры киевское братство деревьев и церквей, от врубелевских фресок светлеет голова; сказочные мотивы: *В лицо моей царице подул Русью древней от Золотых ворот*; христианские мотивы: *дышать в его пещерах святою стариной*; Киев — воитель и монах; исторический экскурс: *смолвиший всех батыев на звонких жерновах* (Б. Чичибабин «Киев», с. 165).

Таинственность, загадочность города подчеркивается многими поэтами: *Да и нужно ли? — спросит таинственный Киев, / Ведь вокруг средь плетения
радуг горят / Свечи старых каштанов, а древней Софии / Все глядят в небеса
купола золотые / И, наверно, какую-то тайну хранят* (Т. Гриб, эл. ресурс).

Тайна, которую чувствуют поэты, вероятно, навеяна древностью города, древностью самой земли, которая хранит память времени: *Этот город, как
загадка, этот город, как разгадка, он опять меня настиг, город-век и город-
миг* (Р. Заславский «Этот город...», с. 194).

Как свидетельствует собранный нами материал, около 15% стихотворений о Киеве построено на ассоциативной основе. В представленной в ассоциациях поэтов лексике отражаются разные грани жизни: природа, быт, архитектура (*кот на крыше, каштаны, златоглавы соборы*), мифологические демонологические представления (*Вий, Змей, Зверь*), яркие образы-ассоциации (*смотрит купол золотой, Словно чуточку робея*). В процессе знакомства с поэзией трансформируются представления о смысловом наполнении лексической единицы *Киев*, при этом обусловленные культурой смыслы отражаются в повторяющихся ассоциациях, которые можно условно назвать ядерными, они отражают константы общественного

сознания. Ассоциации в поэзии позволяют видеть связь с далекими явлениями, в мире никак не связанными, но глубоко сидящими в ментальности народа: *время льется, как вода* (Е. Ольшанская «Старый Киев», с. 237), *осень прячет звуки в еловые шишки* (Д. Бураго «Осень», с. 15). Следовательно, ассоциативная поэзия не просто называет то, что есть в культуре, но и формирует культурные представления народа.

3.2.3. Образные признаки концепта «Киев»

Поэтический текст – это образное восприятие мира. Как справедливо утверждал Г.В. Степанов, «художественное творчество есть прежде всего образотворчество, и первоэлементом его является слово-образ» [159, с. 135]. Образ – специфическая трансформация знаковой материи в смысл.

Мы основываемся на концепции А.А. Потебни, который в работе «Мысль и язык» сформулировал ряд важных для нашего исследования теоретических предположений. Так, он пишет об органическом единстве материи и формы слова, в то же время он настаивает на принципиальном разграничении внешней (звуковой) и внутренней формы. Цель поэтики, по А.А. Потебне, – не разъяснение содержания, но анализ образа, при всей бесконечной изменчивости того содержания, которое он вызывает. В целом труды А.А. Потебни синтетичны, и в них есть открытия, принадлежащие филологии в целом. Например, идея о языковой деятельности человека как о творческом познании мира и об изначальной «художественности» этого процесса [139].

Любое теоретическое мышление, как показали исследования науки в XX в., имеет в своем основании некую образную подкладку – совокупность того, что можно назвать интеллектуальной образностью. Как доказывают психологи, любое подлинное понимание начинается не на понятийном уровне, а на уровне интуитивного схватывания образа понимаемого. И только через личностные образные структуры происходит восхождение к сущности понятия. Хотя образ и не обладает точностью и четкостью понятийных

структур, зато он обладает огромным потенциалом эвристичности. Более других эвристичен образ в поэтических текстах.

Поскольку исследуемый нами концепт реконструируется по материалам поэтических текстов, отличающихся особой образностью, мы считаем образную составляющую в нем важнейшей. Образность – это реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании «картинки». Существуют также мыслеобразы, т.е. обобщенные и абстрагированные представления, которые продолжают оставаться картинкой. Образ – это важнейшая языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой. Характеризуя образность как категорию лингвистическую, С.М. Мезенин отмечает, что любая форма образности, как речевой, так и языковой, содержит в своей логической структуре три компонента: 1) референт, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) агент, т.е. предмет в отраженном виде; 3) основание, т.е. общие свойства предмета и его отражения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия. [117, с. 54]

Традиционно считается, что научные понятия заключают в себе общее, а образы – индивидуальное. Однако поэзия, в отличие от науки, зачастую не просто тоньше чувствует мир, но и объясняет его через свое творчество. Примером может служить следующее стихотворение о Киеве: *Если Город – янтарь и хрусталь! / На холмах твоих – звонница... / И звезд цельным светом храним, / опираясь на мост озаренной десницы, / привстанешь кряхтя, / отразятся ресницы и брови в днепровских волнах / желто-красным трамваем улыбка мелькнет на губах...* (Д. Бураго «В Рождество», с. 59).

Перед нами образ сияющего в ночь перед Рождеством Киева, который, будучи древним (*привстает, кряхтя*), отражается своим ликом в Днепре и улыбается навстречу празднику (*воссияет Царь-град, верный Киев вершинам Синая*). Здесь видим поэтическое объяснение того, как принимает мир весть рождения Христа.

Попытки рассматривать поэзию как разновидность познания предпринимал еще Г. Шпет в статье «Искусство как вид знания», как вид философии (статьи А. Белого о А. Блоке). Поэзия и лингвистика могут моделировать языковые явления, в некотором смысле поэзия даже выигрывает по сравнению с лингвистикой, т.к. предполагает более широкие возможности для эксперимента и просто для размышления.

Образ Киева, нарисованный поэтами разных эпох, богат и разнообразен. Из многих стихов проступают страницы истории Киева, как из древней книги: *Оживают древесные сны, / открывается взору, как встарь, / златокаменный город-букварь / во главе рукописной страны.* (А. Чернов «Оживают древесные сны», с. 41).

В поэзии до середины XX века Киев – святой город: *О Киев-град, где с верою святою / Зажглася жизнь в краю у нас родном, / Где светлый крест с Печерскою главою / Горит звездой на небе голубом...* (И. Козлов «Киев», с. 69). Киев предстает в поэзии этого периода как духовный, православный центр, «царство премудрости Божьей, прообраз рая на земле» [99, с. 142], где *«милую все дышит стариною»* (И. Козлов «Киев», с. 69).

Город упоминается как «Иерусалим земли русской» или «новый Иерусалим», имеющий статус локального сакрального центра (ср. первые киевские антологии поэзии, которые включали в себя разделы о Киеве как святыне). В. Даренский в статье «Индустриальный «псевдоландшафт» как экзистенциальный феномен» напоминает: «Предельным историческим символом Города как сакрального центра земного мира стал Иерусалим; соответствующим ему противоположным символом Города как предельной концентрации мирового зла и порока – Вавилон. Третий символ того же ряда – Рим – есть символ центра сакральной экспансии, несущего «свет миру» (последний может пониматься по-разному, в том числе и крайне извращенным образом), но в силу неизбежной секуляризации государственной машины постоянно рискующего выродиться в «новый Вавилон» [61, с. 181].

Самым активным образом в поэзии второй половины XIX века становится «воздушно-святозарные» храмы города, лаврские храмы, колокола Лавры, Андреевская церковь и даже священный прах от церкви Десятинной и камни от Золотых ворот (В. Брюсов «Разоренный Киев», с. 90). Стоящая над обрывом Андреевская гора становится символом «небесного» Киева.

Размышления поэтов о феномене города Киева, как и нарисованный в них образ города, меняются с годами. Так, у Ф. И. Тютчева мы видим город волшебной красоты: *Там, где на высоте обрыва / Воздушно-светозарный храм / Уходит ввысь — очам на диво, / Как бы парящий к небесам; / Где Первозванного Андрея / Еще поднесь сияет крест, / На небе киевском белея, / Святой блюститель этих мест* («Андрею Николаевичу Муравьеву», с. 84).

Киев – жилище чародеев (В. Жуковский «К Воейкову», с. 35), святое лоно, жизнь духа (А. Хомяков «Киев», с. 78); *И мчусь с надеждой исцеленья / в тепло и свет твоих лучей* (С. Надсон «Прощай, туманная столица», с. 16).

Но уже в конце XIX – начале XX в. – это *разграбленный, пустынный* (В. Брюсов «Разоренный Киев», с. 90) и мертвый город, у Владимира в руках черный крест: *Древний город словно вымер, / Странен мой приезд. / Над рекой своей Владимир / Поднял черный крест* (А. Ахматова, «Киев», с. 97). Страна на грани Первой мировой войны, и поэт тонко чувствует это, его тревожит гнетущая обстановка, но при этом он видит и красоту, и необычность города: *Липы шумные и вязы / По садам темны. / Звезд иглистые алмазы / к богу взнесены* (Там же). Вся надежда на спасение города – это Бог.

В 20-е годы XX в. – это оставленный Богом город, превратившийся из Иерусалима в Вавилон. Все чаще возникает образ Киева как Вия, языческого, низменного, противопоставленного духовному городу. Гоголевский образ Вия становится символом мертвого города. Поэзия этого периода, в основном, – картина гибели великого Города: *Все кончилось. Настала ночь. По Киеву / Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень* (Б. Пастернак «Лейтенант Шмидт», с. 124). Это не только картина приближающейся грозы, но и

символическая разрушающая все буря. Киев у Б. Пастернака – в *разрывах туч, обрывках арий* (Б. Пастернак «Баллада», с. 125).

Тревожность страшного времени поэты передают через природные явления: *Я тоже помню эти дни, / И улицы, и переулки, / И их зловещие огни, / И топот, медленный и гулкий... / Заря, окрашенная кровью. / Заиндевелившие сады / Сбегали, жались к Приднепровью* (Дон Аминадо «Я тоже помню эти дни», с. 111).

В. Маяковский образ святого Владимира видит по-своему: *Плеть креста / сжимает / каменный святой. Плеть креста – высшая степень богохульства, которое поощрялось властями того времени. Земной Владимир крестит нас железом и огнем декретов* – греховное сопоставление святого Владимира и Владимира Ленина. *Наша сила – правда, ваша – лавры звоны* – (В. Маяковский «Киев», с. 117) – эти строки свидетельствуют о том, как далеки современники поэта от прежнего понимания того, в чем правда-истина.

Если с принятием христианства Днепр *едва струится, в его волнах не плещутся русалки, их крест святой из ясно-синих вод / изгнал навек подводный хоровод* (А. Одоевский, «Василько», с. 73), то позднее сказочный, фантастический Город становится демоническим, и вся демонология разворачивается в «нижнем» городе – на Подоле, Куреневке: *Подземным кладбищем священным / К реке спустился этот град. / Оно в холмах, волнуясь сеном, / На все живое веет хлад. / Вверху пирует жизнь воинственно / И шум стоит наречий общих, / Внизу так скорбно и таинственно / В земле давно, давно усопших* (В. Хлебников «Киевские впечатления», с. 100).

В суровое время репрессий 1937, Киев предстает О. Мандельштаму местом зловещим: *Как по улицам Киева-Вия / Ищет мужа не знаю чья жинка, / И на щеки ее восковые / Ни одна не скатилась слезинка*. В волшебном городе запустение и голод, все меняется в привычном ритме его жизни: *Не гадают цыганочки кралям, / Не играют в Купеческом скрипки, / На Крещатике*

лошади пали, / Пахнут смертью господские Липки. (О. Мандельштам «Как по улицам Киева-Вия», с. 135).

Далее поэты рисуют еще более серьезные испытания: наступает Вторая мировая война, и Киев один из тех городов, который принимает удар на себя: *Днепр от крови рвется к берегам, / И опять Ворота Золотые / В час недобрый отданы врагам* (Л. Титова «В плену», с. 148). В городе разыгрывается кровавая драма, город снова становится мертвым: *Горел Крещатик, бушевало пламя, / Взрывались, тлели, рушились дома, / Мертвый город: за тысячи верст – никого, / Только мы в ледяных осажденных пещерах* (Л. Титова «В плену», с. 148).

У тех, кто остался в живых, «лютое» чувство тоски и безысходности: *Привели и застрелили у Днепра. / Брат был далеко. Не слышала сестра... / А в Сибири, где уж выпал первый снег, / На заре проснулся бледный человек / И сказал: «Железо у меня в груди. / Киев, Киев, если можешь, погляди!...» / «Киев, Киев! – повторяли провода. – / Вызывает горе, говорит беда». / «Киев, Киев!» – надрывались журавли. / И на запад эшелоны молча шли. / И от лютой человеческой тоски / Задыхались крепкие сибиряки...* (И. Эренбург «Привели и застрелили у Днепра», с. 83).

Наступает послевоенное время, город оживает: *Прекрасный Киев-город, / Что из руин / Поднялся над Днепром...* (В. Карпеко «Куинджи – гений», с. 196); *Этот город вдыхаю, / Как на больничной (тюремной) прогулке / Вдыхают благоуханье / Здоровых (свободных) ветров гулких; / Город булыжной спирали / От церкви к монастырю, / Где выводит из умиранья, / Подобно нашатырю...* (В. Остолопов-Майоров «Андреевский спуск», с. 6).

Но есть еще испытания, которые суждено испытать Киеву в XX веке и которые отметились рубцами-датами: *Не знал такого Киев никогда, / Отмеченный в веках рубцами-датами. / Негаданная вырвалась беда, / таинственно скопившаяся в атоме...* (Л. Вышеславский «Чернобыльские рентгены», с. 136).

Киев XXI века предстает в поэтических произведениях как довольно безликий многоэтажный город из стекла и бетона: *А утренний город встает как единый фасад, стекло и бетон окликаются лепкой старинной* (Л. Давиденко «Город», с. 286); *Выси домов – каторга для глаз...* (Д. Бураго «Он еще жив...», с. 85); *а там, где город встал в многооконный рост / рассвет раздул усы поливочной машины...* (Л. Вышеславский «На этих берегах», с. 134); *Фантазусы домов многоэтажных – нечистоплотных, плотных и пустых* (М. Доля «Тени дневные», с. 60); *А кто посмелей – размножаются, клонируя шустрое зло, протезами небоскребными подменяя* (Т. Аинова «Этому городу угрожает insult», с. 492).

Современный Киев с *педальной субкультурой* сер и непригляден: *Тихо топает лошадка Росинант / по серой тропинке / между баков с отходами, / «мерседесами», «ладами», / огрызками шлангов резиновых / и медных труб* (И. Лапинский «Тихо топает лошадка Росинант», с. 42); *Владельцы «фордов» с их педальной субкультурой / забили площадь – ни пролезь, ни развернись* (В. Рассыпаев «Такое небо над Шулявкой – оферзеть!», с. 407); *Это – кроны и кровли, и стебли антенн* (С. Тихий «Город. Взгляд с крыши», с. 355).

В создании коллективного портрета современного города негативный фон преобладает, достигая предельных трагических оттенков: *Сперва наш город обескняжел, / Подолгу тлел и обескнижел, / Затем великой дури нажил, / Но вместе с этой дурью выжил* (С. Бондаренко «Текст отмененной экскурсии», с. 57); *Язык, до Киева веди! / Глаза мои, ведите дальше: / В столице слишком много фальши...* (М. Красиков «Язык, до Киева веди!», с. 29); *Былое расколото вдребезги / Из прошлого вынут костяк. / И если придешь на Андреевский – Там дышится нынче не так. / Все реже друзья отзываются, / Плотней нависание дней, / Как будто курган насыпается / Над памятью горькой моей* (А. Лемыш «Андреевский», с. 100); *Сомнамбула-город / время пытается дикое / нами* (М. Доля «Правая часть», с. 9); *Днем город навис над ярами – / А ночью по горло они, / И ужас, поужинав нами, / Уже доедает огни* (Н. Бельченко «Осенним вечером на Лукьяновке», с. 83); *Я знал*

три слова... / они все тише – лето, Киев, жизнь (В. Малахов «Три слова», с. 35); *Этому городу угрожает insult. / Или инфаркт – все равно ему только снится, / что он сердце и мозг Державы. Но сосуды его несут металлических тромбов растущие вереницы* (Т. Аинова «Этому городу угрожает insult», с. 492). В воображении поэтов Киев разрастается до размеров целой страны: *Ползет страна по кромке мира, / Над самой пропастью ползет. / Не ждет тропа, не греет лира, / И справедливость не везет / Кто прав, а кто во всем виновен? / Кому поклон, взыскать с кого? / Ползет страна по краю, вровень / С обрывом мира своего. / В огне пожаров тают выси, / И в окна льется чадный свет... / И от меня сейчас зависит, / Она воспрянет или нет.* (В. Доробот «Киев-2014», с. 90). Такая совокупность пессимистических предчувствий и прогнозов может быть связана со стремительным процессом развития цивилизации. А как указывает В. Даренский, «современная индустриальная и «постиндустриальная цивилизация» в сакральном контексте может быть в целом осмыслена как «новая Вавилонская башня». Метафизика Вавилона зашифрована в истории строительства Башни как предметного воплощения гордыни и богоборчества» [61, с. 81].

Позитивная поэтическая картина (часто в антиномии), дающая возможность взгляда в будущее, и в которой явлена городу надежда, предстает перед нами тогда, когда речь идет о «замедлениях», рождающих чудо в стремительности развития цивилизации, о великой древности Киева, о возврате к истокам и о природе: *Побегу я, наверное, вспять / по следам чародейств без действия – / в убывающий шум, в нарастающий смех, / вслед за Ричардом Львиное Сердце* (И. Лапинский «Тихо топает лошадка Росинант», с. 42); *В столетьях сумрачных сплетений / и химерических аркад / рождается из замедлений, / чудес, взаимопревращений / мой город, каменный мой сад. / Здесь камень тьмы и камень света, / и камень сна, и камень сил / неодолимого завета / творенья в ветреное лето / всеумудрый зодчий укрепил. / И над пространством дней грядущих, / над знойным оком площадей / в раствор*

небес, в полет зовущий / направил он людские души / и души верных голубей, – / чтоб от Подола до Печерска / сплотив святое ремесло, / верша труды ума и сердца, / в родную высь стремилось дерзко / вольнолюбивое крыло...(В. Малахов «Город», с. 7); *О, как неожиданно грянула пора / Расстаться с нежным росчерком строений / И виноградным кружевом двора. / Дрожат сердца, не ставшие смиренней. / И мы летим вдоль берегов Днепра / Над влажными уступами сирени* (В. Каденко «Сонет», с.71).

Таким образом, каждый поэт в плену у времени, в которое ему приходится творить и отражать его. Соответственно, образные признаки концепта «Киев» видоизменяются с течением времени.

3.2.4. Интерпретационная зона концепта «Киев»

Интерпретация понимается нами как одна из разновидностей познавательных операций, в процессе которой происходит раскрытие, толкование поэзии с опорой на знания о человеческом языке и на знания глобальных конвенций, на знания контекста и ситуации, знания фактов и событий текста в свете их ассоциативно-образного видения. Взаимодействие различных интерпретаций дает понимание. Точнее, понимание – высший результат интерпретаций. Не случайно С. Аверинцев считает, что «филология есть служба понимания». В.З. Демьянков отмечает, что понимание – «одновременно и интерпретативная деятельность, и идеал, к которому мы стремимся» [64, с. 318]. Более того, вся культура может быть рассмотрена как унифицированный набор субъективных интерпретаций, по которым имеется консенсус людей – носителей культуры [63, с. 254]. «Подходя к интерпретации не только как к инструменту, но и как к объекту филологии, литературоведение, философия языка и лингвистика обретают общий язык, общие интересы и общий материал исследования. Интерпретация в филологии затрагивает две стороны: понять самому и объяснить и/или обосновать это понимание другим» [65].

Размышляя о возможности адекватного намерениям автора понимания художественного произведения, С.Б. Бураго считает, что в таком случае необходимо «держать в поле зрения как общее (путем сравнения), так и своеобразие (путем догадки)», т.е. путь к пониманию «должен быть как компаративным, так и дивинационным». С одной стороны, невозможно «абсолютно единое для всех понимание произведения», ведь в каждом отдельном случае знакомство с ним «контекстуально», зависит от конкретной жизненной ситуации, конкретного видения мира и конкретной способности восприятия. С другой стороны, «неверно говорить и об абсолютно разном его понимании каждым отдельным человеком», ведь «каждый носит в себе минимум каждого» [27, с. 45]. Бытует также мнение, «что читатель может понять произведение лучше, чем его автор, из этого следует только то, что процесс восприятия отличается от процесса создания большей степенью аналитичности» [Там же, с. 43].

В процессе интерпретации текста характеризуются различные виды знаний (лингвистические и экстралингвистические), выявляются и описываются разнообразные нюансы смыслов, актуализирующиеся в рамках текста. При интерпретации поэтического текста акцентируется внимание на выявлении целостного смысла текста, когда интерпретация понимается как «мысленное общение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт» [167, с. 158].

Интерпретация поэзии – это внесение в «свободную игру красок и линий своего грубого, изнурительного понимания» [15, с. 22]. Есть и другие подходы к интерпретации. Поэтическое слово многослойно, и поэт пытается «расслоить» его, выпячивая то одну, то другую его сторону. Как он это делает? Окружает это слово разными контекстами, например, Киев в разных контекстах – то город-Вий, то город-чудо, город-загадка и т.д.

Интерпретация поэтического текста – это способ вхождения в мир текста с целью проникновения в намерения автора, его замыслы, в построенный им воображаемый мир.

Мы полагаем, что не следует путать интерпретацию, представленную нами, с когнитивной интерпретацией, в которой выявляются когнитивные признаки, «формирующие исследуемый концепт как ментальную единицу» [138, с. 262]. В этом случае когнитивная интерпретация будет представлять собой обобщение семантических признаков, выделенных на предыдущем этапе исследования, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами.

Под интерпретационной зоной мы понимаем интерпретацию концепта «Киев» в поэтических текстах отдельных авторов. Воспользуемся примерами из творчества только двух авторов, К. Сигова и Д. Бураго, у каждого из которых мы видим Киев, высвечивающийся различными гранями, и представим конкретные интерпретации трех стихотворений.

В стихотворении К. Сигова «Этот город – крест и кров...» *город* представляется нам как символ цивилизации, но истоки цивилизации греховны, так как первый город был создан Каином: *Этот город – крест и кров. / Лик его не канет в нетях – / Мать русских городов / На крестьянском континенте. / Жестов меньше, меньше слов. / Тесноват для реверанса / Воздух тот, где развивался / Лев Исакович Шестов. / Тут кормили Турбины / Кровью берег голубиный, / Днепрогэсами в турбине / Взять молебн глубины. / Электрический орган / Здесь лютует на эстраде... / Этот город Богом дан / Зря ль, скажи мне, Бога ради!* (с. 371).

Город, о котором идет речь в стихотворении, напрямую не назван, но автор дает достаточно намеков, чтобы мало-мальски просвещенный читатель мог его угадать. Во-первых, *матью русских городов* традиционно зовется Киев. Во-вторых, упомянутый Л.И. Шестов, известный русский философ, родился в Киеве. Семья Турбиных, героев романа Булгакова «Белая гвардия», проживала именно в этом городе. Гидроэлектростанция Днепрогэс, исходя из названия, находится на реке Днепр, протекающей через Киев.

Поскольку данное стихотворение не имеет названия, необходимо отнестись с особым вниманием к первой строке: *Этот город – крест и кров...*

Автор не называет города, о котором говорит, но мы понимаем, что это место для него является родным и святым. *Крест и кров* можно рассмотреть и как противопоставленные, и как взаимодополняющие образы: *крест* как символ духовного, возвышенного, оторванного от земных проблем, и *кров*, обозначающий нечто родное, близкое, привязанное к земле. Упоминание креста может быть прямым указанием на внешний облик города (в Киеве большое количество церквей и соборов). *Крест* имеет богатейшую символику: это и символ Космоса, сведенный к простейшей форме пересечения двух линий под прямым углом, что указывает на 4 стороны света. Это и символ жизни, и символ плодородия, символ единства низшей и высшей формы бытия: вертикальная линия – означает вознесение к Богу, к небу, а горизонтальная – земную жизнь. Крест также является эквивалентом христианства, а Киев был центром христианской Руси.

Кров – символизирует единство, нечто общее, собранное под одной крышей и вместе с тем, нечто очень индивидуальное, родное (см. этимологическое значение лексемы *кров* – «крóвля» и «собирать, накладывать» [ЭСРЯ, с. 379]. С точки зрения общего – это и трагические события, которые довелось пережить городу как родному крову автора на своем веку, и сила духа всех горожан в их преодолении.

Как синонимичные, дополняющие друг друга, эти символы могут быть использованы, если *кров* понимать как символ жизненной силы, ведь создание родного крова – символ союза у многих народов.

Если рассмотреть *крест и кров* сквозь призму библейских мотивов, то в этом случае *кров* олицетворяет самую дорогую духовную составляющую в человеке, ведь мы приходим на этот свет с крестом, с ним и уходим, *кров* же символизирует жизнь.

Таким образом, *кров* – символ жизненной силы, родовой связи и отличия, часть божественной энергии и дух личности. Однако, в предложении: *Этот город – крест и кров* – сказуемое (*крест и кров*) является

семантически неделимым. Таким образом, возникает единый символ – муки Спасителя, его жертва и возрождение.

Именно сквозь призму этих символов автор дает картину Киева в христианском видении. В этих словах представлена историческая панорама, на это указывают строки *«мать русских городов»*, речь о Киевской Руси. Автор предсказывает городу долгое существование, говоря о том, что он *«не канет в нетях»*.

Двойко можно толковать словосочетание *крестьянский континент*. С одной стороны, оно может нести положительную оценку: крестьяне в сознании славян символизируют трудолюбие, выносливость, упорство. Восточнославянские страны, в основном, аграрные. С другой стороны, определение континента как *крестьянского* может быть употреблено в негативном смысле, как синоним чего-то отсталого, грубого и простого. Строки *«жестов меньше, меньше слов. Тесноват для реверанса воздух тот, где развивался Лев Исаакович Шестов»* говорят о том, что поэт видит Киев столицей разума, в котором рождались и жили крупные личности, и к которым сам автор относится с уважением. Один из них – *Лев Исаакович Шестов* (1866 – 1938) – русский философ-экзистенциалист, который входит в элиту западной мысли того времени наряду с Николаем Бердяевым, Эдмундом Гуссерлем, Клодом Леви-Строссом, Максом Шелером, Мартином Хайдеггером, читал лекции в Сорбонне. При этом «в экзистенциально-личностном смысле «киевский мир» для философа всегда был родным и ценностно значимым. С Киевом связаны первые, еще детские, но очень сильные, эмоционально светлые переживания...» [170, с. 4].

Турбины – семья из романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных» М. Булгакова, что позволяет размышлять о Киеве как о городе с развитой культурой и мрачной военной историей.

Для адекватного авторскому пониманию этих строк следует обратиться к значению слова *реверанс* («почтительный поклон с приседанием»), т. е. излишне вычурные действия. Киев, по мнению автора, *тесноват* для этого, не

нуждается в излишествах, потому что известен другими своими заслугами, он, например, колыбель великих людей (таких, как Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев и многие другие).

Словосочетание *берег голубиный* указывает на первую почтово-военную голубятню, которая была в Киеве с 1873 года на берегу Днепра. Данные упоминания указывают на историческую значимость не только самого места, но и жителей, которые основали и сделали известным *этот город от Бога*.

Образ Днепрогэса автор вводит также не случайно. 18 августа 1941 г. советское руководство в панике приказало взорвать плотину Днепрогэс, по которой в это время шли беженцы и отступающие советские войска. При взрыве образовалась гигантская волна, которая поглотила ещё несколько тысяч советских граждан и военнослужащих. Этот момент истории используется для «иллюстрации» бесчеловечности советского руководства и пренебрежения им жизнью собственных граждан.

«*Взять молебен глубины*» – напоминание об этих событиях: как молимся мы о живых, так должны молиться и за утонувших, невинно убиенных властью, молиться за весь свой род, за всех, кто сделал нам добро в земной жизни, помог, научил.

Итак, дух города отражается с помощью прецедентных феноменов, которые автор вводит в стихотворение: Шестов, Турбины, Днепрогэс.

Через фразу «*Электрический орган здесь лютует на эстраде...*» стихотворение может быть связано с революционными событиями в Киеве, называемыми «майданами», которые обозначили протестные настроения в обществе и стали проявлением политического кризиса. Первый майдан (студенческая голодовка) состоялся в 1990-м году, следующий – в 2004-м (оранжевая революция) и последний, связанный с протестами против власти – в конце 2013-го. К. Сигов не может относиться к этому с безразличием и тем самым передает тревогу, понимая, что город под угрозой. *Электрический орган* – это современный искусственный инструмент, он *лютует*, т.е.

зверствует, проявляет лютость. Многоточие в конце этой строфы может служить намеком читателю, что в Киеве не раз могут быть майданы.

Первая строка вместе с последней составляют композиционное кольцо. Поэт преднамеренно замыкает строки стихотворения в кольцо, начинает текст словами *этот город*, ими же и заканчивает. Думается, что это делается с той целью, чтобы читатель задумался о судьбе города.

Последняя фраза *Зря ль, скажи мне, Бога ради!* оформлена в форме риторического вопроса, что позволяет определить основную тему стихотворения – судьба города «от Бога», который занимает не последнее место в историческом дискурсе. Обращаясь к Богу даже в такой междоветной форме, автор словно взывает к нашей совести. Рассмотрим, с помощью каких языковых средств и приемов автору удалось достичь такого эффекта.

Стихотворение состоит из 4 строф, наибольший интерес вызывает пунктуационное оформление последней строфы: вторая строка оканчивается многоточием, что не дает ощущение конца события. Однако мы видим, что поэт, будто очнувшись от забытья, задает глубокий, по своей сути, вопрос, который не может иметь двух ответов (3-4 строка): *Зря ль, скажи мне, Бога ради!* То есть город (Киев) – это божественный дар, который не может быть чем-то убогим, примитивным и временным. Киев не зря появился на земле. Тем самым автор хочет подчеркнуть все величие, всю неповторимость и значимость родного города.

Первые две строки в строфе написаны хореем, последние две – дактилем, что дает возможность звукового усиления начальных строк. Первая и последняя строфы рифмуются перекрестно, опоясывающий вид рифмовки представлен во второй и третьей строфах. Такой синтетический способ рифмовки всего стихотворения выделяет главные строфы (первую и последнюю).

Рифма связывает слова: *кров – городов, слов – Шестов, Турбиных – глубины, огран – дан*. Можно проследить символическую соединенность их между собой, например, рифмованная пара *слов – Шестов* содержит в себе

специфику деятельности ученого, который непосредственно связан с понятием «слова», ибо он известен как философ и литератор.

На протяжении всего стихотворения выдержана однообразная ритмическая организация, с логическим ударением на первых словах каждой строки.

Что касается звукового оформления, то здесь часто использована аллитерация: *кров, крест, русских* и т.д., что придает тексту своеобразную твердость, силу, мощь, приводит к ассоциации с громкими звуками, громом, грохотом. Звук «р» ассоциируется также с напряжением и ожиданием чего-то неожиданного. Ударные гласные «о» и «е» в сочетании с частыми согласными «г», «к» и «р» задают динамику, четкость ритмической и звуковой организации стихотворения.

С точки зрения лексики, все слова в стихотворении можно объединить в следующие тематические группы: Киев (*город, крест и кров, берег голубиный, континент, мать русских городов, воздух тот*), человек (*город, Лев Исаакович Шестов, Турбины*) и религия (*крест, лик, молебен, Бог, орган*). Причем, слово *город* попадает в две тематические группы, потому что в стихотворении акцентируется внимание на данном объекте и его судьбе. Стихотворение содержит заимствованную лексику (*реверанс, эстрада – фр., орган – греч.* и т.д.).

В стихотворении сравнительно мало глаголов – всего 6, но по ним можно определить художественное время: «*не канет в нетях*» – будущее, «*развевался*», «*взял*», «*кормили*» – прошлое, «*лютует*» – настоящее. Итак, благодаря грамматическим формам мы видим триаду «будущее-прошлое-настоящее» города Киева: *не канет, развивался, кормили, взять, лютует*. Первый глагол «*не канет*» содержит в себе авторскую позицию о позитивном светлом будущем Киева. Затем мы узнаем о наследии и историческом прошлом города, и в последней строфе намек на трагические события настоящего и тревога за судьбу города.

Большее количество существительных (*крест, город, лик, континент, жест, реверанс, воздух, молебен и т.д.*) указывает на описательный характер стихотворения, на его статичность.

Слово *город* – основное, повторяющееся. Образ города Киева представлен в каждой строфе. В первой строфе – сочетанием указ. мест. + сущ. «*Этот город*» и сущ. в Р.п. «*городов*»; во второй – сущ. + указ. мест. «*Воздух тот*»; в третьей – указ. мест. «*Тут*»; в четвертой – нареч. «*здесь*» и повторяющееся сочетание указ. мест. + сущ. «*Этот город*».

Наиболее значимый синтаксический прием – асиндетон (бессоюзие) и эмоциональное восклицание. Междометное выражение «*Бога ради*» в одной фразе вместе с «*Богом дан*» создает интересную языковую игру, перемешивая разговорное восклицание с высоким поэтическим стилем.

Есть и другие художественные приемы: стихотворение богато архаизмами, в нем встречается лексический повтор, анафора (*этот город...*), эпитеты (*на крестьянском континенте, берег голубиный*), метафоры (*взять молебен глубины*), гипербола (*лютует на эстраде*).

Таким образом, филологический анализ показал, что смыслообразующую роль в стихотворении играет тема города, истории и его судьбы. В стихотворении прослеживается тревога за его судьбу и уверенность в том, что он будет существовать вечно. Это святой, но беспокойный город, который с древности и до сих пор сотрясают кровавые политические события. В этой тревоге поэт не одинок. И в XIX, и в XX веке поэты передают это горькое состояние. В 1869 г. в балладе «Три побоища» А.К. Толстой с горечью рисует непримиримость противоречий, от которых страдал город в далеком прошлом: *Печерские иноки, выстроясь в ряд, / Протяжно поют: аллилуйя! / А братья княжие друг друга корят, / И жадные вороны с кровель глядят, / Усобицу близкую чуя...* (А. Толстой «Три побоища», с. 269).

Но разве изменилась участь Киева спустя столетия? В 1990 г. Б. Чичибабин предрекает: *Сильней глаза раскрой, / не нужно звать провидца:*

все чувствуют, что кровь / вот-вот должна пролиться («Сказано в Киеве», с. 203).

Перу И. Жданова принадлежат строки, написанные уже в XXI в., в 2004 году: *И станет тоска площадей / изложницей вопля ночного, / сшивая надеждой суровой / в народ одиноких людей* (И. Жданов «Стихи по случаю Нового года», с. 2). Поэты с надеждой на то, что все «устаканится», но и с болью передают «нескладность» времени: *Центральный майдан! Древнерусская Лета людская. / Спускаюсь в метро, не обол, но жетон опускаю. / Моя независимость – колючая, вроде каштана. / Я слишком зависим от неба, фонтана, майдана.* (С. Бондаренко «Майдан Незалежности», с. 77); *Добро с кулаками: под дых, влет, / Нескладного времени кровь, пот. / Потом устаканится: рвань, хлябь, / А в Киеве весело – гробь, грабь. / А если зацепит (февраль лют), / Затянется рана, как льдом пруд* (И. Волосюк «Почти одинаковы: род, рать», с. 177).

Тем не менее Киев воспринимается этими авторами как город сакральный, непохожий на другие.

Перейдем к интерпретации одного из стихотворений Д. Бураго «Московский мост», написанного в 1990 году. Московский мост (Московский мостовой переход, Северный мостовой переход) – один из автотранспортных мостов, играющий важнейшую роль в транспортной инфраструктуре столицы. Он расположен в северной части Киева и соединяет жилой массив Оболонь с левобережной частью (Троещиной, Радужным и Воскресенкой). В ноябре 1983 года по нему стал ходить троллейбус:

На троллейбусе в зыбкую даль – / бесконечных случайностей цепь. / Облупившаяся эмаль / покрывает нагую степь. / Под колёсами плавает мост / На подвесках из серебра. / К горизонту встает во весь рост / напряженное тело Днепра / и качает своей головой, / утопающей в облаках. / А в троллейбусе наперебой – / замолчали о пустяках (Д. Бураго, с. 24).

Стихотворение пронизано романтизмом и мечтательностью, поскольку написано автором в юности. Мост у поэта *плавающий*. Лирический герой

молча сидит в троллейбусе и просто смотрит *в зыбкую даль*, будучи не особенно обременён «взрослыми» проблемами, поэтому жизнь ему кажется *цепью случайностей*. Возможно, он представляет, что плывет на древнем Корабле, а вокруг степь. Известно, что есть христианские храмы, построенные в виде корабля, который плывет на восток, устремляясь вслед за Солнцем Правды. Даже кресты на иных храмах делают в виде перевернутого якоря, который словно «цепляется» за небо, ища в нем опору. Поэт находит вполне удачный аналог того древнего Корабля, который может быть более понятным его современникам-горожанам – троллейбус. Троллейбус с потихоньку отваливающейся эмалью, работающий не самостоятельно, а зависящий от силы «извне». Поэту удастся найти яркую метафору для современной действительности.

Оказавшись в троллейбусе, лирический герой попадает в другую реальность, горизонт которой недостижим, но есть мечта его достичь, она настолько зыбкая, что боишься даже руку протянуть, чтобы не разрушить колдовство, а Днепр лишь *качает своей головой*.

Возможно, мост символизирует связь между Небом и Землей. Возможно, он связывает человека и Бога, т.е. это образ связи между разными точками сакрального пространства.

Мост также является символом перехода из одного состояния в другое. И единственные проводники между мирами – троллейбус и плавающий мост (отражающийся в воде, колеблющийся), который летит *на подвесках из серебра*. Отсюда предчувствие перемен лирическим героем.

Предки древних славян верили, что по мосту приходит к людям весна, когда Бог-Творец открывает небесные врата. По небесному мосту движется солнце. По мосту-радуге сходят с небес ангелы, чтобы набрать воду для дождя. Мост является и свадебным символом. По нему молодожены переходят в новую жизнь.

Все это весьма далеко от обыденности простого горожанина, хотя и ему приходится задуматься, поэтому *в троллейбусе наперебой / замолчали о пустяках*.

Возможна еще одна интерпретация символики моста – политическая. Для постсоветских стран 1990 год, год написания стихотворения, весьма значим, так как стал преддверием важного геополитического события – распада Советского Союза. Несомненно, что люди чувствовали приближающиеся перемены, но они несли в себе двоякую оценку: как мы теперь знаем, Украина, как и большинство республик в составе Советского Союза, получила независимость, возможность самостоятельно выбирать путь развития, но вместе с тем людей пугала неизвестность. Намек на данный подтекст находим в заглавии, мост именно «*Московский*». Здесь возникают устойчивые ассоциации с Москвой, то есть он – «мост власти», и троллейбус, проезжая по нему, его покидает, а именно, «зону власти Москвы».

Помимо заголовка сильными позициями в стихотворении являются следующие слова и фразы: *зыбкая даль, случайностей, степь, плавает, встаёт, тело Днепра, замолчали о пустяках*. Переноса аллегорические образы на действительность 1990-го года, мы видим, что зыбкое будущее обеспечено чередой случайностей и неустойчивая плавающая власть отступает, позволяя стране встать на собственные ноги. Акцентируя внимание на *нагоме* степи, автор показывает, что это зима, вероятно, поздняя, потому что «*облупившаяся эмаль*» – это образ подтаявшего снега. А впереди обновление – весна.

Минорные ноты содержит в себе и морфологическая структура стихотворения. Основную часть в произведении занимают существительные и прилагательные, создавая своеобразную словесную дымку, невесомость. Дополнительный акцент создаёт тот факт, что все они завершают строфы и предложения. Однако присутствующим в тексте глаголам отводится всё-таки главенствующая роль. Их всего 5: *покрывает, плавает, встает, качает, замолчали*. При этом, создавая художественную действительность, автор использует глаголы настоящего времени, то есть вот сейчас, пока

современник читает стихотворение, мост качается, а страна поднимается, и потенциал её столь велик, что её «голова» задевает облака на небе. Но завершает картину глагол прошедшего времени: *замолчали*. Пассажиры троллейбуса весь этот путь проделывают в молчании, потому что на их глазах решается не только судьба страны, но и их собственная. Они не знают, что произойдёт с ними, когда троллейбус проедет этот злосчастный мост, когда он вырвется из лап чуждой власти, и искренне боятся этого.

Ощущение движения «по мосту» даёт и ритмика стихотворения. Автор использует трёхстопный анапест, записанный по две строчки в ряд, который в сочетании с семантикой строф создаёт иллюзию движения и лёгкой качки, какая бывает при движении в общественном транспорте. Основными средствами художественной изобразительности являются метафора: *зыбкую даль, бесконечных случайностей цепь, облупившаяся эмаль, нагую степь, плавает мост*; и олицетворение: *Днепр встаёт, голова Днепра, напряжённое тело Днепра*.

Днепр выполняет особую функцию в стихотворении, как и мост. Днепр здесь – символ Украины, ее народа. Известно, что с самых древних времен это была священная река, дающая людям, которые селились возле нее, воду и пищу. Поэтому они воспевали ее живую чистую воду, называли Славутичем, что в переводе означает «славянская река», а казаки любовно называли ее «своим братом».

Таким образом, перед нами стихотворение поэта, размышляющего о мире и о стране, остро реагирующего на историческую действительность. При этом поэт предлагает задуматься о возможных последствиях, быть готовым к тому, что неизбежно случится завтра или уже сегодня.

Проанализируем еще одно стихотворение Д. Бураго – «Колокол»:
Начинается город с верлибра, начинается Киев с дождя. / И еще Оболонь не охрипла, и Подол не молчит уходя. / Начинается город со звука, начинается осень с нуля: / Что по Павловской метит разлука? Что молчат с высоты тополя? / Что на дальних баянах-заборах ветер в пестрой накидке садов /

начинает из скрипа и сора выводить в первый ряд голосов? / Из пугливого ропота листьев, из нестройных порядков жилищ / бьются ставни, и выхода ищет сквозняков потайной пересвист. / Перевертыш, Простыш, тише будешь, если дальше и дольше бежать / из соседского детства Иуды в молчаливую ложь-благодать. / Но взлетают шумы мостовые, собирая обратно круги, / где базары гудят разбитные, вознося над собой пироги, / где трамвайные альти и скрипки, контрабасы бетонных цехов, / где гудят изложений ошибки и скребутся обрывки стихов. / И круги, замыкая все уже, все настойчивей слух теребя, / под прохожими шлепают лужи из каштанового октября. / Даже те, что почти не речивы, что вообще не способны на звук / полушепотом, речитативом возвращаются из разлук, / моросят из обид, обещаний, изо всех недосказанных зол. / Ах, как лают дворняги-мещане, сторожа от молчанья Подол! / И затягивая пояс туже, собирая звук в скорлупу, / Лаврский колокол голову кружит разгулявшемуся Днепру.

Это стихотворение написано в 2009-м году, посвящено родному городу автора и входит в состав книги избранных стихотворений «Киевский сбор» (Д. Бураго, с. 14).

Стихотворение величаво и торжественно, как ода. Его особенностью является смежная и внутренняя рифма, стройный и чеканный, отрывистый и ясный ритм, создающий образ чистоты.

Автор с первых же строк упоминает районы родного Киева, а именно Оболонь и Подол. Возможно, он имеет в виду тот факт, что Оболонь находится в верхней части течения Днепра и напоминает гортань, говоря «... И еще Оболонь не охрипла...». Находясь вдалеке от центра, она еще не подверглась влиянию «контрабасов бетонных цехов». В свою очередь, «уход Подола», он связывает, скорее всего, с его расположением у подножья киевских холмов. Возможно, Подол прячется, отворачивается, скрывается, как дитя в подоле у матери, от всего нового, враждебного, злого и недосказанного.

Ассоциируя Киев с верлибром: *Начинается город с верлибра*, поэт подчеркивает то, что это вольный город, как, собственно, и сам верлибр (вольный стих). Окраины его говорят верлибром, еще не зарифмованы в отличие от центральных плотно застроенных улиц.

Дальше автор продолжает: *«Начинается город со звука...»*, и этими словами создает устойчивую ассоциацию, усиленную лексемой «верлибр», т.е. город – это поэтический текст (ср. подраздел 2.3 работы). Город – это сочетание звуков, стихотворение, вольное, непринужденное и всегда свободное.

Мотив «звука» проходит через все стихотворение, отражаясь во всех словосочетаниях и образах (*«начинается Киев с дождя»*, *«начинается город со звука»*, *«что молчат с высоты тополя»*, *«ветер начинает из скрипа выводить...»*, *«базары гудят»*, *«трамвайные альты и скрипки»*, *«контрабасы бетонных цехов»* и т.п.).

Киев представлен нам осенью, этому подтверждение находим в словах: *дождь, ветер, сквозняк, пестрая накидка садов, пугливый ропот листьев, под прохожими шлепают лужи из каштанового октября.*

В роли символов, используемых в стихотворении, кроме самого колокола, можно назвать *тополя* и *каштаны*. По статистическим данным, в городе растет около 2,5 млн. тополей, и если в мире насчитывается приблизительно 110 их видов, то в Украине распространено около 30. Каштаны настолько ассоциируются с Киевом, что их изображение есть даже на гербе города.

Лирический герой стихотворения задает вопросы, на которые, кажется, нет ответа, но они заставляют размышлять: *«Что по Павловской метит разлука? Что молчат с высоты тополя?»*. В этих вопросах – авторский иллюзорный мир, тонко чувствующий, что не все ладно, и где все живое – и природа, и улицы города, соотнесены с личными переживаниями.

Заглавный образ упомянут всего один раз и находится в конце стихотворения. Почему же тогда поэт дает такое название своему произведению?

На наш взгляд, потому, что образ *Лаврского колокола* представляется чем-то непостижимо величественным. В последних двух строках автор отводит место именно колоколу, который *«вбирает в себя все»*. Все звуки, описываемые ранее, оказываются поглощёнными звоном колокола.

Здесь автор также подводит итог всему выше сказанному, используя метафору: *«И затягивая пояс туже, собирая звук в скорлупу...»*, тем самым пытаюсь собрать то, что «вырвалось», разрушив свою оболочку, будто хочет вернуть звуку защитную «камеру». Сделать это невозможно, но Лаврский колокол старается: он собирает все нотки города, всю его память, от капель дождя до самого звона, при этом *«кружит голову разгулявшемуся Днепру»*, сам *«затянув пояс туже»*.

В самой последней строке упоминается *Киево-Печерская лавра*, которая находится в непосредственной близости к Днепру, и поэт не может не связать их. Но не только территориальной близостью связаны эти объекты, для автора – это ключевые символы Киева. *Лаврский колокол голову кружит разгулявшемуся Днепру* – как бы одновременно и притормаживая его, и направляя его вперед.

Данный образ Киева создан с помощью набора целого ряда языковых средств и приемов.

Звуковая картина создается именами существительными, связанными в той или иной мере со звуками: *звук, баяны-заборы, скрип, голоса, ропот, пересвист, шумы, альти, скрипки, контрабасы, слух, полусшепот, речитатив, колокол*. Слово *звук* используется 3 раза – то есть, автор преднамеренно обращает внимание читателя на звуковое оформление и на то, какие ощущения, благодаря этому оформлению, создаются. Звук передается также посредством глаголов: *не охрипла, не молчит, молчат, бьются, гудят, скребутся, теребят, шлепают, лают*. Все эти слова образуют картину,

наполненную звуками, шумом, шелестом, то есть создается впечатление живости, движения. Если в первой строфе при помощи звуков рисуется образ шума дождя, в последующих трех – шелест листьев, свист сквозняков, шум транспорта и заводов.

Большое количество звуков «ш», «щ» помогает в создании довольно неуютной, осенней атмосферы стихотворения (*«начинается осень с нуля»*), причем осени ранней, дождливой, только-только начавшейся.

Текст ритмически организован. Предложения довольно длинные, зачастую захватывают несколько строк, разделенных запятыми, благодаря чему стихотворение читается «на одном дыхании», как бы нанизывая строчки одну на другую.

Любимым тропом автора является олицетворение: здесь все живет рядом с человеком, общается с ним: *Что на дальних баянах-заборах ветер в пестрой накидке садов / начинает из скрипа и сора выводить в первый ряд голосов; скребутся обрывки стихов; И круги, замыкая все уже, все настойчивей слух теребя, / под прохожими шлепают лужи из каштанового октября.*

Стихотворение содержит целый ряд образных метафор, создающих атмосферу романтической осени: базары у автора *«разбитные»*, октябрь – *«каштановый»*, а пересвист ветра *«потайной»*. В стихотворении большое количество городских топонимов, что выдает в авторе знатока Киева, показывает не только его внешний облик, но и особенную, присущую только ему атмосферу.

Автор употребляет достаточно большое количество глаголов. В каждой строке мы можем встретить по два глагола, с помощью которых показано движение, развитие города.

С помощью названных средств и приемов автор одушевляет мир природы и мир предметов, он словно ищет в них жизнь: *«выхода ищет пересвист»*, *«бьются ставни»*, *«молчат тополя»* и т.д. Мотив жизни, а с ней и звука сквозит через всю образную и детальную систему стихотворения.

Несколько слов об образе Киева в общем у Д. Бураго. Его восприятие Киева особенное: он *слышит* любимый город, а город, в свою очередь, предстает разным: то он живой и уходит от реки, которая его найдет по рыбакам; поэт выражает надежду на то, что Город отыщется: *Город ушел в скит, / Он, конечно, вернется*. То он, наполнен звуками дождя, трамваев, голосами, пением птиц, поднимается с колен и ищет свободы, полный сказочных образов: *Дребезжащий мегаполис / Ищет воли в забытии, / А в кувшиночном раздолье / Бродит церковь по воде...* (Д. Бураго «Киев», с. 68).

Автор использует метафоры, которые характеризуются сходством созвучия музыкальных инструментов и каких-либо предметов обыденности: *трамвайные альты и скрипки, контрабасы бетонных цехов*.

Город звучит разными голосами: *По торопливому тротуару, / с каштанами наперегон, / стадам шипящего бульвара / сонорный зов произнесен* («Стих», с. 81).

У Д. Бураго звучит не только сам город, но мир, простирающийся вокруг него, звуковой ряд его емок и выразителен, а звуки важнее красок: *...срывает грозы звук из высохших наречий, / из воспаленных трав, из горемычных строк, / снимает пену слов с парной крестьянской речи, / и нет таких имен, чтоб отодвинуть срок. / И мир произнесен в причастии, союзе. / Из соколиных глаз, чтоб охватить окрест, / двадцатый век в обшарпанном картузе, / как голос озарен и гаснет, как оркестр...* (Д. Бураго, «Переплет», с. 83).

Поэт словно безоговорочно принимает слова А. Тарковского, для которого «в созвучьи – допотопное шаманство» (А. Тарковский «Рифма», с. 192) и восклицает: *Я – ухо, мембрана, глубинный моллюск, / Я – пульс океана, я – баловень слуха...* (Д. Бураго, «Ухо», с. 95). Ведь поэзия – это такой способ формальной организации слов, при котором слово таит в себе смысл, который вложен в звук и сращен с формой: *Что стучится в этот город / на окраине разлуки, / на пределе разговора, / разобщенного на звуки...* (Д. Бураго «Эль-Гуна», с. 92).

Мы видим, что образ может быть не только зрительным, особый слух, дает слуховое видение мира. С его помощью возможно создать многомерный звуковой образ Киева. Здесь звук становится осмысленным, способным выражать духовную сущность.

Именно о таких поэтах М. Цветаева сказала: *Слуховых верховий / Час: когда в уши нам мир – как в очи... / Час, когда ухо разъяв, как веко, / Большие не весим, не дышим: слышим. / Мир обернулся сплошной ушною / Раковиною: сосущей звуки / Раковиною, — сплошной душою!* («Ночь», с. 463). Молчащий город для поэта – трагедия: *«Молчит Город. Всем асфальтом, бетоном молчит. ...Молчит каштанами, тополями последними молчит. Киев. Киев!»* (Д. Бурого «Post Scriptum», с. 123).

В одном из последних стихотворений о Киеве, «Изъян», город у поэта другой – враждебный, непонятный, чужой: *Саботаж всего живого, / саботаж. / Шорох голоса чужого – / это ваш? / Наш не может, наш не должен, / наш – живой! / Город гложет. Насторожен / путь домой. Город – зверь!!!* (с. 279).

Главная метафора *город-зверь*, т.е. город уже не звучит и поет, а превращается во враждебное место, наполненное чужими голосами, шорохами.

Предложенные нами интерпретации трех стихотворений о Киеве не являются единственно верными и правильными. Как известно, стихотворение можно интерпретировать в довольно широком диапазоне. Особенно те произведения, авторы которых помимо визуального, обладают духовным зрением, вместе проясняя сущность образа. Хотя на сегодняшний день невозможен полный учет и научная рационализация проблем смыслопорождения, можно констатировать, что в каждом конкретном поэтическом тексте задан некий инвариант основного смысла, которым многочисленные варианты направляются и ограничиваются, делая их не беспредельными.

Именно поэтические тексты обладают свойством иметь множество интерпретаций. Почему? Ответить на это можно словами М. Мамардашвили: «Поэзия содержит нечто не до конца известное и самим автором. Отсюда и появляется феномен многих вариантов одного и того же» [108, с. 59]. Содержание поэтического текста – фрейм с пустыми узлами, которые каждый заполняет по-своему.

Ход интерпретации будет различным, и зависит он не только от самого текста, но и от личности интерпретатора – его фоновых знаний, определяемых общим кругозором, специальной эрудицией и рядом личностных характеристик, например, типом его сознания («конформистский» или «творческий»); зависит также от типа культуры, т.е. национальных традиций интерпретации (русской, западноевропейской, санскритской, семитской, китайской). Много зависит также от мастерства интерпретатора.

Особенно полезна интерпретация, когда в тексте сталкиваются с недосказанностью, лакунарностью, умолчанием. Здесь интерпретатор в высшей степени проявляет свой интерпретаторский талант. Так, например, когда мы говорим «*Киев – мать русских городов*», мы имеем в виду не просто древность города, но его роль в образовании восточнославянских стран.

Специфику каждого поэтического текста составляют особые отношения языковых единиц внутри его, именно они определяют эстетическую функцию всего текста, его смыслы. Содержание того, о чем умалчивают, трудноуловимо и включает в себе богатую прагматическую, эмоциональную, оценочную, интеллектуальную информацию. Поэтический текст и имплицитен, и открыт одновременно, только нужно уметь заглянуть в его смыслы, и с этой точки зрения интерпретации – это попытки заглянуть в его тайны.

Таким образом, при интерпретации в структуре концепта «Киев» мы видим пересекающиеся пространства: фактуальное (политическое –

столица, географическое – место, ландшафт), ассоциативно-образное и символическое пространство сознания (город-символ), поскольку Киев, как показывает собранный нами материал, – это место, насыщенное культурными смыслами, вызывающее разнообразные ассоциации.

3.2.5. Модель концепта «Киев»

Как мы уже отмечали, концепт – «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentales*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [78, с. 77]. Обобщая сказанное, можно утверждать, что концепт – инструмент и продукт структурирования любых смыслов.

Как показала реконструкция концепта «Киев», данный концепт имеет сложную полевую структуру, где не просто выделяется ядро и периферия, но есть еще один слой – интерпретационный, который, будучи на периферии, охватывает ядро, которое складывается при его участии. Концепт «Киев» тесно связан с ассоциативным пространством. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход позволяет выделить 4 зоны, но не очерчивать четкую границу между ними, потому что фактуальная информация в поэтическом тексте становится образом, образ неотделим от ассоциативной зоны, т.к. именно ассоциативные связи придают особую экспрессивность образу.

В нашем случае выделяется смысловая доминанта – *город Киев*, которая, являясь ядром поля, покрывает все его содержание. Данный концепт исследуется нами как с позиций статики (лексикографический аспект, фактуальная информация), так и с позиций динамики – дискурсивный подход. Исследованию подлежит как ядро, так и периферийные зоны; мы

дифференцируем их в процессе описания концепта, т.к. их статус и роль в структуре образа Киева различны.

Данные рассуждения могут быть представлены в виде модели. Под моделью мы понимаем схему, воспроизводящую и заменяющую исследуемый объект в наиболее общем виде. Понятие лингвистической модели возникло в структурной лингвистике, но вошло в научный обиход в 60–70 г.г. XX в. с возникновением математической лингвистики и проникновением в лингвистику математических методов. Конструирование модели – не только одно из средств отображения языковых явлений, но и объективный практический критерий проверки истинности знаний о языке. Концептуальная модель средство исследования концепта, это не реальность языка, а лишь гипотеза. В единстве с другими методами изучения языка моделирование выступает как средство углубления познания, его движение от относительно примитивных к более содержательным моделям полнее раскрывает сущность языка вообще, и наш концепт «город Киев» – в частности, делает его более наглядным.

Поэтому метод моделирования является одним из востребованных на сегодняшний день в силу его универсальности. Создание модели – это замещение одного объекта другим с целью получения более наглядной информации о важнейших свойствах объекта с помощью модели [122]. Модель всегда является лишь относительным, приближенным подобием объекта-оригинала, это всегда лишь интерпретация действительности по заданным параметрам исследователя, то есть решение данного вопроса во многом зависит от авторской позиции.

Предлагаемая нами модель концепта представлена на следующем рисунке:

Рис. 1. Модель концепта «Киев»

В центре модели находится словосочетание *город Киев*, к которому примыкает целый ряд образных, ассоциативных, символических смыслов, представляющих данный концепт как культурную и духовно-нравственную сущность.

В нарисованном поэтами образе Киева, легшем в основу концепта, на первое место выходит не только его красота, но и духовность, репрезентированная специфической лексикой: *колокола, храмы, купола, святой, София* и др., а также именами князей (*Вспомни, что здесь когда-то взошла на престол / Гордо Ольга и славною стала княгиней*) и языческих богов («Мой Киев»).

Поэты восхищены и очарованы красотой Киева: *Спи, мой Киев, спи, мой ясный, / В легком пухе тополей, — / Вместе с Лыбедью прекрасной, / Вместе с лебедью твоей* (Л. Смирнов «Колыбельная для Киева», с. 325). *Пылают свечи каштанов, спускается к Днепру разноцветная сирень, горят на солнце купола древних соборов: По крутизне / Андреевского спуска / Бежит ручей, / Поблескивая тускло* (Р. Заславский «По крутизне», с. 197).

Большое количество стихов посвящено киевскому пейзажу. Поэты восхищаются красотой Киева, город особенно красив весной, когда стоит весь в благоухающей сирени: *Весна на Подоле! Как все сумасшедше цветет!* (К. Билыч «Весна на Подоле», с. 329); *По лону днепровских сияющих вод, / Где, празднуя жизни отраду, / Весной все гремит, и цветет, и поет, / Владимир с дружиной обратно плывет / Ко стольному Киеву-граду* (А. Толстой «Песня о походе Владимира на Корсунь, с. 284»).

При этом мы полагаем, что такое представление о Киеве оказывается важнейшим ориентиром в сознании индивида: это результат и непосредственного ощущения, и памяти об опыте поколений.

Оценки Киева, его коннотации могут меняться до прямой своей противоположности (см. пример на основе стихотворений Д. Бурого в подразделе 3.2). Так, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Гусар» поэт воспекает богатство Киева: *То ль дело Киев! Что за край! / Валяются сами в рот галушки, / Вином хоть пару поддавай, / А молодицы — молодушки!* (с. 63).

Но в этот же исторический период другие авторы видят, как «дряхлает Киев над Днепром»: *Как все изменчиво, непросто! / Когда-то роскошью восточной / В стране богатой он сиял!* (К. Рылеев «Киев», с. 71).

И старые поэты, и современные вводят в свой образ города его древность: *пращур городов* (К. Случевский «В Киеве ночью», с. 88).

Как видим, концепт характеризуется с различных сторон. Это сложившаяся совокупность правил и оценок организации знаний, предопределенная опытом и культурой, спецификой деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества. Это условная ментальная единица, местом ее пребывания является сознание, она детерминирована культурой, а в тексте и языке лишь опредмечивается. Следовательно, концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и включающее их в себя в редуцированном виде, это своего рода «гипероним» последних.

Все это входит в модель концепта, включаясь в разные его зоны (признаковые объединения). **Фактуальная зона** – *столица, город на Днепре, Киево-Печерская Лавра, Софийский собор и Софийская площадь, Андреевская церковь, Ильинская церковь, Подол, Крещатик, Пуца-Водица, Андреевский спуск, мост Патона, Московский мост, Лысая гора, колокол, трамвай и др.*

Ассоциативная зона – *Киев-Вий, Киев – логово змиево; здесь за хвостом гоняется Зверь, завывает подземный Змий, прозревает ослепший Вий; этот город, как загадка, этот город, как разгадка, он опять меня настиг, город-век и город-миг и т.д.*

Образная зона – Киев предстает в поэзии как духовный, православный центр, где *«милою все дышит стариною»*, это *«Иерусалим земли русской»*. Центральное место в образной структуре занимают *«воздушно-святотарные»* храмы города, лаврские храмы, колокола Лавры, Андреевская церковь, которые становятся символом *«небесного»* Киева.

Интерпретационная зона – поэтическое слово многослойно, каждый поэт пытается «расслоить» его, выпячивая то одну, то другую его сторону. Делается это с помощью введения города в разное контекстуальное окружение. Киев в контекстах разных поэтов – то *город-Вий*, то *город-чудо*, *город-загадка* и т. д.

Важнейшими признаками поэтического текста являются 1) ассоциативность; 2) образность; 3) субъективность; 4) наличие разнообразных знаний (зон); 5) интерпретируемость смыслов. Все они находят отражение в поэтическом концепте, что и показано в нашем исследовании.

В интерпретационной зоне нам удалось установить коллективный образ города, «наш город» «град небесный», созданный лучшими поэтами в стихах о Киеве. Бывают и «безликие» города. Вероятно, полный образ не создан ни для одного города. И представленный в настоящей работе поэтический образ-концепт может быть дополнен образами, создаваемыми СМИ, художественной прозой и другими дискурсами.

В нарисованном поэтами образе Киева на первое место выходит не только его красота, но и духовность, репрезентированная специфической лексикой: *колокола, храмы, купола, святой, София* и др., а также именами князей (*Вспомни, что здесь когда-то возшла на престол / Гордо Ольга и славную стала княгиней*) и языческих богов.

Только с учетом данных образов может быть реконструирован концепт. Именно в образе содержится связь с национальной культурой, а сама поэзия есть разновидность познания, поэтому исследование образа важно для лингвокультурологии. Поэзия и лингвистика могут моделировать и языковые явления, и явления объективной действительности.

Реконструированный нами концепт Киев отличается от концептов других городов (Москвы, Петербурга, Омска), которые выполнены либо на материале СМИ, либо на материале прозаических текстов, т.к. это поэтический, образный концепт.

Значительное место в структуре поэтического концепта занимает интерпретационная зона, которая сводит воедино фактуальную и образно-ассоциативную информацию. Поэтому мы можем заключить, **что поэтический концепт – это факт или событие (мост, храм, весна), возведенные (превращенные) в ассоциативный образ.**

Таким образом, реконструированная нами модель концепта – это целостная когнитивная структура, т.е. объемное представление знаний о городе Киеве как важнейшей ценности народа – и культурной, и духовной, и материальной.

3.3. Языковая репрезентация концепта «Киев»

3.3.1. Язык и его статус в поэтическом тексте

Лингвистические аспекты исследования поэтического текста изучены значительно меньше, нежели литературоведческие, но и лингвистический подход изучения поэтического языка на сегодняшний день многообразен. В настоящее время активно исследуется то, какие изменения претерпевает слово

в художественном контексте, как оно становится семантически многоплановым, включающим в себя одновременно несколько значений, как общеупотребительное слово поэт превращает в словообраз. Исследования того, как слово строит концепт, только начинаются. Поэтому концепт с точки зрения его языковой реализации – проблема актуальная.

Исследование поэтического языка имеет давнюю традицию. Как особый язык с его «остранением» рассматривали поэтические тексты ОПОЯЗовцы, как «актуализацию языка» – Пражцы. Но язык представляет собой не просто инструмент поэзии. Он является поэтической стихией, из которой и вырастает поэтическое творчество.

Традиционно разводят понятия «поэтический язык» и «язык поэзии». Термин *поэтический язык* был введен в научный обиход в конце 20-х годов XX века представителями Пражского лингвистического кружка, которые выдвинули тезис о том, что «вместо изучения отношений причинности между разнородными системами нужно изучать поэтический язык как таковой» [174, с. 81].

Термин *поэтический язык* широко использовал Г.О. Винокур как язык, с одной стороны, образный, формой которого служит содержание, как язык, употребляемый в поэтических произведениях. С другой стороны, – это язык, действительно соответствующий изображаемому поэтическому миру, выражаемому поэтическому настроению. «Поэтическое слово вырастает в реальном слове, как его особая функция» [39, с. 91].

Наиболее емко определил поэтический язык В.П. Григорьев: «Поэтический язык определяется как язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова» [53, с. 77–78].

Чем отличается поэтический язык от обыденного языка?

Поэтический язык креативен, открыт для поиска новых форм. Креативные тексты обладают, по мнению В.И. Карасика, особой функцией,

которая проявляется в наличии максимально допустимой свободы языкового знака – в его смысловой вариативности, в возможности неоднозначного его осмысления и даже в фасцинативности – в ценном эмоциональном воздействии на читателя и в побуждении его вновь и вновь обращаться к этому тексту [77]. Креативная функция в поэтическом тексте реализуется через особую образность поэтического слова, его выразительность, семантическую подвижность и семантическую многоплановость, потому что предопределяется максимальной свободой, которой обладает здесь языковой знак. Если обыденный язык консервативен, закрыт, усреднен и нацелен на отбор, то поэтический – на творчество. Как считал Л.П. Якубинский, в нем языкотворчество становится сознательным и активным. В обыденном языке – слепое следование норме, а здесь – поэтические вольности, о которых еще А. Пушкин сказал: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю». (А. Пушкин «Евгений Онегин», с. 234)

Поэтический язык представляет собой особым образом организованную словесно-художественную структуру и обладает своими специфическими особенностями построения и функционирования. И хотя принято говорить о поэтической (эстетической) функции обычного языка, а не о поэтическом языке как таковом, всё же многие исследователи теории поэтической речи сходятся во мнении о том, что поэтический язык – это особая эстетическая система со своими законами и принципами построения и функционирования (см. об этом [37, с. 251, 256]). Справедливость этого положения убедительно доказывается в трудах крупнейших исследователей теории поэтического языка во всех его лингвистических аспектах: (см. Р.О. Jakobson [208, с. 272–316]; А.А. Потебня [140, с. 139–157]; В.В. Виноградов [34, с. 130–163; 35, с. 369–459]; Ю.М. Лотман [105, с. 35–49] и другие). Проведённый обзор данных исследований показывает, что поэтический язык занимает особое место в ряду с другими разновидностями общенародного языка и имеет свои особые закономерности и специфические нормы.

Определить поэтический язык исследователи пытались с позиции различных подходов: 1) поэтический язык определяется с опорой на понятие стиха, т.е. в стиховедческих категориях; 2) поэтический язык определяется качественно, по составу языковых средств – по специфике фонетики, лексики и т.д.; 3) поэтический язык определялся по отношению к языковой системе как отступление от нормы; 4) поэтический язык определяется по особой поэтической функции; 5) с позиций философии – работы М. Хайдеггера о Гельдерлине, работы Ю.С. Степанова.

Все языковые единицы художественного текста взаимосвязаны; в поэтическом тексте нет ничего случайного, почти за каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные проявления, носящие мифологический, символический характер.

Поэзия – это преобразованный в искусстве фрагмент действительности, потому что в поэтическом тексте не просто описан мир, а мир вступает с ним в сложные взаимоотношения; иногда то, что описано в конкретном тексте, не существует в мире, но оно может существовать в других возможных мирах (в 60-е г. XX в. С. Крипке и Я. Хинтика построили так называемую семантику возможных миров). Возможный мир создается с помощью воображения, которое Г. Лорка считал первичной ступенькой и базой всякой поэзии.

Известно, что в значении слова отражаются результаты познавательной (мыслительной) деятельности человека, которая характеризуется категоризацией – обобщением. Но кроме значения, в поэтическом тексте важны смыслы. Вся сложность улавливания поэтических смыслов состоит в том, что поэзия выходит за привычные рамки смысла, создает новый смысл, часто более глубокий, чем общепринятый, закрепленный за этими словами.

Любой текст, в том числе поэтический, – это не застывшая сущность, а диалог между текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем. Понимание поэтического текста с коммуникативных позиций (как диалог) позволил современным психолингвистам (Ю.А. Сорокин [156]; В.А. Пищальникова [136, 137] и др.) заявить, что нет ни единого объективного

содержания, ни раз навсегда данного смысла, ни вечной идеи художественного произведения. Так, известный психолог Н.И. Жинкин писал: «Значений нет ни в интеллекте, ни в языке; они возникают при кодировании и декодировании текста под воздействием контекста» [70, с. 165]. Доказательство тому – «новые прочтения» произведений М.А. Шолохова, В.В. Маяковского. Что же есть в тексте? Есть лишь организованные особым образом языковые средства и приемы, которые служат сигналом для зарождения образного смысла в сознании читателя. Это и фонетические средства, и лексические, и морфолого-словообразовательные, и синтаксические. В анализируемых нами стихотворениях наиболее значимыми оказались фонетические и лексические средства, хотя отдельные авторы используют и грамматические (морфологические) и синтаксические средства и приемы (см. подраздел 3.2).

Любое отклонение от усредненного употребления того или иного звука может стать значимым в поэзии и служить средством художественной выразительности. Еще Б.В. Томашевский писал: «Благозвучна речь, в которой гласные сменяются согласными и не встречаются подряд несколько гласных и несколько согласных» [182, с. 89]. Для славянского уха благозвучны сочетания двух гласных (*Киев, воин* на коне) в сочетании с согласными, расположенными в слове по принципу восходящей звучности (*лавра*). Естественным образом воспринимаются три согласных, если они построены по этому же принципу (*взлет*), скопление же большего количества согласных, особенно на стыках слов, а также нескольких гласных подряд приводит к неблагозвучию (*заиндевелившие сады / Сбегались, жались в Приднепровью*). Глухие согласные, особенно шипящие и свистящие, также неблагозвучны (*и снова встал Столыпин, памятником встал*).

Отмечая функции первоначального звука в слове, В. Хлебников писал: «Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным... Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку

рассудка» [194, с. 628]. Это явление можно наблюдать во многих стихах о Киеве, например, у М. Волошина: *Тут Русь родная родилась, / Татар тут сила разразилась...* (М. Волошин «Киев», с. 49). Начальные *р* в первой строке сближают три данных слова, рисуя образ родины, в котором сливаются и место рождения, и родство. При этом рождается эхо, вбирающее в себя все звуки родной земли.

Самый частотный фонетический прием в стихах о Киеве – аллитерация, т.е. способ звуковой организации, выражающийся в симметричном повторении одинаковых или однородных по акустическим свойствам звуков. «Слова, связанные аллитерацией, выделяются в речевом потоке, приобретают определенную интонационную значимость» [97, с. 27]. Примером повторения согласных звуков может служить строка: *А ветер, гнезда **струши**вая, / скрежещет жестью **крыш*** (Б. Чичибабин «Уже картошка выкопана...», с. 23). Именно аллитерация создает здесь звукоподражательный эффект, вызывает ассоциации со скрежещущими ударами чем-то тяжелым по железной крыше.

Именно звучание оформляет замысел поэта, помогает ему точнее и ярче выразить свою мысль. Например, в стихотворении О. Мандельштама – обилие глухих согласных *к, н, с*: *Не гадают цыганочки **к**ралям, / Не играют в **Купеческом скрипки**, / На **Крещатике** лошади **нали**, / Пахнут смертью **господские Липки***. (О. Мандельштам, «Как по улицам Києва-Вия», с. 135).

Фактически здесь отсутствуют звонкие и сонорные звуки (кроме *р, л, н*), а глухие согласные *к, н, с* при их повторении вызывают ассоциации с затуханием жизни, смертью.

Важен также, хотя и менее значим, ассонанс – созвучие или повторение гласных звуков, часто, ударных: *Кувшинки **ждут**, **в**кушая **темноту*** (Б. Чичибабин, «Белые кувшинки»). Здесь ударному *у* как бы эхом вторит безударное, создавая общий фон – затухающие звуки дня в предвкушении вечерней тишины, что подчеркивает одиночество лирического героя. Но даже совершенно различные звуки, соединяясь друг с другом, способны

формировать определенные ассоциации: *Без киевского братства деревьев и церковей вся жизнь была б гораздо безродней и мертвей. / В лицо моей царице, когда настал черед, подуло Русью древней от Золотых ворот* (Б. Чичибабин «Киев», с. 165).

Здесь ударное *у* (*подуло Русью*) ассоциируется с порывами ветра, а обилие звонких согласных – *б, р, з* формирует динамичный, светлый, летящий образ Киева.

Важнейшее из языковых средств – слово. А.А. Потебня отмечает: «Слово не только материал поэзии, как мрамор – ваяния, оно само – поэзия» [140]. В поэтическом тексте через слово выражается отношение его автора к действительности, своеобразие его мировосприятия и эстетические установки на речевое творчество. Поэтический язык имеет и иные семантические законы, нежели обыденный язык: в нем нарушаются привычные соотношения между звучанием и значением. Например: *Покрывает ночной торт земли / Глазурью огней сахарной...* (Тарас Гриб «Город»). Соединение обычных слов *торт* и *земля* дает метафору, рождающую новый образ земли-торта.

Любое слово в поэтическом тексте может иметь какой угодно смысл. Слова, похожие по звучанию, чаще всего приобретают сходный смысл: *Что может знать / Случайная вода? / Бежит она, булыжник омывая. / Такая непонятная, / Живая...* (Р. Заславский «По крутизне», с. 197).

Рифмующиеся слова *омывая* и *живая* дополняют друг друга, становясь похожими по значению, вместе они рисуют образ быстробегущей вниз по Андреевскому спуску воды. Так поэт создает объемность ситуации, т.е. многомерный мир вот всей его сложности.

Значение слова в поэтическом тексте может быть реализовано в некотором глубинном смысле, т.е. в поэтическом тексте происходит приращение смысла к основному понятийному значению, приращение культурной коннотации. Так, у В. Маяковского древность Киева представлена в образе седой бабушки, которая мешает всему новому: *Здравствуй и прощай, седая бабушка! Уходи с пути!* («Киев», с. 117). Есть и другие особенности

поэтического языка, которые индивидуальны у каждого автора, например, в стихотворениях Д. Бураго образ Киева дан через звук, создавая ощущение, что поэт «слышит» свой город. А в строках А. Подолинского слово *крепость* приобретает значение «духовная вершина»: *Мы видим – крепость высиих сил / И всю ничтожность человека!* («На развалинах Десятинной церкви», с. 32).

Для сохранения ритма, который не просто внешнее условие, что нужно соблюдать при чтении вслух, а «имманентное свойство стихотворной речи» [124, с. 25], наблюдаются сдвиги ударений: *Он изложет тебя, как затворник свою просфору, / Он задушит тебя византийским жгутом винограда* (В. Катаев «Киев», с. 131). Сохраненный таким образом ритм придает определенное звучание всей словесной ткани стихотворения, а слова, сплетенные своими звуками и ритмом, «сближаются также и смыслами или частью своих смыслов» (В. Вейдле) [30, с. 23, 39].

Важное место в поэтических текстах отводится рифме. Термин *рифма* означает стройность и соразмерность, и произошел он от греческого *rhythmos*, имеющего тот же корень, что и слово *ритм*.

Современные исследователи распределили рифмы следующим образом: по месту ударения: мужские (с ударением на последнем слоге – *в селе – земле*), женские (с ударением на втором от конца слоге – *бездну – исчезну*) и дактилические (с ударением на третьем от конца слоге – *единственный – таинственный*); по звуковому составу: точные (совпадают все гласные в слове – *преданья – мечтанья*) и неточные (*призрак – ризах, событий – любите*). Современный исследователь поэзии М.Л. Гаспаров утверждает, что после 60-х г. нашего века число неточных рифм у всех поэтов увеличивается [47, с. 14]. Эта закономерность нашла подтверждение в нашем материале: если у Пушкина, Батюшкова, Хомякова рифмы в основном точные, то с 80-х годов XX века более 70% неточных рифм.

В стихах о Киеве нами выявлены самые разные рифмы: по происхождению – это базовые и окончательные: *Еще безвинней станет снег. /*

Сегодня выпавший впервые. / Чугунный конь замедлит бег / На старой площади Софии.

Рифма в парах слов *снег – бег* и *впервые – Софии*, разграничивая отдельные строки, как бы разделяет их, а на самом деле связывает их созвучием, создавая зимний образ Софии.

По объему (количеству слогов) нам встретились односложная (*день – тень*); двухсложная (*белый – смелый*) и трёхсложная рифмы (*мальпосте – погосте*); рифмы с большим количеством слогов – единичны, а шестисложная и семисложная рифмы нам вообще не встретились.

Рифма подчиняет стихотворную речь определенной закономерности, делая её приятнее для слуха и легче для восприятия. Это созвучие концов стихотворных строк, создающее ощущение их единства и родства.

В поэтическом языке могут стать образными любые части речи, и безглагольность: *Ты здесь, мы в воздухе одном. / Твое присутствие, как город, / Как тихий Киев за окном...* (Б. Пастернак «Ты здесь, мы в воздухе одном», с. 130); и, наоборот, обилие глаголов: *«Пришел», — летит от пары к паре, «Пришел», — стволу лепечет ствол* (Б. Пастернак «Баллада», с. 125); и наличие большого количества эпитетов-прилагательных: *Недвижный Днепр, ночной Подол* (Б. Пастернак «Баллада», с. 125), и их отсутствие: *Опять Шопен не ищет выгод, / Но, окрыляясь на лету, / Один прокладывает выход / Из верить в правоту.* (Б.Пастернак «Опять Шопен не ищет вигод», с. 127).

Характерной особенностью поэтических текстов о Киеве являются индивидуально-авторские сравнения, как основной принцип выстраивания лирического сюжета. Обычно сравнения выступают в форме сравнительного оборота, присоединяемого союзами *словно, как*: *И даль бела, как лебедь* (Б. Чичибабин «Киев», с. 165). Еще примеры сравнений: *главы церквей как звезды; престольный град... покоится, как море после бури; Будто в гости к старой бабушке, / Я вчера приехал в Киев* (В. Маяковский «Киев», с. 117).

Часто встречается высокая, книжная лексика: *Как часто я в мечтах мой взор пленяю / Священною твоею красотой!* (И. Козлов «Киев», с. 69).

Думается, это обусловлено самим объектом описания: Киев предстает как метонимический образ всей страны: *У Лаврских стен земное забываю / И над Днепром брожу во тьме ночной: / В очах моих все русское прямое – / Прекрасное, великое, святое* (И. Козлов «Киев», с. 69).

При описании приемов, используемых в поэтических текстах о Киеве, возникает сложность. Дело в том, что одни и те же приемы можно рассматривать с разных позиций: как прием остранения – в литературоведении (*город поет*), либо метафоры – в лингвистике. Как отмечал Ф. Ницше, язык состоит исключительно из метафор, постоянное создание которых есть основополагающий инстинкт человека, наиболее активно метафора создается в поэтическом тексте: *Киев наш, питомец Византии, / Вознес до облаков двенадцать глав Софии, / И бережет веков красноречивый прах* (Н. Арбузов «Киев», с. 40). Метафора здесь – и троп, и художественный прием.

Поскольку *мета́фора* (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение» – термин, предложенный Аристотелем) – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака, то она, в сущности, почти неотличима от гиперболы (преувеличения), от синекдохи, от простого сравнения или олицетворения и уподобления (ИЭССРЯ, с. 155). Во всех случаях присутствует перенесение смысла с одного слова на другое. Метафор в стихотворениях большое количество: Киев – *седая бабушка, набожка* (В. Маяковский «Киев», с. 117); Киев *обернут в зной лучей* (Б. Пастернак, «Ты здесь, мы в воздухе одном», с. 130); Киев — *Мекка геронтологии* (Р. Левин «Долголетие», с. 221) и др.

Образ Киева создается с помощью обилия эпитетов: София *величавая*, Печерский монастырь *святой*, лучи *серебряные*, бездны *сверкающие*, песни русалок *заунывные*, воды Днепра *ясно-синие*, Киев *сонный, золотой, златоглавый, труженик святой*; киевские высоты *гордые*, купола *синие*,

тоска ласковая; золотой на зеленеющей горе Киев; в алый свет отходит Киев и т. д.

Активны глаголы и его формы: главы церквей *отделяются* от лучей; Днепр *задумчив*; челн *колышется*, *лелеемый* волною.

Для стихотворений о Киеве характерен более свободный синтаксис: в стихах поэтов XIX века часто встречаются архаичные конструкции (*Наш Киев мне предстал в священном блеске славы. / Меж русских городов, как патриарх седой; / Как золотой венец, его сияли главы, / А благовесть его, как голос величавый, / Повествовал сынам о старине святой*), а у поэтов второй половины XX века – разговорные (*Слово за слово стих напевает чуть слышно бессонница. / Перепутались стороны света, надир и зенит, обернулась колодезем водонапорная звонница – глухо цинковый колокол в темных глубинах звонит*) (А. Чернов «Слово за слово», с. 342). Еще одна особенность поэтических текстов XIX века – это естественный (прямой) прядок слов, в начале нечетных строк ударение падает на значимое слово, фраза тяготеет к вопросительно-отрицательной конструкции: *Был когда-то город славный, / Властелин земли и вод...*

К синтаксическим средствам можно отнести несовпадение стиховой и грамматической сегментации текста: *Чуть поодаль цветет каштан, / засоряет сырой фонтан, где / Самсон покорному льву / гарантирует: «Пасть порву»* (А. Чернов «Если Верхний и Нижний вал», с. 342); *И хорошо знакомы нам – / в овраге улица кривая / и колокольни / по холмам* (Н. Ушаков «Старый Киев», с. 92); *Святой Владимир / От разрушенья сохранит* (В. Ант «Киевский университет», с. 110).

Законы организации текста В.В. Виноградов назвал «грамматикой идей». В анализируемых нами стихах не отмечается большое разнообразие композиционных приемов. Наиболее частотна здесь – кольцевая композиция (см. анализируемое в подразделе 3.2. стихотворение К. Сигова).

Таким образом, при создании образа-концепта «Киев» чрезвычайно важны языковые средства: фонетическая инструментовка, ритм, выбор слов и

их расположение, достаточно свободный синтаксис, композиция этих средств и приемов в поэтическом тексте. Особое внимание принадлежит слову, которое в поэзии означает гораздо больше, чем в обычном языке.

3.3.2. Языковые особенности ядра концепта «Киев»

Киев предстает в украинской русскоязычной поэзии, где он получил свой эстетический эквивалент, как концептуальный объект изображения. Слово-концепт «Киев» – ядро поля, репрезентирующее все возможные признаки концепта на лексико-семантическом уровне. «Имя поля, чтобы быть таковым, должно иметь семантически самое простое значение, входящее в содержание всех единиц этого поля. Оно – основа их объединения и идентификации. Иными словами, имя поля должно обладать и инвариантным значением, на основе которого может осуществляться последовательное упорядочение всех элементов поля» [67, с. 23].

В нашем случае ядро поля концепта «Киев» представлено номинациями *город на Днепре, светлый град, престольный град, старец величавый, пращур городов, столица разума, мать русских городов, мир родной, понятный и телесный, жилище чародеев, город-зверь, логово змиево, старая бабушка*, обозначающими один город и различающимися привязкой к определенному историческому периоду и функционально-стилистическими характеристиками. Их можно рассматривать как перифрастические номинации города.

Сами перифрастические номинации как один из типов устойчивых сочетаний давно привлекают внимание исследователей – и лингвистов (Л.Н. Синельникова [154], Л.В. Грехнева [52] и др.), и литературоведов (Б.В. Томашевский [181] и др.).

При этом исследователи отмечают, что перифрастические обороты ещё недостаточно изучены теоретически, нет четкости в определении признаков перифрастической единицы и критериев, по которым их следует отличать от описательных оборотов.

Перифраза – «стилистический приём, заключающийся в непрямом, описательном, обозначении предметов и явлений действительности (преимущественно эмоционально-экспрессивного, оценочного характера)» [ЛЭС, с. 371]. Ее признаком выступает и то, что она объединяет выражения, вторично описывающие предмет или явление действительности [130]. Главным образом перифраза функционирует в языке художественной литературы, в публицистике, письменной и устной публичной речи, в повседневном общении, но, как показал наш материал, наиболее активно они функционируют в поэтических текстах.

Мы понимаем под перифразой такие сочетания слов, посредством которых вторично обозначается то, что имеет собственное наименование, как например, при номинациях Киева (*Киев-Вий, сердце Древней Руси, легенд колыбель, город-век и город-миг* и др), *Софийского собора* (*златоглавый, святая София, витязь былинный*), *Андреевская церковь* (*творение Растрелли, туманная свеча Днепра*) и др.

Характерной особенностью выявленных перифраз-номинаций Киева выступает их экспрессивность и образность. Зачастую контекст конкретного стихотворения содержит мотивационную основу перифразы, связанную с выдвиганием на первый план какая-либо черта Киева. Сравнение перифраз в Киевском тексте позволяет выделить в их составе устоявшиеся, а потому общепринятые вторичные номинации города (*город на Днепре, мать городов русских*) и ситуативные, индивидуально-авторские, смысл которых определяется конкретным контекстом (*каштановый рай, город сиреней*).

Наиболее продуктивными моделями перифраз Киева являются: «*прилагательное + существительное*» (например, *каштановый рай*), «*существительное + существительное в род. пад.* (*город сиреней, мать городов*) и приложение, т.е. оба существительных в именительном падеже» (*город-век, город-миг*).

Таким образом, вокруг ядра концепта складывается приядерная зона, в которую входят общепринятые устойчивые перифразы и номинации города

(*город на Днепре, столица разума, дребезжащий мегаполис* и др.). Перифрастическая номинация выдвигает, актуализирует тот или иной существенный признак описываемого объекта. Поэтому устойчивые перифрастические номинации можно рассматривать как важнейшие составляющие концепта «Киев», которые в значительной степени формируют содержание концепта.

Выводы к третьему разделу

В современной лингвистике дискурс считается одним из самых неопределенных понятий. Анализ научной литературы по данной проблеме и наши наблюдения показывают, что можно говорить о дискурсе различных сфер знания, в том числе поэзии, в которой существует особый язык – «язык поэзии», служащий для поэтического видения реальности. Применительно к нашей теме схема взаимодействия дискурса и текста может быть следующей: «общий дискурс – частный дискурс – личностно-ориентированный дискурс – поэтический текст».

Понимание и восприятие художественного текста зависит как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов. Смысл текста обусловлен как особенностями личности воспринимающего, так и реальной действительностью, национально-культурной спецификой и рядом других причин.

Следовательно, изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Когнитивный подход часто вскрывает факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных методов.

Целый ряд особенностей поэтического текста объясняется его креативностью, особой креативной функцией, которая, хотя и присутствует в других видах текста, но в максимальной степени реализуется в поэзии. Особая образность поэтического слова, его выразительность, семантическая подвижность и вытекающая отсюда семантическая многоплановость и

осложненность поэтического слова и всего текста предопределяются максимальной свободой, которой обладает языковой знак в поэтическом тексте.

Концепт «Киев» имеет сложную полевую структуру и состоит из 4 зон (или групп признаков): 1) фактуальные, понятийные признаки; 2) образные признаки; 3) ассоциативное представление объекта; 4) интерпретационная зона.

В данном концепте не просто выделяется ядро и периферия, но есть еще один слой – интерпретационный, который, будучи на периферии, охватывает ядро, которое складывается при его участии. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический» принцип строения, не позволяет очертить четкую границу между разными типами признаков (зон), потому что фактуальная информация в поэтическом тексте становится образом, образ неотделим от ассоциативной зоны, т.к. именно ассоциативные связи придают особую экспрессивность образу.

В нашем случае мы выделили смысловую доминанту – город Киев, которая, являясь ядром поля, покрывает все его содержание. Данный концепт исследован нами как с позиций статики (лексикографический аспект, фактуальная информация), так и с позиций динамики – дискурсивный подход. Исследованию подлежали как ядро, так и периферийные зоны, мы их дифференцировали в процессе описания концепта, т.к. их статус и роль в структуре образа Киева различны.

Разработанная модель концепта «Киев» понимается как способ экспликации структуры и семантики концепта. Данная модель позволяет четче структурировать различный поэтический материал.

В результате анализа выяснилось, что языковые средства, репрезентирующие данный концепт, в поэтическом языке «работают» не так, как в обыденном языке. У них выявлены следующие особенности: 1) иная нагруженность фонем, звуков, их иные функции; их особое расположение в слове (аллитерация, ассонансы, анаграммирование); 2) во

имя соблюдения ритма наблюдаются сдвиги ударений; 3) рифма связывает семантику рифмующихся слов в единое целое, усиливая их смысл, образует после себя паузы, дающие возможность осмыслить строки и насладиться благозвучием слов; 4) любая часть речи при нарушении ее обычной встречаемости становится в стихах выразительной и образной; 5) относительно вольный синтаксис – широко используются нелитературные конструкции – архаичные, разговорные; часто встречается несовпадение стиховой и грамматической сегментации текста и др.; 6) огромна роль композиции, которая почти не имеет значения в обыденном языке.

Ядром данного концепта является словосочетание *город Киев*, который представлен в поэтических текстах целым рядом перифрастических номинаций, которые рассматриваются как составляющие концепта «Киев», т.к. они формируют содержание концепта.

Основные положения раздела опубликованы в статьях [20, 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В антропоцентрической парадигме язык рассматривается с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Вышедшие в последние годы монографии, коллективные труды и отдельные статьи отечественных исследователей содержат важные теоретические положения по вопросу о том, как структурированы в языке наши знания о мире. Изучением этого занимается когнитивная лингвистика в ее современной ипостаси – лингвоконцептологии.

Обращение к феномену поэтического концепта «Киев» обусловлено развитием лингвоконцептологии и теории дискурса. В современной лингвистике дискурс считается одним из самых неоднозначно определяемых понятий. Анализ научной литературы по данной проблеме и наши наблюдения показали, что можно говорить о дискурсе различных сфер знания, в том числе поэзии, которая репрезентирована особым языком – «языком поэзии», служащим для поэтического видения реальности и для презентации поэтического дискурса.

Привлечение поэтического дискурса вызвано как недостаточной исследованностью специфических особенностей поэтического текста, его внутренней динамики, так и богатством осмысления феномена Киева в поэзии.

Внимание к дискурсу как материалу исследования (поэтический дискурс о Киеве) привело к формированию идеи концепта «Киев» как дискурсного феномена.

На основании анализа и обобщения разных научных направлений в изучении концепта сформулированы следующие положения, существенные для избранной темы исследования.

В основе лингвоконцептологии лежит идея о том, что язык отражает специфический для него способ концептуализации мира. Сверхзадача лингвоконцептологии – построить концептосферу лингвокультуры, в которой найдут место и универсальные, общечеловеческие концепты, и концепты

национально-специфичные, и индивидуально-личностные (поэтические). Именно в поэтическом дискурсе в высшей степени проявляется креативность как особая функция языка. Образность поэтического слова, его выразительность, семантическая подвижность и вытекающая отсюда семантическая многоплановость и осложненность поэтического слова и всего текста предопределяются максимальной свободой, которой обладает языковой знак в поэтическом тексте.

Важнейшим понятием лингвоконцептологии является *концепт*. Поскольку мир состоит из бесчисленного множества уникальных фактов и событий, человеку свойственно их упрощать, обобщать и классифицировать посредством образов-концептов. Способность к образованию концептов является врожденной, а частью этой способности является знание правил образования концептуальных структур, развитие которых зависит от человеческого опыта.

Термин *концепт*, подобно термину *дискурс*, также является неоднозначно понимаемым термином. Мы обратились в своей работе к направлению, которое обозначают как «культурная концептология», которая открывает новые перспективы теоретических исследований и способствуют оптимизации процесса обучения языку, освоению национально-культурных особенностей страны изучаемого языка сквозь призму культуры, через понимание фундаментальных концептов национальной культуры, к которым относится и концепт «город Киев».

Концепт – это комплексная ментальная единица, сформировавшаяся в сознании народа и отражающая осмысление этносом предметов, явлений реального или идеального мира, закреплённая в словесной форме и являющаяся элементом культуры. В процессе мыслительной деятельности в концепте актуализируются различные признаки и слои.

На сегодняшний день в лингвистике сосуществует ряд терминов: *концепт*, *культурный концепт*, *лингвокультурный концепт*, *национально-культурный концепт*, *базовый концепт*, *фундаментальный концепт*,

национально маркированный концепт и т.д. Материалы диссертации дали основание для введения также термина *поэтический концепт*.

Мы исследовали лингвокультурный концепт, т. е. такое лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, который имеет имя / имена в языке и включает в себя понятие, значение, культурные коннотации, ассоциации и образ, связанные с именем концепта.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что поэтический концепт (как часть лингвокультурного концепта) – это факт или событие, возведенные (превращенные) в ассоциативный образ, подлежащий множественности интерпретаций. Поэтому значительное место в структуре поэтического концепта занимает интерпретационная зона, которая сводит воедино фактуальную и образно-ассоциативную информацию.

Таким образом, в ходе исследования нами было обосновано понятие *поэтического лингвокультурного концепта*, в котором отражены объекты реального *Киева* и возможного, сотворенного поэтом, мира, данного сквозь призму языка и опыта языковой личности поэта.

В соответствии с пониманием нами поэтического концепта и его структуры, мы предложили следующую методику, согласно которой выделили следующие процедуры и этапы исследования: 1) выявить информационно-понятийный слой: устанавливаем место данного концепта в концептосфере через обращение к энциклопедическому, толковому и этимологическому словарям; 2) вычленить образную составляющую, извлекаемую из прямых и переносных значений поэтического сверхтекста, а также когнитивные метафоры и др. тропы; 3) установить ассоциативные и коннотативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка, использование эвфемизмов и перифраз; 4) исследовать интерпретационное поле, которое реализуется с помощью парадигматических связей лексемы *Киев*, особенностей ее употребления в поэтических текстах, что выявляем в ходе их интерпретации.

Нами было установлено, что Киев представляет собой уникальную лингвокультурную и когнитивную (концептуальную) единицу, воплощающую в себе: 1) территориально, материально, духовно и культурно обособленную общность; 2) особую коммуникативную среду, так как поэзия коммуникативна по своей природе. Не случайно в последние годы языковой и коммуникативный образы различных городов все чаще попадают в фокус исследовательского внимания лингвистов.

При реконструкции концепта «Киев» был опробован интегративный подход, при котором учитываются как данные традиционной лингвистики (лексикографические источники, сведения из ономастики), так и семиотика, лингвистика текста, концептуальные исследования с их разнообразными приемами. Наполняясь в каждой из названных областей своим содержанием, концепт интергирует в себе многие знания о городе: архитектуру, улицы, памятники, музеи и т.д., созданные в процессе жизнедеятельности людей. Отраженные в поэзии в своей совокупности, они создают образную панораму концепта города.

С позиции семиотического подхода Киев представлен как текст культуры, текст в его широком, семиотическом понимании и как «сверхтекст» русской и украинской литературы и культуры, потому что он объединяет ряд поэтических произведений в единый «городской» текст, который можно назвать «киевским текстом». *Киевский текст* – это совокупность художественных произведений, концептуально организованных темой Киева. При отборе конкретных произведений для формирования Киевского текста основным критерием стало наличие в них ключевой лексемы *Киев*, описание городских реалий, атрибутов города, природы, исторических событий, святых и памятных мест города. Такое понимание Киевского текста позволило описать обширные (XIX – XXI в.в.) и подвижные текстовые массивы, объединенные общим объектом – Киевом.

Анализ узуального значения слова *город* как имени концепта, который является одной из составляющих более общего концепта «Киев», его

экспликация исследованы в работе по словарям разных типов и периодов (энциклопедических, исторических и толковых). Если энциклопедические словари в качестве характерного признака города выделяют признак его административного статуса, то, как концепт «город» включает в себя всю сумму накопленных личностью знаний, представлений о городе, среди которых выделяются и общие существенные признаки города Киева, и сугубо индивидуальные (авторские). Таким образом, лексикографическое представление концепта «город» существенно отличается от его концептуально-поэтического осмысления, что можно объяснить многомерностью поэтического дискурса и многослойностью художественного концепта.

Знаком концепта может быть не только имя нарицательное, но и имя собственное. Тогда оно становится предельным текстовым сообщением, в свернутом виде содержащем в себе всю информацию о познанном и познаваемом явлении. Таким образом, имя собственное не только закрепляет за собой осмысление значимого единичного явления, но и вводит знание о нем в концептосферу национального языка. Киев с этих позиций – это топоним (ойконим). Топонимы имеют разный потенциал концептуализации, который зависит от их известности и значимости для языковой личности, масштаба среды употребления ойконима, степени освоенности территории, наличия поэтического опыта и т.д. Как показали поэтические тексты, ойконим *Киев* имеет высокий потенциал концептуализации и рассматривается в поэзии как «свое» пространство.

Изученный нами корпус поэтических текстов позволил выявить основные смыслы, репрезентируемые поэзией: 1) Киев как наименование географического объекта (соотнесенность с денотатом, местоположение, ландшафт; 2) Киев как наименование места жизнедеятельности (утилитарность, прагматический аспект); 3) Киев как носитель культурной информации; 4) Киев как носитель исторической информации; 5) Киев как антропоморфный образ; 6) ойконим как «свое» или «чужое» пространство.

Наш материал показал, что концепт «Киев» имеет сложную полевую структуру и состоит из ядра и четырех зон (или групп признаков): 1) фактуальные, понятийные признаки, 2) образные признаки, 3) ассоциативное представление объекта, 4) интерпретационная зона.

Соотношение выделенных зон в структуре концепта имеет различную качественную и количественную значимость. Если с точки зрения качественной значимости важнейшим является интерпретационный слой (зона, признаки), то с количественной – фактуальная информация, т.к. поэзия – это преобразованный в искусстве фрагмент действительности, это факт, превращенный в образ. Как показал собранный нами материал (около 1600 поэтических текстов, 65,4 % составляют стихотворения, основанные на фактуальной информации; 14,9 % имеют большой ассоциативный потенциал, такая поэзия не просто называет факт, а формирует культурные представления народа. 19,7 % стихотворений являют собой яркие индивидуально-авторские образы Киева, в которых поэты объясняют и преобразуют мир города в своем творчестве. Выделение данных зон в значительной степени – условность, т.к. зоны перетекают одна в другую. Но их дифференциация и отдельное описание помогли лучше понять структуру поэтического концепта.

В данном концепте не просто выделяется ядро и периферия, но есть еще один слой – интерпретационный, который, будучи на периферии, охватывает ядро, которое складывается при его участии. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический» подход, не позволил очертить четкую границу между разными типами признаков (зон), потому что фактуальная информация в поэтическом тексте становится образом, образ неотделим от ассоциативной зоны, т.к. именно ассоциативные связи придают особую экспрессивность образу, а все вместе они становятся объектом для интерпретации.

В нашем случае выделяется смысловая доминанта – *город Киев*, которая, являясь ядром поля, покрывает все его содержание. Ядро представлено в поэтических текстах целым рядом перифрастических

номинаций, которые рассматриваются как составляющие концепта «Киев», т.к. они тоже формируют содержание концепта.

Данный концепт исследован нами как с позиций статики (лексикографический аспект, фактуальная информация), так и с позиций динамики – дискурсивный подход. Исследованию подлежало как ядро, так и периферийные зоны, мы их дифференцировали в процессе описания концепта, т.к. их статус и роль в структуре концепта-образа «Киев» различны.

Такой подход привел к формированию идеи концепта «Киев» как дискурсного феномена и особого поэтического концепта, который можно моделировать. В работе предложена модель концепта «Киев», которая понимается нами как способ экспликации структуры и семантики концепта. Данная модель позволяет структурировать различный поэтический материал.

В центре модели находится ядро *город Киев*, это основа концепта, его ключевое звено, к которому примыкают фактуальные признаки, целый ряд ассоциативных смыслов и образные признаки. Именно эти признаки ложатся в основу образа-концепта «Киев» и все вместе образуют целую систему символических смыслов, представляющих данный концепт как культурную и духовно-нравственную сущность. Это как раз и есть интерпретационная зона в нашем понимании, в которой нами установлен коллективный образ города, «*наш город*», «*град небесный*», созданный лучшими поэтами в стихах о Киеве.

В специальном разделе исследованы языковые средства, репрезентирующие данный концепт, которые в поэтическом языке «работают» не так, как в обыденном языке. Здесь 1) иная нагруженность фонем, звуков, их иные функции; их особое расположение в слове (аллитерация, ассонансы, анаграммирование); 2) во имя соблюдения ритма наблюдаются сдвиги ударений; 3) рифма связывает семантику рифмующихся слов в единое целое, усиливая их смысл. Кроме того, рифма способна образовывать после себя паузы, дающие возможность осмыслить строки и насладиться благозвучием слов; 4) с точки зрения лексики – это обилие эпитетов, метафор, сравнений и др. тропов 5) любая часть речи, при

нарушении ее обычной встречаемости, становится в стихах выразительной и образной – чаще всего это существительные, создающие статичный образ города; 6) относительно вольный синтаксис – широко используются нелитературные конструкции – архаичные, разговорные; часто встречается несовпадение стиховой и грамматической сегментации текста и др., 7) огромна роль композиции, которая почти не имеет значения в обыденном языке. Активны глаголы и его формы.

Для стихотворений о Киеве характерен более свободный синтаксис: в стихах поэтов XIX в. часто встречаются архаичные конструкции, а у поэтов второй половины XX в. – разговорные. Еще одна особенность синтаксиса поэтических текстов XIX в. – это естественный (прямой) рядок слов, в начале нечетных строк ударение падает на значимое слово, фраза тяготеет к вопросительно-отрицательной конструкции. К синтаксическим средствам можно отнести несовпадение стиховой и грамматической сегментации текста.

Таким образом, хотя природа концептов невербальна, они объективируются в языке с помощью слов, фразеосочетаний, структурных и позиционных схем предложений, целых текстов. Существенные признаки концепта в свернутом виде входят в лексическое значение слова ядра концепта, которое отражает понятие как его дефиницию. Однако изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Когнитивный подход часто вскрывает факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных методов, что и показано в данном исследовании.

Проведенное исследование открывает перспективы для развития украинской когнитивной ономастики, в частности в области исследования культурного потенциала топонимов, релевантных для описания языковой картины мира.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

- БСЭ — Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — [3-е изд.]. — М. : Советская энциклопедия, 1969. — Т. 12 : Кварнер— Конгур. — 1973. — 624 с.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
- БУСРЯМ — Большой универсальный словарь русского языка / под ред. проф. В. В. Морковкина. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 1500 с.
- БЭС — Большой Энциклопедический словарь / сост. А. М. Прохоров. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — М. : Большая российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 2001. — 1456 с.
- БЮС — Большой юридический словарь / [авт.-сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др.] ; [под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских]. — М. : Инфра-М, 2003. — 704 с.
- ВКП — Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Киев>.
- ВТС — Вільний тлумачний словник: новітній онлайнний словник української мови (2013—2017) [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://sum.in.ua/f/kyjiv>.
- ГНМТС — Географические названия мира : топонимический словарь [Электронный ресурс] / Евгений Михайлович Поспелов — М. : АСТ, 2001. — Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/2351/Киев.
- ИЭССРЯ — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов : [в 2 т.] / Павел Яковлевич Черных. — М. : Русский язык, 1999. — Т. 1 : А — Пантомима. — 623 с.
- ЗУЕ — Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / Віталій Вікторович Жайворонок. — К. : Довіра, 2006. — 703 с.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

- НТССРЯ — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : [в 2 т.] / Татьяна Федоровна Ефремова. — М. : Русский язык, 2000. — Т. 1 : А–О. — 1213 с. ; Т. 2 : П–Я. — 1084 с.
- ПВЛ — Повесть временных лет : [в 2 ч.] / [подгот. текста Д. С. Лихачева] ; [пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова] ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц ; АН СССР. — [1-е изд.]. — М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1950. — Ч. 1 : Текст и перевод. — 407 с.
- РАС — Русский ассоциативный словарь : [в 2 т.] / [Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов]. — М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2002. — Т. 2. — 784 с.
- СА — Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне ; пер. с нем. ; [отв. ред В. И. Кузищин]. — М. : Эллис Лак; Прогресс, 1994. — 704 с.
- САР — Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Въ Санктпетербургѣ : При Императорской Академии Наукъ, 1806—1822. — Ч. I : А — Д. — 1806. — 1310 стб.
- СДЯА — Словарь древнерусского языка (IX—XIV вв.) : [в 10 т.] / [АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов]. — М. : Русский язык, 1988—. — Т. 2 : Възалкати — Добродѣтсльникъ. — 1989. — 494 с.
- СДЯС — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : [в 3 т.] / Измаил Иванович Срезневский. — [репр. воспроизведение изд.]. — М. : Книга, 1989. — Т. 1. — 808 с.
- СРС — Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://словарь-синонимов.рф/words/столица>.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. Ю. С. Сорокин]. — Л. : Наука, 1989. — Вып. 5. — 256 с.
- СРЯЕ — Словарь русского языка : [в 4 т.] / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; [под ред. А. П. Евгеньевой]. — [4-е изд., стер.]. — М. : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. — 702 с.

- ССГН — Словарь современных географических названий [Электронный ресурс] / под общ. ред. акад. В. М. Котлякова. — Екатеринбург : У-Фактория, 2006. — Режим доступа : <http://lingvodics.com/dics/details/1780>.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / гл. ред. В. И. Чернышов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — Т. 3 : Г—Е. — 1954. — 1340 с.
- ССРЯ — Словарь синонимов русского языка : около 11 000 синоним рядов : практический справочник / Зинаида Евгеньевна Александрова. — [11-е изд., перераб. и доп.]. — М. : Русский язык, 2011. — 568 с.
- СЭИ — Современная энциклопедия 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/22458>.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь / под. ред. А. М. Прохорова. — М. : Советская Энциклопедия, 1980. — 1600 с.
- ТСРЯД — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] / Владимир Иванович Даль ; [под. ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ]. — М. : Цитадель, 1998. — Т. 1 : А—З. — 944 с. ; Т. IV : Р—V. — 832 с.
- ТСРЯОШ — Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова — [4-е изд., доп.]. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
- ТСРЯУ — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. — Т. I : А — Кюрины. — 1935. — 1562 стб. ; Т. IV : С — Ящурный. — 1940. — 1502 стб.
- ЭГС — Страны и города : современная иллюстрированная энциклопедия [Электронный ресурс] / [Аксенова Л. А., Галкина Т. А., Гладкевич Г. И.] ; [гл. ред. А. П. Горкин]. — М. : Росмен, 2008. — 576 с. — Режим доступа : <http://librarius.md/ru/book/001339-strany-i-goroda-enciklopediya>.
- ЭРЦ — Энциклопедия русской цивилизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.rusk.ru/st.php?idar=172944>.

- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : [в 86 т.] / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб. : Семеновская типолитография И. А. Ефрона, 1891. — Т. XV : Керосинь — Коайе. — 1895. — 478 с.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка : [в 4 т.] / Макс Фасмер ; [под ред. Б. А. Ларина]. — [2-е изд., стер.]. — М. : Прогресс, 1986. — Т. II : Е — Муж. — 1986. — 672 с.
- ЭТКМ — Энциклопедия туризма Кирилла и Мефодия. 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [http.
dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/2351/Киев](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/2351/Киев).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашеев В. В. Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века / Владимир Васильевич Абашеев. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
2. Авдоница Л. Н. Номинативное поле концепта «Петербург» / Л. Н. Авдоница // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2009. — № 2. — С. 5—7.
3. Анциферов Н. П. Современные города / Н. П. Анциферов, Т. Н. Анциферова. — Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. — 228 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике / Н. Ф. Алефиренко // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ, (Санкт-Петербург, 30 июня. — 5 июля. 2003 г.) : [в 2 т.]. — СПб. : Политехника, 2003. — Т. 1. — С. 9—18.
5. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта : теоретическое исследование / Николай Федорович Алефиренко. — Волгоград : Перемена, 2003. — 274 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Николай Федорович Алефиренко. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 282 с.
7. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки в языке / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : юбилейный сб. науч. тр. к 65-летию д-ра филол. наук, проф., Заслуж. деят. науки РФ Николая Фёдоровича Алефиренко / сост. : И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. — М. : Флинта : Наука, 2011. — С. 16 — 27.

8. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / Анатолий Павлович Бабушкин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. — 104 с.
9. Бахтикиреева У. М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева / У. М. Бахтикиреева // Национальные образы мира в художественной культуре : материалы междунар. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929—2008), (Нальчик, 24—26 окт. 2014 г.) / Мин-во образования и науки РФ, Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. — Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. — С. 23—29.
10. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : сб. ст. / М. М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
11. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — С. 281 — 308.
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист. — М. : Прогресс, 1974. — 447 с.
13. Бердїй Т. Своєрідність української ментальності / Т. Бердїй // Людинознавчі студії : [зб. наук. пр. Дрогобицького держ. пед. ун-ту ім. І. Франка]. — Дрогобич : Вимір, 2000. — Вып. 2. — С. 94—103.
14. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры : два философских введения в двадцать первый век / Владимир Соломонович Библер. — М. : Изд-во политической литературы, 1991. — 412 с.
15. Блок А. А. Краски и слова / Александр Александрович Блок // Собр. соч. в 8 т. — М., Л. : Гос. изд. худ. лит., 1962. — Т.4. — С. 19—25
16. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Нина Сергеевна Болотнова. — М. : Флинта, наука, 2006. — 520 с.

17. Бубнова Н. В. Оним Смоленск в составе общенациональных фоновых знаний (на материале национального корпуса русского языка) / Н. В. Бубнова // Язык и культура. — 2014. — № 3 (27). — С. 23—41.
18. Бураго Е. Г. Киев как лингвокультурный концепт / Е. Г. Бураго // Мова і культура : зб. наук. праць. — К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. — Вип. 18. — Т. II (177). — С. 130—137.
19. Бураго Е. Г. Лингвоконцептология как междисциплинарная область научных знаний / Е. Г. Бураго // Мова і культура : наукове видання : зб. наук. праць. — К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. — Вип. 18. — Т. III (178). — С. 31—39.
20. Бураго Е. Г. Персонификация города в поэзии: Киев как текст культуры / Е. Г. Бураго // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. — С. 39—40.
21. Бураго Е. Г. Семиотика города: Киев как способ организации пространства / Е. Г. Бураго // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць. — К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. — Вип. 55. — Ч. 2. — С. 424—428.
22. Бураго Е. Г. Структура концепта и методика его описания / Е. Г. Бураго // Мова і культура : зб. наук. праць. — К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. — Вип. 18. — Т. IV (179). — С. 102—108.
23. Бураго Е. Г. Концепт как важнейшая структура представления знаний в языковом сознании / Е. Г. Бураго // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды : сб. науч. ст. — Харьков : Изд-во. нац. пед у-та им. Г. Сковороды, 2016. — № 1(56). — С. 61—66.
24. Бураго Е. Г. Образ Киева как текст в семиотическом аспекте / Е. Г. Бураго // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. — С. 212—215.

25. Бураго Е. Г. Семиотика города: Киев как текст культуры / Е. Г. Бураго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — М. : ИПК РУДН, 2016. — № 2. — С. 35—40.
26. Бураго Е. Г. Топоним «Киев» как концепт / Е. Г. Бураго // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. — С. 213—215.
27. Бураго С. Б. Набег язычества на рубеже веков / Сергей Борисович Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2015. — 672 с.
28. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1996. — 416 с.
29. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
30. Вейдле В. Музыка речи / В. Вейдле // Музыка души и музыка слова : лики культуры : культурологический альманах. — М. : ИНИОН РАН, 1995. — С. 23—39.
31. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1999. — 156 с.
32. Верещагин Е. М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Икар, 1999. — 124 с.
33. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский. — М. : Наука, 1991. — 271 с.
34. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Виктор Владимирович Виноградов. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 255 с.

35. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы : избранные труды / В.В. Виноградов ; [отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудакова ; АН СССР]. — М. : Наука, 1976. — 511 с.
36. Виноградов В. А. О единстве и взаимодействии языка и культуры / Виктор Алексеевич Виноградов // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии : сб. ст / под ред. Е. П. Челышева. — М. : Азбуковник, 2010. — С. 13—17.
37. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Григорий Осипович Винокур ; [предисл. С. Бархударова] ; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. — М. : Учпедгиз, 1959. — 492 с.
38. Винокур Г. О. Филологические исследования : лингвистика и поэтика / Григорий Осипович Винокур. — М. : Наука, 1990. — 451 с.
39. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Григорий Осипович Винокур ; [сост. Т. Г. Винокур ; предисл. В. Григорьева]. — М. : Высш. шк., 1991. — 447 с.
40. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.
41. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа : [монография] / Сергей Григорьевич Воркачев ; М-во образования Рос. Федерации. Куб. гос. технол. ун-т. — Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. — 140 с.
42. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / Сергей Григорьевич Воркачев. — Волгоград : Перемена, 2003. — 164 с.
43. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / Сергей Григорьевич Воркачев — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004 — 236 с.
44. Воробйова О. П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О. П. Воробйова // Вісник Київського національного

- лінгвістичного університету. Серія : Філологія. — К. : Вид-во КНЛУ, 2011. — Т. 14, № 2. — С. 53—64.
45. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : учеб. пособие / Владимир Васильевич Воробьев. — М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. — 332 с.
 46. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Илья Романович Гальперин. — М. : Наука, 1981. — 139 с.
 47. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха : метрика, ритмика, рифма, строфика / Михаил Леонович Гаспаров. — М. : Наука, 1984. — 319 с.
 48. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки. — М. : Наука, 1967. — № 1. — С. 77—92.
 49. Герд А. С. Введение в этнолингвистику : учеб. пособие / Александр Сергеевич Герд. — СПб. : СПбГУ. Языковой центр, 1995. — 92 с.
 50. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу / Ірина Олександрівна Голубовська. — К. : Логос, 2004. — 282 с.
 51. Гольц Г. Л. Город и его культурно-уровневые показатели в определении и измерении урбанизации / Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. ст. / отв. ред. Э. В. Сайко ; РАН. — М. : Наука, 1995. — С. 47—59.
 52. Грехнева Л. В. Функции перифрастической номинации / Л. В. Грехнева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : труды и материалы Междунар. науч. конф., (Казань, 11—13 дек. 2001 г.) : [в 2 т.] / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. — Т. 1. — С. 160—162.
 53. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / Виктор Петрович Григорьев. — М. : Наука, 1979. — 343 с.
 54. Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Гришанин

- Никита Владимирович ; С.-Петербур. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб., 2007. — 160 с.
55. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Дмитрий Борисович Гудков. — М. : Изд-во Москв. ун-та, 1999. — 152 с.
 56. Гуляев В. И. Древнейший город Месопотамии и Мезоамерики: общее и особенное / Город как социокультурное явление исторического процесса : процесса : сб. ст. / отв. ред. Э. В. Сайко ; РАН. — М. : Наука, 1995.— С. 66—70.
 57. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. — М. : Прогресс, 1984. — 400 с.
 58. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт. — М. : Прогресс, 1985. — 450 с.
 59. Гурская Ю. А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Ю. А. Гурская ; Белорусский гос. пед. ун-т имени Максима Танка. — Минск, 2009. — 44 с.
 60. Давыдов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта / А. Н. Давыдов // Культура Русского Севера : сб. ст. / под ред. К. В. Чистова ; АН СССР, Науч. сов. по истории мировой культуры. — Л. : Наука, 1988. — С. 86—99.
 61. Даренский В. Индустриальный «псевдоландшафт» как экзистенциальный феномен / В. Даренский // Образ Києва в контексті історії, філософії, культури : Києвознавчі читання (30 верес. — 2 жовт. 2004 р.) / Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України ; голов. ред. М. Попович. — К. : ПАРАПАН, 2005. — С. 178—186.
 62. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : [сб. тр.] / Тён Адрианус ван Дейк ; [пер. с англ. ; сост. В. В. Петрова]. — М. : Прогресс, 1989. — 310 с.

63. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука в конце XX века : [сб. ст.] / Ин-т языкознания РАН ; под ред. Ю. С. Степанова. — М. : ИЯ РАН, 1995. — С. 239—320
64. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные национальные (идиоэтнические) стратегии / Валерий Закиевич Демьянков // Язык и культура : факты и ценности : к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. ред. : Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — С. 309—323.
65. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — М. : ИЯ РАН, 2001. — № 1. — С. 35—47.
66. Демьянков В. З. Парадигма с человеческим лицом: человек и его язык / В. З. Демьянков // Языковая личность: текст, словарь, образ мира : к 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова : [сб. ст.] / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; Российский ун-т дружбы народов. — М. : РУДН, 2006. — С. 391—414.
67. Денисенко В. Н. Семантическое поле "изменение" в русской языковой картине мира : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В. Н. Денисенко. — М : РУДН., 2005. — 44 с.
68. Елисеева О. В. Замещающая функция символа как критерий выделения символического наполнения концептов / О. В. Елисеева // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — СПб. : РГПУ, 2008. — № 24 (55). — С. 100—105.
69. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / Віталій Вікторович Жайворонок. — К. : Довіра, 2006. — С. 282.
70. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество : исследование по семиотике, психолингвистике, поэтике : избранные труды / Николай Иванович

- Жинкин ; [сост., прим., биографич. очерк С. И. Гиндина]. — М. : Лабиринт, 1998. — 364 с.
71. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВорГУ, 2001. — С. 36—46.
 72. Иванова Л. П. «Мачеха российских городов» в лингвоимагологическом аспекте / Л. П. Иванова // Collegium : междунар. науч.-худ. журн. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — № 26 . — С. 243—248.
 73. Ильин И. П. Дискурс / И. П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энцикл. справочник / науч. ред., сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. — М. : ИНИОН, 1996. — С. 45.
 74. Ильин В. Г. Город как концепт культуры : дис. ... доктора социолог. наук : 24.00.01 / Ильин Виктор Григорьевич ; Ростовский гос. пед. ун-т. — Ростов-на-Дону, 2004. — 331 с.
 75. История Киева : [в 2 т.] / Ин-т истории АН УССР ; глав. ред. А. К. Касименко. — К. : Изд-во АН УССР, 1963. — Т. 1. — 664 с.
 76. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : [сб. науч. тр.] / ВГПУ, ПМПУ. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 3—15.
 77. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : [сб. науч. тр.] / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20.
 78. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 75—80.
 79. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.

80. Кириченко О. К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Кириченко Оксана Каримовна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — СПб., 2005. — 215 с.
81. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / Мария Львовна Ковшова. — М. : Либроком, 2012. — 453 с.
82. Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. — Л. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. — Вып. 3, № 16. — С. 30—40.
83. Колесов В. В. Философия русского слова / Владимир Викторович Колесов. — СПб. : Юна, 2002. — 448 с.
84. Колесов В. В. Язык и ментальность / Владимир Викторович Колесов. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. — 240 с.
85. Коч Н. В. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема / Н. В. Коч // Наукові записки. Серія : Філологічні науки. — Кіровоград : РВВ КДПУ, 2010. — Вип. 98 (1). — С. 316—320.
86. Корчевская Г. П. Концепт «Москва» в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М. И. Цветаевой : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Корчевская Галина Петровна ; Дальневосточный гос. ун-т. — Владивосток, 2002. — 249 с.
87. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания / Александр Владимирович Кравченко. — Иркутск : БГУЭП, 2008. — 320 с.
88. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / Виктория Владимировна Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.
89. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / Виктория Владимировна Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
90. Красных В. В. Homo loguens и система координат культуры / В. В. Красных // Языковая личность: текст, словарь, образ мира : к 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова : [сб. ст.] /

- Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; Российский ун-т дружбы народов. — М. : РУДН, 2006. — С. 40—48.
91. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина]. — М. : МГУ, 1996. — 248 с.
 92. Крымский С. Б. Под сигнатурой Софии / С. Б. Крымский, Ю. В. Павленко // Collegium : междунар. науч.-худож. журн. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2001. — № 11. — 28 с.
 93. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – Текст – Культура : [кол. монография] / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : ИРРО, 1994. — С. 214—233.
 94. Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков : геокультурный аспект / Ольга Александровна Лавренова. — М. : Ин-т Наследия, 1998. — 95 с.
 95. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : [монография] / Ольга Аркадьевна Леонтович. — Волгоград : Перемена, 2002. — 435 с.
 96. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований / Ольга Аркадьевна Леонтович. — М. : Гнозис, 2011. — 224 с.
 97. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.
 98. Лингвоконцептология : перспективные направления / [авт. кол. : А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, О. П. Воробьева и др.] ; [под ред. А. Э. Левицкого]. — Луганск : ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. — 623 с.
 99. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Серия : литературы и языка. — 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3—9.
 100. Лотман Ю. М. К проблеме пространственной семиотики / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту : Изд-во Тартусского ун-та,

1986. — Вып. 19 : Семиотика пространства и пространство семиотики. — С. 3—6. — (Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 720).
101. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю. М. Лотман. — М. : Просвещение, 1988. — С. 251—292.
 102. Лотман Ю. М. Избранные статьи : [в 3 т.] / Юрий Михайлович Лотман. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. — 1992. — 472 с.
 103. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Юрий Михайлович Лотман. — М. : Гнозис, Изд. группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
 104. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : [в 3 т.] / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 2 : Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. — 478 с.
 105. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек, текст, семиосфера, история / Юрий Михайлович Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
 106. Макаров А. Были и небылицы старого Киева / Анатолий Макаров. — К. : Скай Хорс, 2013. — 282 с.
 107. Мандельштам О. Шуба / О. Мандельштам // Собрание сочинений в четырех томах. — М. : ТЕРРА, 1991. — Т. III и IV. — С. 507—510.
 108. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили. — М. : Прогресс, 1990. — 365 с.
 109. Мартинюк А. П. Перспективи дослідження концептів у світлі інтегративної теорії мови // А. П. Мартинюк // Studia Germanica et Romanica : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання : [наук. журн.]. — Донецьк : Дон НУ, 2008. — Т. 5, № 2 (14). — С. 20—33.
 110. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / Валентина Авраамовна Маслова. — М. : Наследие, 1997. — 208 с.

111. Маслова В. А. Лингвокультурология : [учеб. пособие для студ. вузов] / Валентина Авраамовна Маслова. — М. : Academia, 2001. — 208 с.
112. Маслова В. А. Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой : [учеб. пособие] / Валентина Авраамовна Маслова. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 256 с.
113. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : [учеб. пособие] / Валентина Авраамовна Маслова. — [3 изд., перераб. и доп.]. — Минск : Тетра Системс, 2008. — 272 с.
114. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке / Жанна Николаевна Маслова. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — 280 с.
115. Мегирьянц Т. А. Концепт «город» в творчестве Б. Пастернака : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Мегирьянц Татьяна Анатольевна ; Воронежский гос. ун-т. — Воронеж, 2002. — 198 с.
116. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис, Т. И. Печерская. — Новосибирск : Изд-во ННРУ, 2003. — 169 с. — Режим доступа : <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>
117. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория / С. М. Мезенин // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 1983. — № 6. — С. 48—57.
118. Меркулова А. И. Миф о городе в современной русской прозе : романы Д. Липскерова «Сорок лет Чанчжоэ» и Ю. Буйды «Город Палачей» : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Меркулова Алина Сергеевна ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М. : МГУ, 2006. — 203 с.
119. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Нина Борисовна Мечковская. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 207 с.
120. Мечковская Н. Б. Семиотика : язык, природа, культура / Нина Борисовна Мечковская. — М. : Академия, 2004. — 428 с.

121. Милукова Е. В. Челябинск : окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция : миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — М. ; СПб. : Лань, 2000. — С. 324—334.
122. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. — М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. — 280 с.
123. Москва и "московский текст" русской культуры : сб. ст. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, отв. ред. Г.С. Кнабе. — М. : РГГУ, 1998. — 224 с.
124. Невзглядова Е. В. Звуковая организация и звуковая интерпретация стихотворной речи (поэтический слух с филологической точки зрения) / Е. В. Невзглядова // Известия АН. Серия : литературы и языка. — М. : Наука, 2003.— Т. 62, № 3. — С. 24—37.
125. Немчинов В. М. Метафизика города / В. М. Немчинов // Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. ст. / отв. ред. Э. В. Сайко ; РАН. — М. : Наука, 1995. — С. 234—240.
126. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре : концептуализм Абеяра / Светлана Сергеевна Неретина. — М. : Гнозис; 1994. — 216 с.
127. Никонов В. А. Введение в топонимику / Владимир Андреевич Никонов. — М. : Наука, 1965. — 180 с.
128. Никулина Н. М. Город на стыке востока и запада во II-I тыс. до н.э. (Акрополь как центр и связующий компонент) / Н. М. Никулина // Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. ст. / отв. ред. Э. В. Сайко ; РАН. — М. : Наука, 1995. — С. 75—87.
129. Ничипорович Е. Индивидуальное языковое сознание и национальная лингвоконцептосфера: метафоры креативного взаимодействия / Е. Ничипорович // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук : материалы конф., (Москва, 25—27 янв. 2008 г.) / Ин-т языкознания РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М. ; Калуга : Эйдос, 2008. — С. 192—201.

130. Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка / Андрей Борисович Новиков. — М. : Русский язык, 2004. — 352 с.
131. Новое в когнитивной лингвистике : материалы I Междунар. науч. конф., (Кемерово, 29—31 авг. 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : КемГУ, 2006. — 1002 с.
132. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : [монография] / Андрей Владимирович Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
133. Пахарева Т. А. Стихотворение Ин. Анненского «Киевские пещеры» и «киевский текст» русской литературы / Collegium : междунар. науч.-худож. журн. — Киев : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 115—120.
134. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1 (001). — С. 82—90.
135. Пименова М. В. Концептуальный анализ языка: типы концептов / М. В. Пименова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы XI Междунар. конф., (Владимир, 29 сент. — 1 окт. 2015 г.) / Владимирский гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. — Владимир : Транзит-ИКС, 2015. — С. 411—421.
136. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста : психолингвистический аспект / Вера Антольевна Пищальникова. — Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1992. — 133 с.
137. Пищальникова В. А. Введение в психопэтику / В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. — 211 с.
138. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
139. Потебня А. А. Слово и миф / Александр Афанасьевич Потебня. // Мысль и язык / А. А. Потебня. — М. : Правда, 1989. — С. 17—200.

140. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / Александр Афанасьевич Потебня. — М. : Высш. школа, 1990. — 342 с.
141. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / Анатолій Миколайович Приходько. — Запоріжжя : Прем'єр, 2008. — 332 с.
142. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Юрий Евгеньевич Прохоров. — М. : Флинта ; Наука, 2009. — 176 с.
143. Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах / [Бессонова О. Л., Сарбаш О. С., Трофімова О. В., Олійник С. В., Стоянова І. Д.] ; [за заг. ред. О. Л. Бессонової]. — Донецьк : ДонНУ, 2012. — 359 с.
144. Разумова И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX — XX вв.) / И. А. Разумова // Русская провинция : миф — текст — реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — М. ; СПб. : Лань, 2000. — С. 324 — 334.
145. Рикер П. Живая метафора. Седьмой очерк: метафора и референция [Электронный ресурс] / П. Рикер // Horizon. — 2015. — No. 4 (1). — П : Translations and Commentaries : P. Ricoeur / trans. by F. Stanzhevskiy ; ed. by G. Vdovina. — P. 175—219. — Режим доступа : <http://oaji.net/articles/2016/2888-1466418499.pdf>.
146. Румянцева И. М. Психолінгвістическіе механизмы и методы формирования речи (на материале обучения иностранным языкам) / Ирина Михайловна Румянцева ; [отв. ред. А. М. Шахнарович]. — М. : ИЯ РАН, 2000. — 134 с.
147. Сайко Э. В. Введение / Город как социокультурное явление исторического процесса : сб. ст. / отв. ред. Э. В. Сайко ; РАН. — М. : Наука, 1995. — С. 3—8.
148. Самойлова Е. В. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности севернорусской деревни / Е. В. Самойлова // Фольклор и этнография : к девяти столетию со дня рождения

- К. В. Чистова : [сб. науч. ст.] / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; [отв. ред. : А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская]. — СПб. : МАЭ РАН, 2011. — С. 251—268.
149. Сванидзе А. А. О феномене средневекового урбанизма: заметки в связи с конференцией / А. А. Сванидзе // Средние века. — 1995. — Вып. 58. — С. 88—94.
 150. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : [підручник] / Олена Олександрівна Селіванова. — Полтава : Довкілля-К., 2008. — 712 с.
 151. Семиотика : [сб. переводов] / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Радуга, 1983. — 636 с.
 152. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдуард Сепир ; [пер. с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика]. — М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. — 656 с.
 153. Сигал К. Я. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях / К. Я. Сигал, Н. М. Юрьева. — М. : Ключ-С, 2009. — 240 с.
 154. Синельникова Л. Н. К вопросу о сущности перифразы / Л. Н. Синельникова // Вопросы грамматического строя современного русского языка : сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Прокопович. — М. : Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1972. — С. 255—261.
 155. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Геннадий Геннадьевич Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 260 с.
 156. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Юрий Александрович Сорокин. — М. : Наука, 1985. — 168 с.
 157. Сорокин Ю. А. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. — М. : Наука, 1988. — С. 5—18.
 158. Соснин А. В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А. В. Соснин ;

- ФАО ГОУВПО Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова.
— Нижний Новгород, 2007. — 19 с.
159. Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика / Георгий Владимирович Степанов ; [отв. ред. Д. С. Лихачев ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз.]. — М. : Наука, 1988. — 380 с.
 160. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : [сб. ст.] / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Изд-во РГГУ, 1995. — С. 35—73.
 161. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Юрий Сергеевич Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
 162. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Юрий Сергеевич Степанов. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 311 с.
 163. Степанов Ю. С. Протей : очерки хаотической революции / Юрий Сергеевич Степанов. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 264 с.
 164. Степанов Ю. С. Концепты : тонкая пленка цивилизации / Юрий Сергеевич Степанов. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
 165. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : [науч. изд.] / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. — С. 58—65.
 166. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 65—69.
 167. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания : избранные работы / Иосиф Абрамович Стернин. — [2-е изд.]. — Москва / Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 1077 с.
 168. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Нонна Ивановна Сукаленко. — К. : Наукова думка, 1992. — 164 с.

169. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Александра Васильевна Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 366 с.
170. Суходуб Т. Д. На переломе эпохи и судьбы (вместо предисловия) / Т. Д. Суходуб // «Культурное пограничье» Льва Шестова / [под. ред. Г. Е. Аляева, М. Ю. Савельевой, Т. Д. Суходуб] ; [Общество русской философии при Укр. филос. фонде ; Центр гуманитарного образования НАН Украины]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 3—26.
171. Тарасов Е. Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) / Е. Ф. Тарасов // Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конф., (14—15 апр. 2010 г.) / ИЯ РАН ; отв. ред. Е. Ф. Тарасов. — М. : Эйдос, 2010. — С. 3—8.
172. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова : когнитивный аспект / Ирина Анатольевна Тарасова. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — 280 с.
173. Таценко Н. В. «Концепт» як ключове поняття когнітивної лінгвістики / Н. В. Таценко // Вісник Сумського державного університету. Серія : Філологія. — 2008. — № 1. — С. 105—110.
174. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : [в 2 ч.] / Владимир Андреевич Звегинцев. — М. : Учпедгиз, 1960. Ч. 1. — С. 68—86.
175. Теля В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Вероника Николаевна Теля. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 284 с.
176. Теля В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Теля // Фразеология в контексте культуры / под. ред. В. Н. Теля. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.
177. Теля В. Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме

- частной эпистемологии лингвокультурологии) // В. Н. Телия // С любовью к языку : посвящ. Е. С. Кубряковой : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. — М. — Воронеж : Ин-т языкознания РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. — С. 89—97.
178. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. — М. : Слово/Slovo, 2000. — 264 с.
 179. Теркулов В. И. Антропологистика: мифологемы в гендерном аспекте / В. И. Теркулов // Антропология языка : сб. ст. / отв. ред. С. Р. Омельченко. — М. : Флинта : Наука, 2010. — Вып. 1. — С. 103—118.
 180. Толочко П. П. Древний Киев в представлении современников / Київ і Русь : вибрані твори 1998 — 2008 рр. / Петро Петрович Толочко. — К. : Академперіодика, 2008. — 348 с.
 181. Томашевский Б. В. Стих и язык : филологические очерки / Борис Викторович Томашевский. — М. ; Л. : ГИХТ, 1959. — 469 с.
 182. Томашевский Б. В. Теория литературы : поэтика : [учеб. пособие] / Борис Викторович Томашевский. — М. : Аспект Пресс, 2001. — 331 с.
 183. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура : сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян. — М. : Наука, 1983. — С. 227—284.
 184. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / Владимир Николаевич Топоров // Труды по знаковым системам. — Тарту : ТГУ, 1984. — Вып. XVIII : Семиотика города и городской культуры. — С. 3—29. — (Ученые записки Тартусского гос. ун-та).
 185. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / Владимир Николаевич Топоров. — М. : Прогресс, 1995. — 624 с.
 186. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / Владимир Николаевич Топоров. — СПб. : Искусство-СПб., 2003. — 616 с.
 187. Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель

- языкового сознания русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты : [сб. ст.]. — Москва ; Барнаул : Ин-т Языкознания РАН ; Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 189—202.
188. Успенский Б. А. Поэтика композиции : структура художественного текста и типология композиционной формы / Борис Андреевич Успенский. — М. : Искусство, 1970. — 225 с.
 189. Успенский Б. А. История и семиотика / Б. А. Успенский // Избранные труды : [в 3 т.] / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки Русской Культуры», 1996. — Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. — С. 9—70.
 190. Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / Мишель Фуко. — М. : Прогресс, 1977. — 488 с.
 191. Флоренский П. А. Сочинения : [в 2 т.] / Павел Александрович Флоренский. — М. : Правда, 1990. — Т. 2 : У водоразделов мысли. — 446 с.
 192. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / Павел Александрович Флоренский. — М. : Прогресс, 1993. — 324 с.
 193. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / Ольга Игоревна Фонякова. — Л. : ЛГУ, 1990. — 104 с.
 194. Хлебников В. Творения : [сборник] / Велимир Хлебников ; [сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса ; общ. ред. М. Я. Полякова]. — М. : Сов. писатель, 1986. — 734 с.
 195. Чайка С. А. Лингвокультурологическое исследование концепта *город* в иностранной аудитории (на материале русского городского фольклора) : дис. ... кандидата пед. наук : 13.00.02 / Чайка Светлана Александровна ; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2002. — 181 с.
 196. Чернейко Л. О. Имя «судьба» как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестник

- Московского университета. Серия 9 : Филология. — М. : МГУ, 1996. — № 6. — С. 20—21.
197. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : [в 2 т.] / Павел Яковлевич Черных. — [2-е изд., стер.]. — М. : Рус. яз., 1994. Т. 1 : а — пантомима. — 623 с.
 198. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / Виктор Михайлович Шаклеин. — М. : Общество любителей российской словесности, 1997. — 184 с.
 199. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : [монография] / Виктор Михайлович Шаклеин. — М. : Флинта, 2012. — 301 с.
 200. Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия / Е. В. Шелестюк // *Mentalitat und Mentales* / Hrsg. Von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau : Verlag Empirische Padagigic, 2003. — S. 32—45.
 201. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Лев Владимирович Щерба. — М. : Учпедгиз, 1956. — 188 с.
 202. Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда : геокультурологическое исследование по русской классической литературе / Василий Георгиевич Щукин. — Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. — 315 с.
 203. Этническое и языковое самосознание : материалы междунар. науч. конф., (Москва, 13—15 дек.) / отв. ред. В. П. Нерознак. — М. : ФИАН — фонд, 1995. — 178 с.
 204. Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. — М. : Наука, 1988. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
 205. Юдина Т. А. Концепт «Оренбург» в произведениях русских писателей XIX – XX веков : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. А. Юдина ; ГОУВПО «Оренбургский гос. ун-т». — Оренбург, 2009. — 32 с.

206. Яворская Г. М. Звук и тело (к вопросу о языковой концептуализации физических ощущений) / Г. М. Яворская // *Studia Linguistica* : [зб.наук. пр.]. — К. : Київський ун-т, 2009. — Вип. 3. — С. 355—362.
207. Яковлева Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // *Вопросы языкознания*. — 1993. — № 4. — С. 48—62.
208. Якобсон Р. Работы по поэтике / Роман Осипович Якобсон. — М. : Прогресс, 1987. — 464 с.
209. Fleischer M. Die moderne deutsche Kollektivsymbolik vor dem Hintergrund der polnischen Variante / M. Fleischer // *Von der Einwortmetapher zur Satzmetapher. Studien zur Phraseologie und Parömiologie*. — Bochum : Universitätsverlag N. Brockmeyer, 1995. — S. 121—162.
210. Sherzer J. The Ethnography of Speaking: A Critical Appraisal / J. Sherzer // *Linguistics and Antropology* / ed. M. Saviile-Troike. — Washington D.C. : Georgetown Un.Press, 1977. — P. 43—58.
211. Skog-Södersved M. Der Arbeit aus dem Wege gehen. Zur Beschreibung und Bewertung der Faulheit im Deutschen und Schwedischen / M. Skog-Södersved, A. Stedje // *Ethische Konzepte und mentale Kulturen. Auf der Suche nach ethischen Konzepten in Wortschatz und Phraseologie* / Hg. M. Skog-Södersved. — Umea : Swedisch Science Press, 1997. — S. 127—162.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Антологии и сборники

1. Киев в русской поэзии / сост. С. И. Пономарев. — Киев : [б.и.], 1878. — 116 с.
2. Антология современной русской поэзии Украины / ред.-сост. М. М. Красилов. — Х. : Крок, 1998. — Т. 1. — 275 с.
3. Дом с химерами : поэтический сборник / сост. М. Муляр, Л. Финкельштейн. — К. : Факт, 2000. — 232 с.
4. Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — 398 с.
5. Киев : Русская поэзия. XX век : поэтическая антология / сост. Ю. Каплан. — К. : ООО «Юг», 2003. — 440 с.
6. Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — 424 с.
7. Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — 256 с.

Стихотворения

8. Аинова Т. Этому городу угрожает insult / Т. Аинова // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 492.
9. Анненский Ин. Киевские пещеры / Ин. Анненский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 91.
10. Анстей О. Дом Городецкого в Киеве / О. Анстей // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 114.
11. Анстей О. Полынок / О. Анстей // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 120.
12. Анстей О. Последний день / О. Анстей // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 90.

13. Ант В. Киевский университет / В. Ант // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 109.
14. Арбузов Н. Киев / Н. Арбузов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 40.
15. Аронов Г. От Совок до Святошино / Г. Аронов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 259
16. Аронов Г. Исчезнувшие реки / Г. Аронов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 261
17. Аронов Г. Печерск, крутой спуск / Г. Аронов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 262
18. Ахматова А. Киев / А. Ахматова // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 97.
19. Ахматова А. И в Киевском храме Премудрости Бога / А. Ахматова // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 98.
20. Ахматова А. Поэма без героя / А. Ахматова // Собрание сочинений : [в 6 т.] / А. Ахматова ; [сост., подгот. текста, коммент. С. А. Коваленко]. — М. : Эллис Лак, 1998. — Т. 3 : Поэмы. Pro domo mea. Театр. — С. 49.
21. Бельченко Н. Здесь Лыбедь мутная живет / Н. Бельченко // Бродяга/беглец : стихотворения / Н. Бельченко. — Дрогобич : Коло, 2010. — С. 16.
22. Бельченко Н. Киевское / Н. Бельченко // Бродяга/беглец : стихотворения / Н. Бельченко. — Дрогобич : Коло, 2010. — С. 31.

23. Бельченко Н. Осенним вечером на Лукьяновке / Н. Бельченко // Бродяга/беглец : стихотворения / Н. Бельченко. — Дрогобич : Коло, 2010. — С. 83.
24. Бельченко Н. Я улице этой ногами / Н. Бельченко // Бродяга/беглец : стихотворения / Н. Бельченко. — Дрогобич : Коло, 2010. — С. 22.
25. Бенедиктов В. Киев / В. Бенедиктов // Стихотворения / В. Г. Бенедиктов. — [2-е изд.]. — Л. : Советский писатель, 1983. — С. 178. (Библиотека поэта. Большая серия).
26. Билыч К. Весна на Подоле... / К. Билыч // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 329
27. Блок А. Ты прошла голубыми путями / А. Блок // Собрание сочинений : [в 6 т.] / А. Блок. — М. : Правда, 1971. — С. 102.
28. Богуславская В. Все сбудется еще... / В. Богуславская // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 290.
29. Богуславская М. Киево-Печерская лавра / М. Богуславская // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 290.
30. Бондаренко С. Майдан Незалежности / С. Бондаренко // СНГений. Новоизбранное. — К. : Факт, 2005. — С. 77.
31. Бондаренко С. Текст отмененной экскурсии / С. Бондаренко // СНГений. Новоизбранное. — К. : Факт, 2005. — С. 57.
32. Брюсов В. Разоренный Киев / В. Брюсов // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 90.
33. Бураго Д. Бабий яр / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 56.
34. Бураго Д. Изъян / Д. Бураго // Collegium : [междунар. науч.-худ. журн.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 278.

35. Бураго Д. В Рождество / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 59.
36. Бураго Д. Киев / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго. — С. 66.
37. Бураго Д. Колокол. / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 14.
38. Бураго Д. Московский мост / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 24.
39. Бураго Д. Я просыпаюсь в чудо-пустоте / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 31.
40. Бураго Д. Осень... / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 15.
41. Бураго Д. Переплет / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 83.
42. Бураго Д. Post scriptum / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 121.
43. Бураго Д. Снежный кот / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 107.
44. Бураго Д. Стих / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 81.
45. Бураго Д. Эль-Гуна / Д. Бураго // Киевский сбор / Д. Бураго. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2011. — С. 92.
46. Бураго Д. Он еще жив, но в это почти не верит... / Д. Бураго // Эхо мертвого города / Д. Бураго. — К. : Ред. журн. «Самватас», 1992. — С. 88.
47. Вдовиченко (поручик). Киев / Вдовиченко (поручик) // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 160.
48. Волосюк И. Почти одинаковы: род, рать / И. Волосюк / Радуга : журн. худ. лит. и общественной мысли. — К. : Аванпост-Прим, 2016. — С. 177.

49. Волошин М. Киев / М. Волошин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 49.
50. Волошин М. Lunaria / М. Волошин // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М. А. Волошин ; [вступ. ст. З. Д. Давыдова, В. П. Купченко]. — М. : Правда, 1991. — С. 86.
51. Волошин М. Сон в Шули / М. Волошин // Собрание сочинений / М. Волошин ; [сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; коммент. В. П. Купченко]. — М. : Эллис Лак 2000, 2004. — Т. 2 : Стихотворения и поэмы 1891—1931. — 768 с.
52. Волошин М. Надписи на акварелях / М. Волошин // Собрание сочинений / М. Волошин ; [сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; коммент. В. П. Купченко]. — М. : Эллис Лак 2000, 2004. — Т. 2 : Стихотворения и поэмы 1891—1931. — 768 с.
53. Вышеславский Л. Ильинская на Подоле / Л. Вышеславский // Поэтический атлас Киева Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 133.
54. Вышеславский Л. На этих берегах / Л. Вышеславский // Поэтический атлас Киева Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 134.
55. Вышеславский Л. Чернобыльские рентгены / Л. Вышеславский // Поэтический атлас Киева Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 136.
56. Глушкова Т. Я возвращаюсь в этот город / Т. Глушкова // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 299.

57. Гордеев С. Оболонь / С. Гордеев // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 97.
58. Гордеев С. Последняя тропа / С. Гордеев // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 95.
59. Гордеев В. Прощай, Киев / В. Гордеев // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 268.
60. Гордеев В. С чистого листа / В. Гордеев // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 269.
61. Городской Я. Голуби / Я. Городской // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 88.
62. Грабовская Л. Вашей книги листая страницы / Л. Грабовская // Лиловый вереск / Л. Грабовская. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2002. — С. 137.
63. Грабовская Л. Вербное озеро / Л. Грабовская // Лиловый вереск / Л. Грабовская. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2002. — С. 142.
64. Гриб Т. Город [Электронный ресурс] / Т. Гриб. — Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2010/10/27/5758>
65. Гумилев Н. Из логова змиева / Н. Гумилев // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 93.
66. Давиденко Л. В самом себе найдешь следы костров... / Л. Давиденко // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 285.
67. Давиденко Л. Город / Л. Давиденко // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 286.

68. Даен Л. Крутогоры / Л. Даен // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 243.
69. Дейч А. Все те же красные колонны... / А. Дейч // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 65
70. Дербенев Л. Снится мне деревня [Электронный ресурс] / Л. Дербенев. — Режим доступа : <http://www.artists/belikov-sergej/text/snitsya-mne-derevnya>
71. Доля М. Правая часть / М. Доля // Византийская жатва / М. Доля. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2012. — С. 9.
72. Доля М. Тени дневные / М. Доля // Византийская жатва / М. Доля. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2012. — С. 60.
73. Дон Аминадо. Город чужих / Дон Аминадо // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 109.
74. Дон Аминадо. Я тоже помню эти дни / Дон Аминадо // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — 256 с.
75. Дробот В. Киев-2014 / В. Дробот // Радуга : журнал художественной литературы и общественной мысли — К. : Аванпост-Прим, 2016. — С. 90.
76. Жданов И. Стихи по случаю Нового года / И. Жданов // Соты : литературно-художественный журнал. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2004. — № 10. — С. 5.
77. Животов Н. В купеческом собрании в Києве / Н. Животов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 56.
78. Жуковский В. К Воейкову / В. Жуковский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 35.

79. Жуковский В. Двенадцать спящих дев. Вадим. Отрывок / В. Жуковский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 52.
80. Заболоцкий Н. На закате / Н. Заболоцкий // Избранные сочинения / сост. Н. Заболоцкий. — М. : Художественная литература, 1991. — С. 210.
81. Загоскин М. Аскольдова могила. Повесть времен Владимира Первого / Михаил Николаевич Загоскин — М. : Директ-Медия, 2014. — 285 с.
82. Заславский Р. Над временем злым и веселым / Р. Заславский // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 193.
83. Заславский Р. Переулок десятинный / Р. Заславский // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 191.
84. Заславский Р. Этот город / Р. Заславский // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К.: Журнал «Радуга», 2001. — С. 194.
85. Заславский Р. По крутизне... / Р. Заславский // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 197.
86. Зарахович А. Во глубокие берега / А. Зарахович // Чехонь : поезії / А. Зарахович. — К. : Гамазин, 2011. — 110 с.
87. Зарахович А. И пришел воевода татарский... / А. Зарахович // Табукатура / А. Зарахович. — К. : Collegium, 1997. — С. 4.
88. Зарахович А. Мой город, мой печальный друг / А. Зарахович // Табукатура / А. Зарахович. — К. : Collegium, 1997. — С. 16.
89. Злотников Н. Мариинский парк / Н. Злотников // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 272.
90. Иванченко И. Речка Совка / И. Иванченко // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 464.

91. Ильин В. Дорога / В. Ильин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 295.
92. Каденко В. Весенняя ересь / В. Каденко // На долгую жизнь... : стихотворения / В. Каденко. — СПб. : Вита Нова, 2003. — С. 88.
93. Каденко В. Крещенское / В. Каденко // На долгую жизнь... : стихотворения / В. Каденко. — СПб. : Вита Нова, 2003. — С. 52.
94. Каденко В. Сонет (Так в Лавре воздух обезвожен) / В. Каденко // На долгую жизнь... : стихотворения / В. Каденко. — СПб. : Вита Нова, 2003. — С. 65.
95. Каденко В. Сонет / В. Каденко // На долгую жизнь... : стихотворения / В. Каденко. — СПб. : Вита Нова, 2003. — С. 71.
96. Каденко В. У киевских холмов / В. Каденко // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 352.
97. Каплан Ю. Скрипят трамваи, звякают ключи / Ю. Каплан // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 274.
98. Каплан Ю. Ах, Андреевская церковь / Ю. Каплан // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 275.
99. Каплан Ю. Тельбин / Ю. Каплан // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 274.
100. Каплан Ю. Киев 110 / Ю. Каплан // Поля тяготения : стихи / Ю. Каплан. — К. : Междунар. культурно-просветительское о-во Белый птах, 1998. — С. 90.
101. Каплан Ю. Туже стягивает петлю / Ю. Каплан // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 277.

102. Карпеко В. Куинджи — гений / В. Карпеко // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012 — С. 196.
103. Катаев В. Киев / В. Катаев // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 134.
104. Киселев Л. Дарница вскрикнет испуганной птицей / Л. Киселев // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 309.
105. Козлов И. Киев / И. Козлов // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 69.
106. Красиков М. Язык до Киева, веди! / М. Красиков // Утро вечера : стихи / М. Красиков. — Харьков : Эксклюзив, 2014 — С. 29.
107. Кручик И. Вертушки и трещотки / И. Кручик // Арки : стихотворения / И. Кручик. — К. : Визант, 2007. — С. 38.
108. Лапинский И. Какое дело мне до бедуина / И. Лапинский // LUDI / И. Лапинский. — К. : Изд. дом Дмитрий Бураго, 2000. — С. 8.
109. Лапинский И. Тихо топает лошадка Росинант / И. Лапинский // LUDI / И. Лапинский. — К. : Изд. дом Дмитрий Бураго, 2000. — С. 42.
110. Левин Р. Крутизна / Р. Левин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 253.
111. Левин Р. Киевская осень / Р. Левин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 255.
112. Левин Р. Долголетие / Р. Левин // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 250.
113. Левитанский Ю. Но так мне хотелось / Ю. Левитанский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 198.

114. Лемыш А. Андреевский / А. Лемыш // Радуга. — К. : Аванпост-Прим, 2016. — С. 100.
115. Лемыш А. Почайна / А. Лемыш // Радуга. — К. : Аванпост-Прим, 2016. — С. 103.
116. Лозовой В. За Чертороем моторка стонет / В. Лозовой // Аквареликт / В. Лозовой. — К. : Цвях, 2003. — С. 28.
117. Львов Н. Отрывок из богатырской песни «Добрыня» // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 31.
118. Луценко М. Исповедь Лыбеди // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 470.
119. Малахов В. Город / В. Малахов // Вослед душе / В. Малахов. — К. : Дух і літера, 2005. — С. 7.
120. Малахов В. Три слова / В. Малахов // Вослед душе / В. Малахов. — К. : Дух і літера, 2005. — С. 34.
121. Мандельштам О. В Петербурге мы сойдемся снова / О. Мандельштам // Сочинения : [в 2 т.] / О. Мандельштам. — М. : Худож. лит., 1990. — Т. 1 : Стихотворения. — С. 132.
122. Мандельштам О. Как по улицам Киева-Вия / О. Мандельштам // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К.: Laurus, 2012. — С. 135.
123. Маяковский В. Киев / В. Маяковский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 117.
124. Мориц Ю. Где / Ю. Мориц // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 278.
125. Моршен Н. Андреевская церковь / Н. Моршен // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 155.

126. Надсон С. Прощай, туманная столица... / С. Надсон // Киев : Русская поэзия. XX век : поэтическая антология / сост. Ю. Каплан. — К. : ООО «Юг», 2003. — С. 16.
127. Новиков Н. София / Н. Новиков // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 246.
128. Новиков Н. Соловьи-разбойники / Н. Новиков // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laugus, 2012. — С. 248.
129. Одоевский А. Из поэмы «Василько» / А. Одоевский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 73.
130. Ойфа П. Киев / П. Ойфа // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laugus, 2012. — С. 107.
131. Ольшанская Е. Старый Киев / Е. Ольшанская // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laugus, 2012. — С. 236.
132. Остолопов-Майоров В. Андреевский спуск / В. Остолопов-Майоров // Тысяча и один год : Изборник Владимира : Литургия : [стихи] / В. Остолопов-Майоров. — К. : Рад. письменник, 1991. — С. 6.
133. Остолопов-Майоров В. А ночь дарила полнолуние / В. Остолопов-Майоров // Тысяча и один год : Изборник Владимира : Литургия : [стихи] / В. Остолопов-Майоров. — К. : Рад. письменник, 1991. — С. 23.
134. Остолопов-Майоров В. Десятинная церковь / В. Остолопов-Майоров // Тысяча и один год : Изборник Владимира : Литургия : [стихи] / В. Остолопов-Майоров. — К. : Рад. письменник, 1991. — С. 49.
135. Остолопов-Майоров В. Днепр / В. Остолопов-Майоров // Тысяча и один год : Изборник Владимира : Литургия : [стихи] / В. Остолопов-Майоров. — К. : Рад. письменник, 1991. — С. 22.
136. Остолопов-Майоров В. Ночной Крещатик / В. Остолопов-Майоров // Тысяча и один год : Изборник Владимира : Литургия : [стихи] / В. Остолопов-Майоров. — К. : Рад. письменник, 1991. — С. 50.

137. Пастернак Б. Баллада / Б. Пастернак // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 125.
138. Пастернак Б. Из поэмы «Лейтенант Шмидт» / Б. Пастернак // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 123.
139. Пастернак Б. Ты здесь, мы в воздухе одном / Б. Пастернак // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 130.
140. Пастернак Б. Опять Шопен не ищет выгод / Б. Пастернак // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 127.
141. Подолинский А. На развалинах Десятинной церкви / А. Подолинский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 32.
142. Prosto Zagadka. Мой Киев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2005/05/21-1379>
143. Путилова К. На Подоле / К. Путилова // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 208.
144. Путилова К. Андреевская церковь / К. Путилова // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 207.
145. Путилова К. Вечерний трамвай через мост Патона / К. Путилова // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 209.
146. Пушкин А. Руслан и Людмила / А. Пушкин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 16.

147. Пушкин А. Сочинения : [в 3 т.] / А. Пушкин. — М. : Худож. лит., 1986. Т.2 : Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. — С. 186—354.
148. Пушкин А. Гусар / А. Пушкин // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 63.
149. Рождественский Вс. Раздвинул Киев крутые склоны / Вс. Рождественский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 85.
150. Рассыпаев В. Такое небо над Шулявкой — оферзеть! / В. Рассыпаев // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 470.
151. Рылеев К. Киев / К. Рылеев // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 71.
152. Рубальская Л. На два дня [Электронный ресурс] / Л. Рубальская. — Режим доступа : <http://www.tekstipesen.ru/song.php?id=1038446>
153. Русь богатырская : былины в пересказе Ирины Карнауховой ; ил. Н. Кочергина. — М. : Нигма, 2013. — 176 с.
154. Самолевская О. Вы думали / О. Самолевская // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 464.
155. Сигов К. Этот город — крест и кров... / К. Сигов // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 371.
156. Случевский К. В Киеве ночью / К. Случевский // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 88.
157. Смирнов Л. Колыбельная для Киева / Л. Смирнов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 235.
158. Соловей Будимирович. Из былины / Соловей Будимирович // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 8.

159. Тарковский А. Рифма / А. Тарковский // Собрание сочинений : [в 3 т.] / А. Тарковский ; [сост. Т. Озерской-Тарковской]. — М. : Худож. лит., 1991. — Т.1 : Стихотворения. — С. 192.
160. Темин Л. Киеву / Л. Темин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laugus, 2012. — С. 264.
161. Тиняков А. Еще пылают вышки башен / А. Тиняков // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 92.
162. Титова Л. В плену / Л. Титова // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 148.
163. Тихий С. Город. Взгляд с крыши / С. Тихий // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 355.
164. Толстой А. Песня о походе Владимира на Корсунь / А. Толстой // Собрание сочинений : [в 4 т.] / А. Толстой. — М. : Изд-во худ. лит., 1963. — Т. 1 : Стихотворения. — С. 284.
165. Толстой А. Поток-богатырь / А. Толстой // Собрание сочинений : [в 4 т.] / А. Толстой. — М. : Изд-во худ. лит., 1963. — С. 306.
166. Толстой А. Сватовство / А. Толстой // Собрание сочинений : [в 4 т.] / А. Толстой. — М. : Изд-во худ. лит., 1963. — С. 331.
167. Толстой А. Три побоища / А. Толстой // Собрание сочинений : [в 4 т.] / А. Толстой. — М. : Изд-во худ. лит., 1963. — С. 269.
168. Тютчев Ф. А. День и ночь / Ф. И. Тютчев // Полное собрание сочинений и писем : [в 6 т.] / Ф. А. Тютчев. — М. : Изд. центр «Классика», 2002. — Т. 1 : Стихотворения, 1813—1849. — С. 185.
169. Тютчев Ф. А. Н. Муравьеву (Там, где на высоте обрыва) / Ф. И. Тютчев // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laugus, 2012. — С. 84.

170. Ушаков Н. Старый Киев / Н. Ушаков // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 92.
171. Филиппова Н. Эмигранту / Н. Филиппова // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 348.
172. Хелемский Я. Ни дождя, ни ветра, ни тумана / Я. Хелемский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 121.
173. Хелемский Я. Полночный час у дома Турбиных / Я. Хелемский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 126.
174. Хлебников В. Киевские впечатления сына Выдры / В. Хлебников // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 100.
175. Ходасевич В. Все каменное в каменный пролет / В. Ходасевич // Тяжелая лира : [стихотворения] / Владислав Ходасевич. — М. : НексМедиа ИД Комсомольская правда, 2013. — С. 186.
176. Хомяков А. Киев / А. Хомяков // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 80.
177. Цветаева М. Ночь / М. Цветаева // Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. Цветаева. — М. : Альфа-книга, 2008. — С. 463.
178. Цветаева М. Старуха / М. Цветаева // Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. Цветаева. — М. : Альфа-книга, 2008. — С. 63.
179. Чернов А. Глазомир : стихотворения и поэма / Александр Чернов. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2003. — 62 с.

180. Чернов А. Если Верхний и Нижний Вал / А. Чернов // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 342.
181. Чернов А. Оживают древесные сны / А. Чернов // Соты 2014—2016 : [лит.-худ. изд.]. — К. : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. — С. 41.
182. Черный С. Пуца водица / С. Черный // Киев в русской поэзии : антология / сост. И. Булкина. — К. : Laurus, 2012. — С. 107.
183. Чичибабин Б. Киев / Б. Чичибабин // Сто русских поэтов о Киеве : антология / сост. Р. Заславский. — К. : Журнал «Радуга», 2001. — С. 165.
184. Чичибабин Б. Сказано в Киеве / Б. Чичибабин // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 203.
185. Чичибабин Б. Уже картошка выкопана... / Б. Чичибабин // Прямая речь / Б. Чичибабин. — Харьков : Фолио, 2008. — С. 23.
186. Шерешевский Л. На Софийской площади / Л. Шерешевский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 217.
187. Шерешевский Л. Киев, мой Киев... / Л. Шерешевский // Поэтический атлас Киева : [лит.-худ. изд.] / сост. П. Лаврова, В. Каденко, Ю. Ковальский. — К. : Laurus, 2012. — С. 220.
188. Эренбург И. Привели и застрелили у Днепра / И. Эренбург // Стихотворения / И. Эренбург ; [сост. и примеч. Г. А. Белой]. — М. : Сов. Розсип, 1982. — С. 83.